

Кадетская

ПЕРЕКЛИЧКА

№ 38

КАДЕТСКАЯ ПЕРЕКЛИЧКА

Периодический журнал Объединения Кадет Российских
Кадетских Корпусов за рубежом, Нью-Йорк, США

№ 38

Нью-Йорк

Май 1985

"CADETS ROLLCALL"

Periodical Magazine

**Published by Association of Russian Cadets graduated
outside of Russia, Inc.**

New York, USA

Editor

Nicholas W. Koziakin

Administrator

Eugene Girs

85-59, 88th Street

Woodhaven, N. Y.

11421

All rights reserved

ОГЛАВЛЕНИЕ

Отречение 1917. Ген. шт. полк. Б. Сергиевский	3
Русская Монархия и Народ. С. Третьяков	58
Чайковская Царская Дочь или Самозванка. П. Пагануцци	67
Альбом. Стихи. Бертье-де-ля-Гард	92
Военные Гимназии. П. Гаттенбергер	92
Обо всем понемногу	104
Кое о чем. Алексей Мальчевский	105
Нам пишут	108
Контр Адм. А. Ф. Можайский. Борис Павлов	111
Список жертвователей в фонд журнала	114
Отдел Розысков	114
От Редакции	114
Памяти Ушедших	115
Представители «Кадетской Переключки»	

**Подписывайтесь и распространяйте
«Кадетскую Переключку»**

Ген. Штаба полковник

Б. Н. Сергиевский

ОТРЕЧЕНИЕ 1917

(Машинописное издание «Военного Вестника», Нью Йорк, 1969 г.,
присланное для напечатания И. А. Автамоновым)

I.

18-го февраля, в день моего приезда в Ставку, Государя там не было. Он находился в Царском Селе, ввиду происходившей в Петрограде, частично под Его председательством, междусоюзной конференции, на которой принималось решение о совместном переходе всех союзных фронтов в наступление, для нанесения Германско-Австрийцам последнего удара.

Что это наступление будет последним, мы были уверены; об этом свидетельствовали нам несомненные факты: Германия расформировывала третье-очередные дивизии, чтобы их чинами пополнить первоочередные, так как людской запас в Германии кончился; ее военные заводы сократили производство на 50 процентов, ибо не хватало металлов; население Германии уже более двух лет голодало.

Ввиду приближения окончания конференции вернулся в Ставку и ген. Алексеев, еще совсем больной, с повышенной температурой и болями в почках (он лечился в Крыму от болезни почек, от которой он впоследствии и скончался — 25 сентября 1918 года).

20-го февраля конференция в Петрограде закончилась, назначив днем начала общего для всех союзников наступления 12 апреля (ст. ст.).

21-го (или 22-го) февраля вечером Государь вернулся в Ставку.

22-го же февраля начались в Петрограде беспорядки, которые через 2-3 дня обратились в революцию.

Поздно вечером, в день приезда Государя, стало мне известно о решении союзной конференции, так как офицеры оперативного отделения просили меня помочь им в шифровании ряда телеграмм в штабы фронтов по этому вопросу.

В следующие 2-3 дня наше Управление с утра и до поздних ночных часов разрабатывало предстоящие, начиная с 12

апреля операции на Русском фронте. Конечно, они были уже давно предположены, но теперь нужно было их приурочить к тем совместным с союзниками действиям, которые были установлены на союзной конференции.

Надо было окончательно определить основы нашего плана, избрать направления главного удара, направления вспомогательных ударов; все это — запрашивая мнения Главнокомандующих фронтами. Наконец, по выяснении этих основных решений, надо было рассчитать перевозки войск для создания, соответствующей плану, группировки.

К вечеру 25 февраля все эти работы были закончены и последние и окончательные распоряжения зашифровались до 2-х часов ночи на 26-ое февраля.

Мне запомнился вывод плана перевозок: требовалось перебросить по железным дорогам 10 армейских корпусов, т. е. около 500 поездных воинских составов. Оставшиеся до 12 апреля 45 дней были едва-едва достаточны для выполнения этих перевозок ¹⁾.

Не удивительно, что за этой интенсивной работой 22-25 февраля чины нашего Управления, и я в том числе, не читали газет и не обращали внимания на отрывочно до нас долетавшие слухи о каких-то «беспорядках в очередях у хлебных лавок» в Петрограде, о чем доходили сведения до Ставки.

II. 26-ое ФЕВРАЛЯ.

Заснув только к 3-м часам ночи, я встал сравнительно поздно и около 8:30 часов пришел в штабную столовую пить кофе. Увидев там помощника начальника Оперативного отделения ген. штаба подполковника Тихобразова, я подсел к нему. Он побывал уже в Штабе с 7 до 8 час. и, после доклада о происшедшем на фронтах за ночь, имел свободный час. Мы вместе напились кофе и вместе пошли к 9 часам в наше Управление. И за кофе, и по пути мы говорили о предстоящих в апреле операциях и совершенно не думали о «беспорядках» в столице.

За ночь выпал глубокий снег, и через площадь перед зданиями Управлений Генерал-Квартирмейстера и Дежурного Генерала и домом Губернатора приходилось идти по узкой,

1) С потерей нами железнодорожных узлов Вильны, Барановичей и друг., у нас не хватало линий меридиального направления.

протоптанной в снегу тропинке. Тихобразов пошел впереди, я за ним. Мы были увлечены разговором и не обращали внимания на шедших нам навстречу трех казаков Конвоя Его Величества. Они шли также один за другим.

Когда мы совсем сошлись с ними, то Тихобразов вдруг отскочил с тропинки в снег и, сталкивая рукой и меня, едва успел проговорить:

«Государь!»

И я увидел перед нами Его Величество.

Государь, в форме Своего Конвоя, шел через площадь в церковь, занятую для богослужений штаба, где только что раздался благовест к обеду (было воскресенье и, кроме того, день рождения Императора Александра III).

Я едва успел отскочить в снег, становясь во фронт и отдавая честь, как Государь, отвечая нам и слегка улыбаясь, прошел вплотную мимо меня. За ним шли офицер и урядник Конвоя.

Мы от неожиданности остались стоять на месте, глядя вслед, и стали свидетелями следующей сцены. Старик-извозчик, в санях, вез поперек пути Государя двух студентов и сидевшую у них на коленях барышню. Видя идущих «трех казаков», он кричал им: «Эй, эй, берегись!» Хотя его лошаденка шла самой ленивой рысцей, но он все-таки едва не наехал на не обращавших на него внимания «казаков». С трудом повернув лошадь, он объехал их сзади, наставительно им крича:

«Вишь, не бережется! А наедь на которого, так отвечать будешь!»

В это время Государь дошел до тротуара у дома Губернской Земской Управы и повернул по нему в сторону Днепра, в ту же сторону, куда ехал извозчик. Последний продолжал ворчать, но вдруг узнал Монарха. Бросив вожжи, он схватил обеими руками свою шапку и, срывая ее с головы, завопил:

— Царь!!!

Студенты тоже схватились за фуражки, и все четверо, обернувшись назад, глядели вслед Государю, который свернул с тротуара в проход между домами к находившейся за ними церкви. А лошаденка продолжала бежать к спуску к реке...

— Подумать, что так идет в церковь Император, повелитель 150 миллионов человек! — сказал мне Тихобразов.

Через минуту мы вошли в подъезд нашего Управления и... снова остановились в изумлении: внутри здания стоял шум многих взволнованных голосов, словно во встревоженном

улье, и слышалось невероятное слово — «революция»...

Через несколько минут я узнал, что в Ставке получены телеграммы об обращении беспорядков в столице в открытый мятеж. Об этом доносили и Председатель Государственной Думы Родзянко, и военные начальники ²⁾. Далее я узнал, что ген. Алексеев докладывал уже об этом Государю и что в Петроград посылается из Ставки отряд с лицом, которое изберет Государь и которому даются неограниченные полномочия.

Около 11 час. Государь вернулся из церкви во дворец, и скоро стало известно, что выбор Его остановился на генерал-адъютанте, ген.-от-артиллерии Николае Иудовиче **Иванове**, бывшем Главнокомандующем армиями Юго-Западного фронта, находившемся в Ставке. Около полудня я видел из окна своего кабинета, как к посту полевых жандармов подъехал на извозчике ген. Иванов, как расплачивался он с извозчиком, шутя в то же время с жандармами, и как его довольно грузная старческая фигура с большой бородой прошла до подъезда дворца, где стоял парный пост часовых от Георгиевского батальона, и вошла в него: ген. Иванов был приглашен к Высочайшему завтраку, после которого последовало его назначение.

Мне представляется, что ген. Иванов во главе 2-х эшелонов войск из состава гарнизона Могилева (части Собственного Его Величества пех. полка, части Георгиевского батальона, м. б. и части Конвоя Его Величества, с приданными техническими частями — напр., радиостанцией) двинулся со ст. Могилев **около 17 часов того же 26-го февраля**. Различные воспоминания других лиц говорят, что отряд ген. Иванова двинулся только через сутки — под вечер 27-го февраля, или даже еще позже.

Ген. Иванову был придан, в качестве начальника штаба отряда, ген. штаба подполковник Капустин, Затем, в распоряжение ген. Иванова повелено было перевезти 7 полков с артиллерией (по 2-3 полка от Северного, Западного и Юго-Западного фронтов). Мне представляется, что приказание это отдано также в тот же день, 26-го февраля. Это опять-таки расходится с другими рассказами, указывающими на 27-ое февраля. Я готов допустить, что память мне в этом изменила

2) Я упоминаю о получении этих телеграмм лишь вскользь, для связности моего рассказа. Я не помню, что из их содержания стало мне известно тогда, а что я узнал позже из других источников, почему и опускаю подробности.

и что началом всех перевозок было 27-е число.

Обо всем этом шло в эти два дня много разговоров между чинами нашего Управления. Мне запомнилось из этих разговоров следующее:

Ген. Алексеев был очень огорчен словами Государя относительно назначения лица с неограниченными полномочиями: «... **но лицо Я изберу сам**». Из разговоров, тогда слышанных, я вывел заключение, что идея посылки полномочного лица была предложена ген. Алексеевым и, очевидно, Государю был известен и кандидат ген. Алексеева. Поэтому эти слова могли быть поняты генералом Алексеевым, как выражение некоторого недверия к нему. С другой стороны, ген. Алексеев мог быть огорчен выбором именно ген. Иванова: он отлично знал этого генерала и знал, что он для данного поручения совершенно непригоден. Я еще вернусь к вопросу о том кандидате, которого предлагал ген. Алексеев.

Говорили тогда, что личность ген. Иванова была подсказана Свитой. (Теперь установлено, что это был совет ген. Дубенского, официального историографа Ставки).

Относительно ген. Николая Иудовича Иванова все слышанные мною мнения сходились к одному: это был безусловно честный и преданный Государю генерал. Но, и его годы, и его характер совершенно не отвечали задаче решительного подавления революции, а его государственный кругозор — задаче поддержания или восстановления государственного порядка в столь важный политический момент. Недостатки ген. Иванова были поняты Ставкой еще осенью 1915 года. Им управляемый Юго-Западный фронт одерживал огромные победы в 1914 и первых месяцах 1915 года, то есть, когда его начальником штаба был генерал Алексеев; когда же последний, весной 1915 года, был назначен Главнокомандующим Северо-Западным фронтом, то на Юго-Западном фронте начались ссоры между старшими генералами и беспросветные неудачи, поведшие к смене Н. И. Иванова зимой 1915-1916 г. С тех пор, около года, ген. Иванов состоял в почетной отставке, «в распоряжении Его Величества», проживая без всякого дела в своем вагоне на ст. Могилев.

Приданного ему тогда в виде начальника штаба подполковника Капустина, хотя он и был моего выпуска из Академии, я знал очень мало. Позже я убедился, что это был совсем безинициативный и нерешительный человек. Помочь генералу Иванову советом он не был в состоянии.

Помню, что заходившие тогда ко мне, на службу связи, офицеры оперативной части выражали свое огорчение по поводу выбора полков, назначенных к перевозке в Петроград: Государь выбрал их сам, по их, знакомым Ему лично, командирам. Между тем оказалось, что часть выбранных полков стояла на линии фронта. Пришлось подводить для их смены полки из резерва, производить эту смену и затем вести сменные полки к станциям посадки. На это ушло около двух суток драгоценного в таких обстоятельствах времени. Между тем, целые дивизии стояли на каждом фронте в глубоких резервах, в районах больших узловых станций. Погрузка их могла быть выполнена немедленно. Но по взглядам того времени и при условии, что несомненно предстояла борьба за Государя и Престол и раз Его Величество взял на себя лично выбор начальников и частей для этой борьбы, было совершенно неудобно возражать Ему и предлагать для перевозки и борьбы другие части. Возможно, что и промелькнувшая тень недоверия сыграла здесь свою роль. (Последняя мысль — моя лично, Б. С.). «Свита», не любившая ген. Алексея, пламенно желая, конечно, защитить Государя, но не зная деталей военной обстановки, сыграла довольно гибельную для Монархии роль. Министры в Петрограде сыграли, как увидим дальше, еще худшую роль.

Но я помню, что через мои руки прошла телеграмма ген. Алексея Главкомандующим фронтами о возможности ускорении подвоза полков к станциям погрузки и о назначении для возглавления бригад (точнее — групп из двух полков, перевезившихся с каждого фронта) самых «твердых» генералов.

Между тем из Петрограда получались тяжелые известия. Все шире разрасталось восстание запасных батальонов ³⁾. Восставшими уже захватывались правительственные учреждения. Сейчас мне трудно восстановить в памяти, какие из этих известий были получены 26-го февраля, а какие — 27-го.

3) Гарнизон Петрограда состоял почти исключительно из запасных батальонов Гвардейских полков, которые сами все были на фронте. «Запасными» батальонами назывались команды для обучения вновь призванных новобранцев. Призыв в военное время производился по территориальному принципу, и потому эти гвардейские батальоны были осенью 1916 г. пополнены почти исключительно рабочими Петроградских заводов, сплошь распропагандированными социалистами. Еще при призыве их ген. Алексеев пытался протестовать. Но призыв производился Министерством Внутрен. дел, и в происшедшем конфликте Государь стал на сторону министра Протопопова.

III. 27-е ФЕВРАЛЯ.

Грозный день! Из Петрограда продолжали поступать известия о падении одного министерства за другим, о полной неудаче попыток воинского сопротивления, о том, что только два учреждения остаются еще в руках императорских войск: Главное Управление Генерального Штаба и Адмиралтейство!..

Наконец, пало первое из них, а вместе с тем в руки мятежников перешли обе телеграфные линии, которые связывали Ставку с Петроградом. Возможно, что это последнее известие пришло уже 28-го февраля.

Тогда мне представлялось, что мятежники, захватывая министерства, арестовывали министров. Совсем недавно (1955 год) меня уверял Н. Д. Тальберг, что министры лично не были задержаны революционерами, но сами, видя, что власть в столице захвачена мятежниками, «сложили свои полномочия». Так поступил и Председатель Совета Министров кн. Голицын. (Есть сведение, что это решено даже в заседании Совета Министров и что кн. Голицын донес об этом Государю телеграммой).

Если это было действительно так, то приходится думать, что главы ведомств думали только о Петрограде, а не о всем управляемом ими огромном государстве... Неужели же никто из них не нашел возможности выехать из Петербурга (поезда продолжали ходить) к Тому, чьим министром он был, или хотя бы только за пределы первоначального очага революции? Или же они в душе были рады революции и сознательно облегчали ее дело? Или это все были вовсе беспринципные люди, неспособные не только на личный подвиг, но даже на простое исполнение своего долга, раз это оказывалось связанным с житейскими трудностями или беспокойствами?

Думаю, что, как это ни грустно, но налицо было последнее, т. е. полное ничтожество носителей власти!..

Отчетливо помню вечер этого дня — 27 февраля. Около 20 часов (8 ч. вечера) в дежурную комнату службы связи вошел Дворцовый Комендант генерал Воейков и передал мне Высочайшее повеление немедленно получить и предоставить ему прямой провод на Царское Село — Дворец, удалив из аппаратной всех телеграфистов, кроме того, который будет работать на этом проводе ⁴⁾. Через несколько минут это

4) Техническая возможность этого была предусмотрена, и, кажется, уже и раньше были случаи работы с «Царским Селом — Дворцом» на-прямую.

требование было осуществлено: из меньшей из двух аппаратных комнат были удалены телеграфисты Румынского фронта, на запасном аппарате системы Юза появилось «Царское Село — Дворец», и ген. Воейков заперся в этой комнате с очередным юзистом.

Переговоры ген. Воейкова продолжались не менее 3-х часов. Генерал несколько раз убежал с ворохами телеграфной ленты то во Дворец, к Государю, то в верхний этаж нашего здания, к ген. Алексееву, который лежал в постели с высокой температурой и болями в почке.

В 24-м часу Воейков ушел, заявив мне, что его переговоры окончены и что можно восстановить нормальную работу телеграфа. Все это время Воейков был очень взволнован. Мне было ясно, что переговоры шли между Государем и Государыней и касались очень важных вопросов. Теперь я понимаю, что за эти 3 часа фактически решилась судьба Империи: решено было то, что повело к 2-суточному перерыву действий Верховной Власти, «Революция» же работала во-всю и укрепляла свое положение...

Тогда я не считал себя в праве что-нибудь спрашивать у генерала, тем более, что не был с ним даже знаком. Не хотелось мне и идти наверх, чтобы кого-нибудь расспросить в Оперативном отделении: в столь ответственные часы любопытство мне казалось недопустимым.

Около полуночи некоторые офицеры оперативной части, как обычно, зашли ко мне для сдачи последних телеграмм и рассказали, что Государь решал вопрос — вывозить ли Свою семью спешно из Царского Села в Ставку или самому ехать к семье. Так как Великие Княжны все лежали в кори, то Государыня настояла на Его приезде. Последовало распоряжение о подаче «литерных поездов» ⁵⁾. Это взволновало ген. Алексеева. Он оделся и пошел во дворец, сказав, уходя: «На колени стану, буду умолять не уезжать — это погубит Россию»...

Генерал вернулся успокоенным, сказав коротко (видимо, генерал-квартирмейстеру): «Удалось уговорить!»

Около часа ночи на 28-е февраля я ушел спать в свою гостиницу. Там в коридоре я застал смятение: бегали какие-то полураздетые офицеры и кричали денщикам, тащившим какие-то чемоданы:

5) Поезда Государя и Свиты носили вместо номеров обозначения буквами (литерами), почему кратко назывались «литерными».

— Скорее, скорее! Опоздаем!

Я прошел в свою комнату, поспешно лег и немедленно заснул, так как был крайне утомлен.

IV. 28-е ФЕРАЛЯ.

В 7^{1/2} ч. утра, как всегда, меня разбудил денщик и рассказал, что Государь ночью уехал в Царское Село и что отъезд был такой поспешный, что офицеры Конвоя едва успели на поезд, а их лошади и некоторые вещи оказались непогруженными ⁶⁾.

В Штабе я застал большое волнение, так как никаких сведений о движении литерных поездов не поступало. Они ушли в северном направлении и, по крайней мере в течение 10 часов, о них не было никаких известий. Несколько раз за этот день я видел, как в наше Управление приходили ген. Тихменев, Начальник Управления Военных Сообщений, и только недоуменно разводили руками.

Я понимаю это так, что Дворцовый Комендант, заведующий движением литерных поездов, ничего не сообщал Ставке о их движении и направлении (может быть, просто спал в пути), а железно-дорожные чины, согласно особой инструкции о движении императорского поезда, не имели права никому ничего сообщать.

Только во вторую половину дня постепенно выяснилось, что поезда от Орши ⁷⁾ повернули по Александровской жел. дороге на Москву, но от Вязьмы свернули на Лихославль ⁸⁾, а далее двигались уже по Николаевской жел. дороге к Петрограду. Очевидно, ген. Воейков хотел провести их до Тосны (последняя крупная станция перед Петроградом) и оттуда свернуть по соединительной ветке Тосна-Гатчина, а с нее — к Царскому Селу.

Насколько я припоминаю, после известия о проходе поездами Лихославля, Ставка снова в течение 24 часов не имела сведений о их местонахождении. О местонахождении эшелонов генерала Иванова, как думаю, сведений тоже не было.

Не было у нас достоверных сведений и о Петрограде. Я получил (вероятно, утром 28 февраля) распоряжение ген. Алексеева прекратить сношения с мятежниками в столице:

6) Изъ других воспоминаний мы теперь знаем, что через полчаса после разговора с ген. Алексеевым Государь все же приказал подать автомобиль и, уже садясь в него, приказал: «Скажите Алексееву, что я все-таки уехал».

7) Орша — в нескольких станциях севернее Могилева.

8) Ст. Лихославль — на Николаевской жел. дороге между Москвой и Бологим.

допускать чисто технические переговоры телеграфистов, дабы сохранить техническую исправность линий, но никаких телеграмм не передавать и никому по проводам никаких переговоров не вести. Это запрещение было снято лишь после отречения Государя, т. е. в ночь на 3-е марта.

Тяжелый и странный был этот день 28 февраля: Правительство уже сутки, как не существует. Лицо с неограниченными полномочиями уехало в район революции и никаких никому распоряжений не делало. Монарх уехал в том же направлении, и связь с ним порвалась...

Ставке, как установлению чисто военному и ведающему, при этом, только управлением Действующей (против внешнего врага) Армией, юридически никакого дела до гражданского управления страной не было. Но ведь Ставка знала, что это Управление вообще исчезло... следовательно, надо было что-то делать. Но как? Ни полномочий, даже временных, ни какого-либо аппарата для такого управления никто не имел...

Я представляю себе волнение и тяжкие душевные муки старших генералов! Что делать??.

Может быть, с этими муками связано одно мое отрывочное воспоминание. Думаю, что оно относится к ночи на 1-е марта.

V. 1-е МАРТА.

Около часа ночи, когда я еще находился на службе связи, меня позвали наверх, к генералу Алексееву. Самого его я не увидел, но кто-то от его имени мне передал толстый конверт адресованный на имя Великого Князя Сергея Михайловича, Генерал-Инспектора Артиллерии, с приказанием немедленно лично вручить этот пакет в собственные руки Великого Князя и привезти его ответ.

Великий Князь жил далеко от нашего Управления, в отдельном домике. Адрес его, конечно, имелся, но этой части города я совершенно не знал. Я вызвал к себе по телефону автомобиль из автомобильной команды, однако не сразу добился толка. Оказалось, что для Начальника службы Связи особого автомобиля не положено, не имеется и дежурной машины на случай спешного вызова. Поэтому нужно было кому-то докладывать, будить шофера и т. д. ⁹⁾. Машину я

⁹⁾ Автокоманда (как и радио-станция) не подчинялись ни Н-ку Связи, ни даже Генерал-Квартирмейстеру.

получил только через полчаса. Затем оказалось, что шофер не знает, как и я, той части города. Пришлось опрашивать прохожих, очень редких ночью. И в довершение всего — машина стала: оказалось, что вышел бензин. Пришлось кончать путь пешком, под проливным дождем.

У Великого князя открыл мне двери его личный друг, д-р Маак (старший врач госпиталя Ставки). Великий князь спал, но оделся и вышел ко мне в гостиную, очень любезно меня принял, усадил и стал читать привезенный мною пакет, содержащий ряд телеграмм и писем. Затем он довольно долго расспрашивал меня о последних сведениях, связанных с революцией, и, наконец, дал мне короткий словесный ответ для генерала Алексеева — что-то в смысле: «я вполне согласен с Вами». Пакет он оставил у себя.

Мне стало ясно, что ген. Алексейев информировал вел. князя о положении дел, что мне показалось совершенно естественным, имея в виду и сан, и должность Сергея Михайловича. Меня только удивило, что для отвоза ему пакета был назначен офицер генерального штаба. Это означало чрезвычайную важность этой посылки.

Много позже (в 1955 г.), из воспоминаний ген. штаба полк. Пронина, начавшего службу в Ставке раньше меня, я узнал, что ген. Алексейев еще более, чем за полгода до революции советовал Государю установить для подавления революционного движения военную диктатуру, возложив ее именно на вел. князя Сергея Михайловича¹⁰).

26-го февраля соответствующее поручение было, однако, возложено не на Сергея Михайловича, а на ген. Иванова. Но ген. Алексейев, бывший Начальник Штаба ген. Иванова, его отлично знавший, понимал, что он со всей полнотой своей задачи не справится, что уже и обнаружилось в течение 28-го февраля.

—

И думается мне сейчас, что тяжкие сомнения волновали в эту ночь больного генерала: гибнет в России царская власть; вместо победы во внешней войне, которая, казалось, уже в руках, в пылу революции и гражданской войны Россию ждет внешнее поражение. Да и власть революции либеральной не обеспечена: уже виднеются зубы прямых ненавистников на-

10) То же свидетельствует и С. Мельгунов, «На путях к дворцовому перевороту», стр. 50.

циональной России, прямых изменников и злодеев...

А огромная, вчера еще мощная Российская Империя уже сутки находится без всякого правительства, без всякого оповещения населения, без всякой руководящей мысли свреху ¹¹⁾).

И есть только один человек, который практически может немедленно сказать властное слово — это он, Алексеев.

В его руках, в отсутствие Государя — Верховного Главнокомандующего, еще не нарушенная организация 11-миллионной Армии. Он, Начальник Штаба, имеет юридическое право отдать **по армии** любое повеление именем Его Величества ¹²⁾). И он, думается мне, давно обдумал это повеление: если Государь отвергает путь уступок, то необходимо всю территорию Империи объявить на военном или даже осадном положении. Все гражданские власти, и самих министров, подчинить авторитетному, умному и решительному генералу. И генерал этот на-лицо — Великий Князь Сергей Михайлович...

Но как же объявить: «Государь Император повелел», когда Он НЕ повелел и даже когда он назначил другое лицо, и когда это лицо где-то существует, но ничего не делает из того, что нужно делать: немедленно назначить новых министров, учредить военно-полевые суды, повелеть кровью и железом подавить восстание, а в то же время объявить хотя бы видимость либеральной реформы.

Это то единственное, что, может быть, могло еще остановить вырывающегося на свободу «Зверя».

Назначение Великого Князя — диктатора есть последняя попытка спасти Царя и Династию. Но такое действие Алексеева было бы обманом всей страны: «Государь повелел», когда Он не повелевал; Он «назначил», когда Он именно эту кандидатуру отверг; «кровь и железо», когда Он считает, что Царская власть должна удержаться «без пролития крови»...

Иначе говоря, ген. Алексеев должен отдать именем Государя повеления, прямо противоположные Его желаниям и Его миросозерцанию, и, больше того, он, ген. Алексеев, не должен считаться даже с личной опасностью для Царской Семьи, находящейся в районе восстания... Он, Алексеев, должен идти на то, что его сочтут захватчиком власти и често-

11) Министры, после захвата бунтующими зданиями Министерств, как выше было сказано, самовольно сложили свои полномочия.

12) Но только *по армии*, как всякий Н-к Штаба в отсутствие Командующего генерала. Это право не распространяется на вопросы государственного управления, тем более, что это и лично указывалось Государем генералу Алексееву.

любцем. И все это нужно сделать, чтобы только попытаться спасти Родину и Царя. Но вполне возможно, что такая попытка уже опоздала, что она вообще уже не осуществима!

Надо принять во внимание и то, что генерал Алексеев в эти дни тяжело страдает: у него температура до 40° и сильные боли в почках. И кроме того — он совершенно одинок: около него нет ни одного помощника или сотрудника, с которым бы он давно совместно работал и которому он мог бы 100-процентно доверять. Его помощники в Штабе (ген. Клембовский — Помощник Начальника Штаба, и ген. Лукомский — Генерал-Квартирмейстер) назначены за время его болезни и пребывания в Крыму по представлению генерала Гурко¹³⁾; его сотрудники на фронте (Главнокомандующие Фронтами) генералы Рузский, Эверт, Брусиллов, да и Сахаров (в Румынии) принадлежат к враждебной ему (Сухомлиновской) группе генералов.

Но ген. Алексеев все же не отбрасывает категорически этих мыслей — он советуется с лицом, которому придется осуществлять тяжелое решение, если генерал на него пойдет... Вот почему, может быть, мне пришлось ночью на 1-е марта будить Великого Князя.

Последний, очевидно, разделил сомнения больного генерала. Можно ли осуждать этих 2-х патриотов, не решившихся идти наперекор воле Того, кого этим они, может быть, спасли бы? Конечно, талантливые честолюбцы пошли бы на это. Но в том-то и дело, что ни ген. Алексеев, ни Сергей Михайлович не были честолюбцами. Не были они и авантюристами. Да и что получилось бы, если бы Государь и ген. Иванов, оказавшись в Царском Селе, повели одну политику, а самозванный «диктатор» Сергей Михайлович и ген. Алексеев в Ставке, — другую?

День 1-го марта был особенно смутный и тяжелый. Уже одно то, что у меня не осталось в памяти никаких определенных фактов за весь день, до 18 часов (6 час. вечера), указывает на то, что, вероятно, таких фактов, то есть сведений о них, в Ставку не поступало. Где «литерные поезда»? (т. е. Государя и поезд свиты, совершенно одинаковые по виду

13) Самая должность «Помощника Наштаверха» учреждена вновь за время болезни генерала Алексеева. О личности ген. Лукомского ген. Алексеев пишет, что он (Лукомский) «ярко определенно стал на сторону удаления бывшего Государя» (записки, находящиеся в архиве семьи ген. Алексеева). Отметим и то, что ген. Брусиллов и Клембовский (Главнокомандующий и Наштаверх в 1916 г.) в будущем стали во главе формирования Красной Армии.

и шедшие один за другим, меняя очередь движения. Этот вопрос казался важнейшим, ибо там был единственный источник законной Власти, источник, уже вторые сутки молчавший... Но до 18 часов никаких сведений об этом Ставка не имела. Где поезд «диктатора», т. е. ген. Иванова? Боюсь утверждать, но думаю, что и это было неизвестно. Во всяком случае, никаких ни распоряжений, ни извещений от «диктатора» не поступало.

А что происходило в бунтующей столице, где уже третий день, как было объявлено о «низложении Императора»?

Там, как мы потом узнали, был невообразимый хаос, среди которого еще не изменившие до того воинские части шли кланяться новой власти, под которой понималась власть Государственной Думы, шли и представители Царской власти, шли даже и члены Императорского Дома...

А в то же время члены этой же Думы и ее Председатель чувствовали себя уже в плену у «Совета рабочих и солдатских депутатов», что не мешало им, в особенности председателю Родзянко, обманывать проходящих, принимая поклонение и давая обещания, которых, как он не мог не понимать, он исполнить не был в состоянии... Обманутые левыми, левенькие продолжали обманывать угодливых, подлых и простодушных.

«Отец лжи» уже торжествовал над русской столицей!

Около 18-ти часов в Управлении Генерал-Квартирмейстера появился ген. Тихменев. Первая за 40 часов телеграмма из поезда Государя, полученная по железнодорожным проводам, была у него в руках. Я лично этой телеграммы не читал, но как содержание ее, так и последующие, связанные с ней обстоятельства были мне тогда же рассказаны чинами оперативного отделения, и я, как Начальник связи, принимал участие в отправке потребовавшихся телеграмм Ставки. Оказалось, что Императорские поезда стоят на ничтожной узловой станции Дно. Дворцовый Комендант ген. Воейков сообщал ген. Алексееву, что Его Величество желает проехать в Псков, но железнодорожный путь, поврежден революционерами между станциями Порхов и Подсевы (т. е. на втором перегоне от Дна и на третьем — от Пскова). Воейков просит распоряжения ген. Алексеева об исправлении и обеспечении пути к Пскову.

Сейчас же было сделано распоряжение ген. Рузскому в Псков — приказание ген. Алексеева немедленно выслать к

месту повреждения железнодорожную роту, исправить путь и обеспечить движение к Пскову литерных поездов. Так, по крайней мере, мне тогда же рассказал чин оперативного отделения. Затем в оперативном отделении стали составлять сводку событий за двое последних суток для вручения Монарху при его прибытии в Псков. Посылать таковую на ст. Дно не имело смысла: Дно имело лишь аппарат системы Морзе, медленно работавший и притом не связанный ни с какими «прямыми проводами», да и секретность передачи не могла бы быть достигнута.

В 22 часа (10 час. вечера) Императорский поезд прибыл на ст. Псков и Государю были вручены телеграммы ген. Алексева. Извещая об этом Ставку, Штаб Северного Фронта сообщил, что близ ст. Подсевы оказался снятым один рельс, каковое повреждение железнодорожная рота исправила в 10-минутный срок. Это последнее известие я тоже своими глазами не видал, почему, — когда за 50 лет ни в одних мемуарах, мною читанных, несмотря на бесконечное количество лжи и правды о днях отречения, я нигде не прочел об этой причине задержки Императорских поездов на ст. Дно, — я сам усумнился в справедливости своей записи в 1924 г. и решил было исключить это место из своих мемуаров. Однако, в труде Мельгунова «Мартовские дни» на стр. 171 имеется два малопонятных сведения: первое — утверждение бывшего в царском поезде флигель-адъютанта полк. Мордвинова о том, что решение Государя ехать в Псков принято из-за того, что какой-то мост на линии Дно-Царское Село-Петроград поврежден; и второе — что ген. Рузский рассказывал вел. князю Андрею Владимировичу, что он в Пскове «заготовил особый поезд с особой командой, которая в случае необходимости могла бы исправить путь», — следовательно ходили какие-то сведения о повреждении где-то пути. Если эти данные не отвечали действительности, то мне придется считать, что то, что мне рассказывал кто-то из чинов оперативного отделения Ставки, было просто ложью, хотя я и не могу объяснить причин или целей такой лжи.

Путь литерных поездов за 44 часа их движения следует отметить подробнее для связности моего рассказа. В этом вопросе далеко не все ясно. Я лично не являюсь свидетелем этого и приведу только краткие выводы из массы часто противоречивых сведений разных мемуаристов. Глубокою ночью на 1-е марта головной из литерных поездов прибыл на

ст. Мал. Вишера Николаевской жел. дороги. Здесь ему было сообщено, что следующая станция в руках мятежников. Разбудили Государя. Он приказал (по показанию ген. Воейкова) вести поезд «к ближайшему ЮЗУ», т. е. к военному штабу, имеющему аппарат системы «юза». Таковым пунктом был Псков — Штаб Северного фронта. Распоряжение совершенно правильное: надо было узнать, что делается в столице, да и во всей Империи. Поезда пошли назад, на Бологое, а оттуда свернули на Псков по частной, однопутной Москово-Виндаво-Рыбинской жел. дороги. Около полудня 1-го марта, из Старой Руссы (т. е. еще не доезжая до узловой ст. Дно), Воейков телеграфировал в Псков, ген. Рузскому, что Государь следует через Псков в Царское Село и просил обеспечить путь (т. е. спрашивал, свободен ли он в связи с политической обстановкой). Ген. Рузский ответил, что путь свободен до самого Царского Села. Между тем, прибыв на станцию Дно, литерные поезда сделали там длительную остановку (не менее 5 часов). Тогда у нас в Ставке рассказывали, что была сделана попытка двигаться от Дна прямо на север (по Моск.-Винд.-Рыб. ж. д.), но уже одна из недалеких от Дна станций оказалась, будто бы, занятой революционерами, и Императорский поезд вернулся на станцию Дно. Хотя вышеприведенное утверждение полк. Мордвинова и подтверждает, как будто бы, эту вторую попытку литерных поездов пройти к Царскому Селу, однако отсутствие других подтверждений этого факта заставляет меня не настаивать на этой версии. Остается фактом, что Государь пробыл на ст. Дно примерно до 20 час. (8 час. вечера). Место это (я лично его хорошо знаю) ни в какой мере не отвечает пребыванию здесь Верховной Власти в обстановке революции: полицейская власть была представлена здесь одним железнодорожным жандармом на жел. дор. станции и одним полицейским урядником в селе Дно. Между тем, на самой станции имелись железнодорожные мастерские с 1000 человек рабочих. Невольно ставится вопрос, зачем же Государь здесь задерживался, если путь на север (к Царскому Селу) и на запад (к Пскову) был исправен? Только через 22 года (если не ошибаюсь) впервые в печати появилось утверждение (Ольденбург, т. 2-й, стр. 249), что долгое пребывание Государя на ст. Дно было вызвано тем, что Он ожидал здесь прибытия к Нему из Петрограда Председателя Государственной Думы Родзянко. В настоящее время, из труда Мельгунова «Мартовские дни», где им приве-

дено большое число различных утверждений по этому вопросу, совершенно ясно видно, что Монарх на ст. Дно смог связаться с Родзянко и предполагал возможным договориться через него с Государственной Думой (т. е. решил на какую-то форму «ответственного министерства») и что Родзянко известил о своем выезде на ст. Дно. Ему, однако, не удалось выехать из столицы: он ездил с вокзала на вокзал, стараясь как-нибудь получить паровоз с вагоном для поездки, а недовверявшие ему лица (вероятно, члены Совета Рабочих и Солдатских Депутатов) гонялись за ним и старались не дать ему уехать, в чем и успели.

Повидимому, это и была главная причина задержки литературных поездов на ст. Дно. Когда же выяснилось, что Родзянко туда не приедет, то Государь продолжил свой первый план: ехать в Псков («к ЮЗУ») для осведомления о происходящем и дальнейшего следования в Царское Село. Последнее являлось его основной целью.

Мельгунов (и другие историки «февральской революции») стараются выяснить, под чьим влиянием Государь, как будто бы, около полудня 1-го марта изменил свой, до того твердый, взгляд на происходящее — решительное несогласие на уступки Думе и намерение подавить восстание, хотя и с наименьшим пролитием крови (силами для этого уже перевозимых к Петрограду 7 полков с артиллерией в распоряжение «диктатора» ген. Иванова, уже, как тогда несомненно считал Государь, находившегося в Царском Селе). Действительно, вплоть до момента отъезда из Ставки, Его Величество отверг все сделанные ему представления об ответственном министерстве. Их было много. Последние — Командующего Балтийским Флотом и Великих Князей Сергея Михайловича и Михаила Александровича (из Петрограда).¹⁴⁾

Известные (крайние правые) круги в эмиграции, с самых первых лет ее образования, стали создавать легенды, возлагающие главную ответственность в немедленном неподавлении революции на старых генералов Действующей Армии и, в особенности, — на ген. Алексеева. Одной из первых таких легенд были утверждения, что Алексей (совместно с Рузским)

14) Есть и обратное утверждение: самый, казалось бы, достоверный свидетель по его должности — «историограф Ставки», ген. Дубенский, в своих мемуарах, изданных в Париже в 1922 г. («Русская Летопись», кн. 3-я, стр. 35 и прим. ред. и стр. 38), сообщает, что Государь согласился и отдал распоряжение об «ответственном министерстве» еще в Ставке, что является безусловной неправдой.

«заставили Императорский поезд двое суток странствовать по России вне связи с кем бы то ни было и наконец загнали его на мрачную станцию Псков, где ген. Рузский и вынудил отречение». Легенда эта уже давно замолкла, так как постепенно установленный ход событий (сейчас мною кратко изложенный) полностью доказал ее лживость.

На смену ей пришли уверения, что именно ген. Алексеев убедил Государя отказаться от борьбы с восставшими и дать «ответственное министерство» и что это произошло именно во время нахождения Государя на ст. Дно. И тот же Мельгунов пришел к выводу, что за все время пути от Ставки до Пскова Императорский поезд не имел никаких известий (телеграмм) из Ставки. Однако, повидимому, является фактом, что генерал Алексеев послал Государю, адресовав на **Царское Село**, горячую и очень настойчивую телеграмму утром 1-го марта, убеждая его пойти на уступки в духе «ответственного министерства» и упомянутых мною выше советов Командующего Балтийским Флотом и двух Великих Князей, но телеграммы этой Государь тогда (утром 1-го марта) не получил и Алексеев повторил ее вечером 1-го марта в Псков, где она и была вручена Монарху по его прибытии на эту станцию вместе с упомянутой мною сводкой событий за 28-е февраля и 1-е марта ¹⁵⁾.

Нового для Государя эта телеграмма (в отношении взглядов ген. Алексеева) ничего не давала, так как это же Алексеев докладывал Его Величеству и летом 1916 г., и утром 26 февраля, и в течение 27-го февраля, а именно: «Если Ваше Величество считаете невозможным идти путем уступок Думе, то необходимо установление военной диктатуры и подавление силой революционного движения».

Итак, «уступки», коренным образом отвергавшиеся Монархом вплоть до полуночи на 28-е февраля (отъезд из Ставки), через 36 часов пути представляются ему в какой-то мере приемлемыми (ожидание приезда Родзянки), но эта перемена произошла отнюдь не под влиянием генерала Алексеева. Повлияли ли события, или было что-либо другое?

Я вспоминаю, что много лет спустя какой-то незнакомый мне офицер в малых чинах, при случайном разговоре, меня

15) О посылке ген. Алексеевым утром 1-го марта этой телеграммы я узнал только теперь из книги Мельгунова. Если это действительно имело место, то не было ли это результатом моей ночной поездки к вел. кн. Сергию Михайловичу? Почему телеграмма потребовалась? Очевидным стало, что ген. Иванов ничего не достигнет — ведь уже 3 дня, как он назначен, а он даже не объявил об этом.

уверял, что он в те дни ЛИЧНО был послан Государыней из Царского Села найти императорский поезд и вручить Государю письмо от нее. Рассказывал он об этом с увлечением: он поезд Государя нашел и письмо передал. Я ему тогда просто не поверил и фамилию его забыл. Между тем, теперь из ряда сведений, записанных Мельгуновым, мы знаем, что ряд таких офицеров был действительно послан из Царского Села. Двое из них прибыли в Псков (уже после отречения) и были приняты Рузским.

Появилось также и известие, что будто бы Государь тогда получил от Государыни записку, и в ней будто бы говорилось, что «необходимы уступки» (источник этого утверждения мне неизвестен).

Если верно, что Государь получил 1-го марта письмо от Императрицы и, особенно, если это случилось около полудня (т. е. по прибытии на ст. Дно), то более, чем вероятно, что это и было причиной изменения его отношения к вопросу об «ответственном министерстве».

Как бы то ни было, но вскоре после полуночи на 2-е марта он подписал текст манифеста о даровании Министерства, вполне ответственного перед Государственной Думой, т. е. парламентарного порядка. Я не буду излагать здесь подробных данных, как именно это произошло в Пскове, т. к. я только теперь узнал об этом из книги С. Мельгунова («Мартовские дни», стр. 178-179), а мое «Пережитое» имеет задачей изложить мои личные воспоминания и, кроме них, только то, что я слышал тогда. Приходится, как видит читатель, иногда отступать от этого правила, но в данном случае есть и еще одно соображение: изложение Мельгунова здесь основано только на рассказах ген. Рузского разным лицам, а действия и сообщения последнего в течение ночи на 2-е марта (в особенности в предутренние часы) вообще взяты под сомнение (см. ниже). Укажу только на то, что по этим рассказам никакого насилия над волей Государя не было, но он согласился только тогда, когда была получена от (вновь запрошенного) генерала Алексеева предлагаемая им точная формулировка. При этом Государь будто бы сказал, что он с Алексеевым «много на эту тему говорил» (С. Мельгунов, 179). Если эти слова ген. Рузского отвечают правде, то они свидетельствуют, что, во-первых, Государь сохранял полное доверие к ген. Алексееву, а, во-вторых, что он знал о конституционных взглядах ген. Алексеева и отнюдь не считал

их «изменническими», как ныне это делают многие представители правого крыла эмиграции.

В эти же полуночные часы с 1-го на 2-ое марта ген. Рузский возбудил и еще один очень важный вопрос: раз Монарх подписывает манифест об ответственном министерстве и вместе с тем посылает из Пскова в Царское Село телеграмму ген. Иванову, запрещающую ему какие-либо действия впредь до его (Государя) прибытия в Царское Село (копия этого повеления была получена ген. Алексеевым), то следует остановить всю перевозку 7 полков в распоряжение ген. Иванова, как не соответствующую уже обстановке (взгляды на этот вопрос могут быть различным. Я лично полагаю, что сосредоточение войск к Петрограду надо было продолжать). Кроме соображений морального порядка, ген. Рузский указывал на то, что эта перевозка нарушает всю огромную стратегическую перевозку, только что начавшуюся, для обще-союзного наступления 12-го апреля¹⁶⁾.

Итак, в полуночные часы этой ночи шли переговоры об остановке перевозки 7 полков. Эти переговоры велись и между чинами Управления по Передвижению Войск, шли и между ген. Рузским и Алексеевым. Алексеев требовал, чтобы Рузский доложил об этом вопросе Государю, Рузский отвечал, что Государь только что заснул и будить его он не может. Ген. Алексеев ответил окончательно, что без санкции Государя он такого распоряжения не отдаст. С. Мельгунов пишет кратко:

«Наряду с согласием на ответственное министерство, Рузский, как мы знаем, получил (от Государя, Б. С.) разрешение приостановить продвижение войск с фронта».

Ген. Лукомский в своих «Воспоминаниях» сообщает: **Тогда же (т. е. в ночь с 1-го на 2-ое марта) после доклада ген. Рузского, Государь приказал вернуть на фронт все части, которые были двинуты в Петроград для подавления мятежной силы».**

Наконец, мы имеем документальное распоряжение Начальника Штаба Северного Фронта, ген. Данилова, последовавшее несомненно во исполнение указанного ген. Лукомским Высочайшего повеления:

16) Я выше говорил, что в ночь на 26 февраля Ставка отдала секретные распоряжения о перевозке 10-ти арм. корпусов, что требовало около 500 военных эшелонов, времени для чего (145 дней) едва хватало до 12 апреля. Перевозка же 7 полков с артиллерией требовала не менее 45 эшелонов, т. е. 1/10 всего имевшегося времени.

Телеграмма «Командарму пять, копии Понаштаверху (ген. Клембовскому) и Начвососему (Начальнику Военных Сообщений Северного Фронта). Ввиду невозможности продвигать эшелоны далее Луги и нежелательности скопления их на линии, особенно в Пскове, и разрешения Государя Императора вступить Главкосеву в сношение с Председателем Государственной Думы, **ПОСЛЕДОВАЛО ВЫСОЧАЙШЕЕ ПОВЕЛЕНИЕ вернуть войска, направляющиеся на ст. Александровскую, обратно в Двинский район, где расположить их распоряжением Командарма пять. — 1 ч. 2 марта 1917 г. 1216/6 Данилов.**»

Само Высочайшее повеление, повидимому, было передано за Ном. 1064, каковая телеграмма приведена, как мне кажется, в много-томном сочинении ген. Головина — «История Русской Контрреволюции», которого в моем распоряжении нет.

Время посылки телеграммы Ном. 1216 — «1 час» — в других источниках: «1 час 40 минут», т. е. после отправки Государем Повеления ген. Иванову в Царское Село, запрещающего ему что-либо предпринимать до его (Государя) прибытия в Царское Село.

Но где в ночь на 2-е марта находились перевозимые к Петрограду полки? Мы знаем только, что головной, Тарутинский полк днем 1-го марта уже был сосредоточен на ст. Александровская (20 клм. от Петрограда и 15 клм. от Царского Села) и старался войти в связь с ген. Ивановым. Второй, Бородинский полк головным эшелоном достиг ночью на 2-е марта Луги (130 клм. от Петрограда). В Луге этот эшелон был захвачен путем изоляции группой революционеров вагона со спящими офицерами (С. Мельгунов, 95, по рассказу несомненного изменника б. камер-пажа Вороновича). См. примечание на стр. 39.

Где же был в это время «диктатор» — ген. Иванов? Мое представление того времени, будто его отряд не продвинулся дальше ст. Семрино, только он сам, с разрешения революционных жел. дор. властей, проехал в Царское Село и виделся с Государыней, — ошибочно и основано на совершенно ложном донесении Думе инж. Ломоносова, лгавшего в целях самовосхваления. На самом деле оба эшелона ген. Иванова без инцидентов пришли в Царское Село и около полуночи на 2-е марта (когда Государь в Пскове решался на «ответственное министерство») ген. Иванов явился Государыне. Она пишет Государю 2-го марта: «**Милый старик Иванов**» полтора

часа «сидел у меня и только постепенно вполне уразумел положение».

К утру его эшелоны ушли назад на ст. Вырицу (ок. 20 км.), и дальнейшие поступки генерала представляются уже совсем непонятными для военного человека. (Изложено по выводам С. Мельгунова. Приведенные слова Государыни — стр. 214).

Через 3 недели после этой ночи мне пришлось быть в Петрограде и разговаривать с ген. шт. ген. м. Потаповым. Этот, может быть, и неглупый, но нервно-расстроенный, а м. б., и просто сумасшедший человек оказался единственным (как мне представляется) генералом, который перешел на службу революции и занял, как он меня уверял, пост Военного Министра в Комитете Госуд. Думы — ДО ОТРЕЧЕНИЯ МОНАРХА.

Он рассказал мне, что 1-го марта Думой были приняты меры к недопущению эшелонов ген. Иванова на Царкосельский вокзал в Петрограде — что-то вроде 40 пулеметов и нескольких орудий. Когда же Дума получила сообщение о прибытии эшелонов ген. Иванова в Царское Село, то был послан кто-то проверить меры обороны вокзала против эшелонов Иванова. Этот посланный нашел на платформах станции и пулеметы, и орудия, но ни одного человека, кроме дежурных железнодорожников, которые показали, что все защитники станции бежали, как только узнали, что «грозный» ген. Иванов находится уже в Царском Селе и через полчаса может быть на Петроградском вокзале...

Одним словом, похоже на то, что покончить с Петроградским бунтом было вполне возможно, но не хватило решительного начальника. Все же имевшиеся налицо, начиная, конечно, с ген. Иванова, Военного Министра ген. Беляева и «Главного-командующего Округом» (Петроградом) ген. Хабалова, больше всего боялись «пролить кровь»... Так не подавляют революций!!.

Тут же себе позволю отметить, что из чтения собранных С. Мельгуновым выдержек из показаний множества самых разнообразных «мемуаристов» становится ясным, что наиболее лживыми являются два, казалось бы, наиболее достоверных свидетеля — ген. Дубенский и «знаменитый» Керенский. — первый, как, вероятно, полный рамолик, второй — как совершенно бессовестный человек.

VI. 2-ое МАРТА.

Наступил этот страшный день. Читатель прежде всего должен себе представить, что все наиболее ответственные лица Правительственной стороны были совершенно разобщены друг с другом: **Государь Император** находился в поезде на ст. Псков. С ним, кроме дряхлого Министра Двора гр. Фредерикса, ни одного лица из числа хотя бы второстепенных представителей Правительства или Военного Управления не было. Главнокомандующий Армиями Северного Фронта Ген. Штаба Генерал-Адъютант **Рузский**, на территории которого развивались все события, правда, находился в гор. Пскове, но Штаб его был в 3-4 клм. от станции Псков, а в этом штабе находился и тот единственный «ЮЗ», по которому с кем бы то ни было мог связаться Государь ¹⁷⁾. **Государыня**, мнение которой несомненно играло для Государя очень большую роль, находилась в Царском Селе (на территории, с самого начала захваченной восстанием), там же и все Царские Дети — все тяжело больные, «**Диктатор**» **ген. Иванов**, как мы видели, совершенно расстроенный — на ст. Вырица. Начальник Штаба Верховного Главнокомандующего **ген. Алексеев**, совершенно больной и с высокой температурой — в Ставке. Ближайшее после Наследника Цесаревича к Престолу лицо — **Вел. Кн. Михаил Александрович** — сначала в Гатчине, затем в Петрограде, в Зимнем Дворце, а 2-го и 3-го марта вынужден был скрываться на частной квартире. Старший Член Императорской Фамилии, наиболее авторитетный в войсках, **Вел. Кн. Николай Николаевич** — в Тифлисе.

Манифест об ответственном министерстве, подписанный Монархом, не получил обнародования и потому не сыграл никакой роли в развитии событий 2-го марта: по желанию Государя (?) он должен был быть прежде всего сообщен генералом Рузским в Петроград Председателю Государственной Думы Родзянко, но ген. Рузский добился подхода Родзянки к прямому проводу («Юзу») в Петрограде только в 4 часа утра и, по свидетельству Рузского, Родзянко заявил, что разговор об ответственном министерстве уже опоздал — в Петрограде это неприемлемо, революция развивается и речь может идти только об «отречении».

17) «ЮЗ», конечно, в собирательном смысле: аппаратов системы ЮЗА было в Штабе несколько.

Переговоры Рузского с Родзянкой (повидимому, шедшие с перерывами) и передача их содержания в Ставку ген. Алексееву (больной генерал дважды спускался в аппаратную Ставки) продолжались от 4-х до 7-ми часов утра. Мне тогда ничего об этом не было известно (после часа ночи я ушел к себе на квартиру для ночного отдыха, и меня заменил дежурный офицер генерального штаба; кто именно — не помню; после 9 часов это был подполк. Тихобразов).

Во всяком случае, ген. Алексеев не мог видеть и читать подлинную запись разговора по аппарату с Родзянкой. О передаче засвидетельствованной копии этих разговоров я не слышал и об этом, насколько знаю, нигде не упоминается. Много позже, в конце ноября, я видел в петроградском «Новом Времени» (еще выходившем) текст этих переговоров, напечатанный в газете и подписанный госпожей Рузской (женой генерала). Почему не генералом самим?

Не знаю, откуда взят текст этих разговоров у различных мемуаристов. Текст ли это г-жи Рузской или же он взят из публикаций в Москве? Так или иначе, но эти переговоры явились для Правительственной стороны поворотным пунктом революции. Как мы теперь знаем, в 8-ом часу утра, ген. Алексееву, повидимому, стало ясным, что прекращение восстания путем дарования «ответственного министерства» окончательно отпало; что путь усмирения вооруженной силой, после выяснения сдачи Бородинского полка в Луге, отхода ген. Иванова в Вырицу (Иванов сообщил об этом Алексееву) и остановки всей перевозки войск Высочайшим распоряжением из Пскова — потерял надежду на успех. Надо было решаться на что-то большее, чтобы не допустить революции большевицкой и, хотя как-нибудь, сохранить монархию. Сохранить ее под скипетром Императора Николая II оказывалось невозможным. Надо было приносить и эту жертву. Во всех своих дальнейших распоряжениях и сообщениях Алексеев ставит себе задачей **воцарение Наследника Цесаревича Алексея Николаевича, для сохранения Династии и Монархии**. Он не произнес, в обращении к Государю, как уверяет Мельгунов, слова «отречение», но оповестил о своем мнении Главнокомандующих и просил срочного ответа в виде всеподданнейшего доклада Государю мнения каждого из них о том, что следует предпринять, каковой представить Его Величеству «через меня» (т. е. Алексеева). Все полученные ответы и свое личное мнение ген. Алексеев представил дословно Мо-

нарху (все посоветовали отречение в пользу Сына), и Государь перед полуночью на 3-е марта подписал акт отречения.

Мы все это знаем. Однако, я считаю, что это важнейшее событие Русской Истории 20-го века должно быть описано с возможной подробностью, тем более, что среди утверждений мемуаристов много противоречий.

Начну с того, что я записал и напечатал в 1924 году и, ПОДРОБНЕЕ, записал в 1955 г.

2-го марта в 9 час. утра я вернулся на службу Связи. Дежурный офицер службы связи (мне подчиненный обер-офицер) мне тотчас же доложил, что за 7 часов моего отсутствия произошли важные события: ген. Алексеев дважды приходил в аппаратную и подолгу разговаривал по аппарату с ген. Рузским (что подтверждает выше изложенное), а затем на фронты передано распоряжение ген. Алексеева, на которое с трех фронтов уже получены ответы, но еще не получено с Румынского Фронта ¹⁸⁾, причем связь с этим фронтом по обоим проводам, через несколько минут после передачи распоряжения, прекратилась. Произведенная проверка проводов показала, что с нашей стороны они в порядке. Когда же дежурный мне доверительно добавил, что в полученных ответах говорилось об отречении Государя, то я сразу понял, что ген. Сахаров («Поглавкорум») умышленно прекратил связь со Ставкой.

В эту минуту мой непосредственный начальник, ген. Лукомский, потребовал по телефону меня к себе (во 2-й этаж). Я застал ген. Лукомского в его кабинете в чрезвычайно взволнованном состоянии. Он повышенным тоном меня спросил:

— Полковник! Знаете ли вы, что ген. Алексеев послал на фронты запрос исключительной важности?

— Так точно, ваше превосходительство.

— А известно ли вам, что три фронта ответили, а ген. Сахаров до сих пор не ответил?

— Так точно, ваше превосходительство.

— Какие же меры вы приняли, чтобы этот ответ был получен?

Я доложил, что оба провода к Яссам (Штаб Рум. Фронта) не работают и, повидимому, выключены с той стороны.

— Потрудитесь, по приказанию Начальника Штаба, каким угодно способом, но заставить этого мерзавца ответить! — почти прокричал ген. Лукомский.

18) Главнокомандующим Румынским Фронтом считался Король Румынии, а его «помощником» был ген. Сахаров.

Я ответил: «слушаю» — и поспешил выйти из кабинета. В первую минуту мне показалось, что приказание ген. Лукомского физически невыполнимо, и я ушел от него, чтобы прекратить резкую и, как мне казалось, бессмысленную сцену. Я понимал его негодование: генерал ранга главнокомандующего, как Сахаров, не может в столь исключительную минуту прикрываться «лисыим хвостом» — что бы там ни случилось, а «моя хата с краю».

Но пока я спускался по лестнице, выход уже пришел мне в голову: по аппарату, работавшему с Ю/З фронтом (Житомир) я вызвал Генерал-Квартирмейстера Ю/З фронта ген. Духонина и от него узнал, что у них телеграфная связь с Яссами не нарушалась. Я объяснил ему создавшееся положение и от имени ген. Алексеева просил посодействовать скорейшему получению ответа от ген. Сахарова, хотя бы через Житомир, если прямые провода действительно отказали в действии.

— Я вас понял, сейчас переговорю со Штарумом, — ответил Духонин.

Прошло не более 10 минут, как оба провода к Яссам заработали и по одному из них стал передаваться ответ Сахарова, вероятно, уже давно написанный. Я думаю, что было около 10 часов, когда я вручил его ген. Лукомскому.

Приблизительно через час, т. е. около 11-ти часов, ко мне поступила для передачи в Псков Государю огромная телеграмма за подписью ген. Алексеева, в которой были дословно (в кавычках) приведены полностью все четыре телеграммы Главнокомандующих, а затем докладывалось и собственное мнение ген. Алексеева. Все пять мнений были по существу одинаковы: как я уже говорил, генералы советовали Государю отречение от Престола в пользу Сына. Форма, в которой это было выражено, была различна.

Вел. Князь Николай Николаевич телеграфировал: «колени-преклоненно молю, да снимете с себя венец власти и да возложите его на главу Сына». **Ген. Алексеев** находил нужным, «для спасения Династии» и «для выигрыша войны» передать Престол «Вашему горячо любимому Сыну»¹⁹⁾. Вся его телеграмма была составлена в выражениях любви к Монарху и заканчивалась словами: «**ожидая повелений**». Телеграмма **ген. Брусилова** была более краткая и сухая. Точных слов его я не запомнил. Телеграмма **ген. Эверта** — очень короткая: —

19) Я привожу здесь только отдельные, запомнившиеся слова. Эти 2 телеграммы были длинными, в них излагалась обстановка в понимании отправителя.

«не вижу иного выхода»... — Мнение ген. Сахарова, пытавшегося, как мы видели, уклониться от ответа, носило недостойный характер: оно начиналось словами: «Кровь леденеет в жилах от мысли, что преступная рука дерзнула коснуться венца», но заканчивалось: «... однако... не вижу иного выхода... дабы не было покушений, еще более гнуснейших...».

Все 5 телеграмм начинались словами: «Вашему Императорскому Величеству всеподданнейше доношу...». Ни одна не носила ни тени требования. Это были советы верноподданных, не видящих другого выхода. И еще раз подчеркиваю, что телеграмма Алексеева оканчивалась словами: — «ожидая повелений».

Было ли это искренне? Сахаров, очевидно, страховал себя. Брусилов, возможно, что и не был искренен: этот и ранее выявлявший свою нечестность генерал уже через два дня начал открыто подделываться под эс-эра.

Три остальных мнения были несомненно искренни и выражены от сердца.

При передаче этой депеши в Псков я неотлучно присутствовал и лично проверял правильность передачи каждого слова, о чем и посвидетельствовал в конце передачи. Передача закончилась, вероятно, около 11 час. 45 минут.

В Пскове телеграмма была немедленно отправлена в поезд Его Величества. Приблизительно через полчаса я был вызван к Псковскому аппарату и кто-то из старших чинов Северного Фронта (помнится — ген. Лукирский) передал мне «запиской» (неофициальной телеграммой) приблизительно следующее: «Его Величество, по докладе ему телеграммы ген. Алексеева..., изволил положить резолюцию: **«НЕТ ТОЙ ЖЕРТВЫ, КОТОРУЮ Я НЕ ПРИНЕС БЫ ДЛЯ БЛАГА РОДИНЫ».**

Записку эту я немедленно передал Генерал-Квартирмейстеру.

—

Вскоре после этого (т. е., вероятно, около 12 ч. 30 м.), проходя через проходную, никем не занятую комнату, я увидел какую-то заседавшую там комиссию, в составе Начальника Оперативного Отделения ген. шт. подполковника Барановского, Статского Советника Базили (Начальника Дипломатической Канцелярии Ставки) и капитана Брагина (юриста по образованию). Они меня окликнули и спросили, нет ли у меня на Службе Связи 1-го тома Свода Законов (Законы Ос-

новные). Я ответил отрицательно. При этом выяснилось, что эта комиссия составляет проект Акта Отречения Государя от Престола и нигде не может найти этого тома.

Через час текст этого проекта поступил ко мне для его передачи в Псков. Текст этот оказался буквально тот, который был подписан Государем, но с той, огромной важности, разницей, что по тексту Ставки Престол передавался Наследнику Цесаревичу, а в подписанном Государем тексте было включено отречение «и за Сына», и Престол передавался Вел. Кн. Михаилу Александровичу...

Это изменение никому в Ставке не было известно вплоть до получения известия об уже состоявшемся отречении.

Около 15 час. (3 ч. дня) из Пскова было получено известие, что Государь оставил присланный текст Акта у Себя и окончательное решение примет после беседы с двумя лицами, выехавшими к нему из столицы и ожидаемыми в Пскове около 18 часов (6 час. вечера). Эти лица — член Государственной Думы Шульгин (правый) и бывший Председатель Думы (в это время — член Государственного Совета) Гучков — прибыли в Псков только после 10 час. вечера (22 часа) и немедленно были приняты Государем ²⁰).

В это время в Ставке царило большое волнение. У меня, на Службе Связи, в приемной комнате, собралось большое число начальствующих лиц, среди них — Вел. Кн. Сергей Михайлович и ген. Лукомский. В аппаратной все чиновники были на своих местах, но работы почти никакой не производилось. Только на Псковском аппарате дежурный чиновник каждые 10 минут проверял исправность линии. В дверях стоял дежурный офицер связи, корнет барон Кистер. Я сидел около Псковского аппарата. Царила тягостная тишина...

Ждать пришлось долго: около полутора часов.

Наконец, перед полуночью на 3-е марта, щелкнул зуб псковского аппарата и, после обычных «пп» и «пд» ²¹), стала выползать лента со словами:

«Его Императорскому Величеству угодно было подписать...»

20) В Пскове предполагали, что Шульгин и Гучков прибыли, как лица, уполномоченные Государственной Думой и «новым правительством». Как ныне оказывается (С. Мельгунов — «Мартовские дни», при сличении различных приводимых им свидетельств), официальных полномочий у них не было, они ссылались на мнения и советы «некоторых» членов Думы, да и кто принадлежал к «новому» правительству — им самим было не ясно.

21) «пп» и «пд» — позывные знаки — «прошу принимать» и «прошу давать».

Я сделал знак Кистеру. Последний бросился в приемную комнату, и оттуда в аппаратную комнату поспешили, в большом волнении и забыв даже привычную дисциплину, начальствующие лица. В узкой двери столкнулись, чуть-чуть не сбив друг друга с ног, Вел. Кн. Сергей Михайлович и ген. Лукомский... все они толпой окружили псковский аппарат и меня с дежурным чиновником.

Аппарат продолжал щелкать, и лента выползала все дальше:

«... подписать Указы Правительствующему Сенату: первый о бытии Председателем Совета Министров князю... Львову, второй — о бытии Верховным Главнокомандующим Вел. Кн. Николаю Николаевичу. После сего Его Императорскому Величеству благоугодно было подписать АКТ ОТРЕЧЕНИЯ ОТ ПРЕСТОЛА ЗА СЕБЯ И ЗА СЫНА и о передаче Престола Вел. Кн. МИХАИЛУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ...».

Среди шума голосов, вырвавшихся у окружавших меня лиц, я отчетливо слышал выкрики полного изумления: ген. Лукомского — «МИХАИЛУ?!..» и Вел. Кн. Сергея Михайловича — «КАК МИХАИЛУ?!. ВОТ ТАК ШТУКА!!!»...

Аппарат отстукал еще несколько слов о том, что с подлинных актов снимаются копии, полный текст которых будет, немедленно по окончании переписки, передан в Ставку. Телеграфист спешно наклеил ленту на бланк, и ген. Лукомский бегом понес ее вверх ген. Алексееву.

Так запомнился мне день 2-го марта. Я изложил это, не отвлекаясь данными, которые я узнал позднее, и не вдаваясь в объяснения противоречий между моим описанием и утверждениями других мемуаристов, чтобы не нарушать цельности картины. Однако, многое еще нужно добавить или разъяснить, и хотя, по моему мнению, все это не внесет существенных изменений в мой рассказ, но, может быть, будет интересным для будущего историка или успокоит тех, кто считает, что события текли иначе...

Прежде всего я должен отметить, что наиболее, казалось бы, достоверный свидетель этого дня в Ставке, ген. штаба подполк. В. М. Пронин, мой добрый соратник и приятель, один из основоположников «Белого Движения», ведший в те дни и даже часы запись своих отдельных наблюдений, выпустивший (в 30-х годах) отдельную брошюру с приведени-

ем текстов многих документов и излагавший их не по памяти, а с сохранившихся у него подлинников, описывает в своей брошюре, и в статьях 1954-1956 годов, и в своих письмах мне — совершенно иначе вопрос о получении Государем телеграмм главнокомандующих. И самые тексты этих телеграмм он излагает в несколько других словах. Наиболее яркая разница получилась с телеграммой ген. Эверта (Главноком. Армиями Западного Фронта). Я отчетливо помню ее краткость: всего 3-4 строки. В редакции Пронина — это длинная телеграмма, едва ли уместившаяся на одном телеграфном бланке. Она говорит о том же — это совет отречься, но в ней подробно излагаются патриотические обоснования этого совета. Мой короткий текст обидел полковника Эверта, сына генерала.

Кроме того, в изложении Пронина, все эти депеши пришли в Псков не в одной телеграмме генерала Алексеева, а каждая отдельно и в разное, и притом более позднее, время (14-15 часов). Это устанавливается отметками на депешах. Одна из депеш адресована ген. Рузскому, для доклада Его Величеству.

Из брошюры ли полковника Пронина, или из какого-либо другого источника, но эти тексты и факт их отдельного и более позднего получения в Пскове, попали и в ряд других трудов, описывающих грустный день 2-го марта. Между прочим, именно эти утверждения послужили для некоторых каким-то основанием, подкрепляющим почему-то их утверждение о существовании «изменнического заговора генералов ²²⁾».

Сомневаться в подлинности текстов полк. Пронина я не могу, но не могу предположить и того, что мои, яркие в моей памяти, воспоминания являются фантазией, тем более, что в первый раз они записаны (как я уже говорил) еще в 1924 году.

Уже тогда (когда вышла брошюра Пронина) я объяснил себе дело так, что были и те и другие тексты и депеши: Главнокомандующие, получив запрос ген. Алексеева около 8 час. утра, немедленно написали и отправили свои ответы, адресовав их в Ставку, так как запрос ген. Алексеева исходил из Ставки (Могилев) и он просил ответить на имя Его Величества, но «через меня» (Алексеева). Эти-то первые тексты и прошли через мои руки. Но откуда же взялись вторичные, более поздние?

22) Сам ныне покойный полковник В. М. Пронин был, между прочим, одним из самых горячих защитников чистоты действий и намерений ген. Алексеева.

Кроме изложенного, мои оппоненты утверждают, что запросная телеграмма ген. Алексеева, в которой он сам высказался за передачу Престола Цесаревичу Алексею Николаевичу, послана им не в 7 или 8 часов утра, а между 10-ю и 11-ю, а ответы на нее получены только после 14 часов (С. Мельгунов. Стр. 181 и 183).

Должен признать, что такой Циркулярный запрос действительно имеется и отличается от того, что помню я, тем, что Алексей просит главнокомандующих сообщить свои мнения не «через меня» (Алексеева), а «через Главкосева» (т. е. ген. Рузского) и лишь копию прислать Наштаверху (т. е. Алексееву)²³). Той же телеграммы, 7 или 8-часовой, о которой я говорил, действительно, пока не найдено!

Ныне изложение С. Мельгунова, как будто бы разъясняет это противоречие: ранний запрос описывается им так: все три генерала Ставки (Алексеев, Клембовский и Лукомский), вероятно для скорости, одновременно, спустившись в аппаратную, вели «разговоры» (а не посылали телеграмму за номером и подписью): Алексеев — с Брусиловым, Клембовский — с Эвертом, Лукомский — с Сахаровым, Рузским и с Тифлисом. Только средняя часть этих «разговоров» тождественна, начало же и конец выражают не мысли ген. Алексеева, а личное мнение говорящих. Это особенно видно из разговора Лукомского с ген. Даниловым (заменившим Рузского у Псковского аппарата): Лукомский переходит на «ты» и прямо говорит об «отречении». Мельгунов отмечает, что слово это впервые здесь исходит из Ставки именно из уст Лукомского. Ген. Алексеев тогда еще не произносил его.

Как мы видели, к 9 часам утра три ответа уже были получены (в Ставке), 4-й (ген. Рузского) должен был быть доложен Его Величеству Рузским лично. Один только ген. Сахаров (Румыния) не только не ответил, но и выключил у себя аппараты Ставки.

В 9.30 час., когда в Ставке я беседовал с ген. Лукомским и старался получить ответ Сахарова через Штаб Ю/З Фронта, ген. Рузский докладывал Государю о своих утренних переговорах с Родзянкой, Алексеевым и Лукомским. И слово «отречение» было им сказано прямо. По его рассказу (Мельгунов), Государь выслушал его доклад молча, отошел к окну

23) В книге Мельгунова (181) опечатка: «через Главковерха, известив Наштаверха» — Главковерх — Сам Государь; очевидно, надо читать «Главкосева».

и, после небольшой паузы, стал спокойно говорить об отречении. Он будто бы тогда же выразил мысль, что если его отречение нужно, то он отойдет от управления, но он должен знать, что этого желают все. Он отпустил ген. Рузского до после завтрака, «когда ответы главнокомандующих будут, вероятно, получены».

Между тем в Ставке между 10 и 11 часами был на фронты разослан вторичный (официальный) запрос с просьбой Главнокомандующим послать Его Величеству их мнения непосредственно в Псков... Почему этот запрос был послан, когда (по моему расчету) все ответы («первые ответы») уже были получены в Ставке, мы не знаем. Возможно, что с какого-либо фронта поступила просьба официально подтвердить первую просьбу — распоряжение Ставки, переданное к 8 час. утра лишь в «разговоре», и даже не лично ген. Алексеевым, а через одного из его помощников.

Между тем, уже до 12 часов (по моему расчету) Государь получил телеграмму ген. Алексева с 5-ю мнениями — четырех Главнокомандующих и самого ген. Алексева. Шестое мнение (ген. Рузского) ему было уже известно. Государь положил на телеграмме свою знаменитую резолюцию («Нет той жертвы...»), которая и была передана в Ставку, через меня, неофициальной запиской, во исполнение которой ген. Алексеев немедленно собрал комиссию для составления проекта Акта отречения от Престола.

В 14 часов (2 часа дня) ген. Рузский, в сопровождении двух других генералов Штаба С/З Фронта, был снова принят Государем и доложил ему вновь все полученное с Фронтов и из Ставки (в том числе и часть «вторичных» ответов с фронтов). Во время длительной беседы подана еще новая телеграмма ген. Алексева (вероятно, текст Акта отречения). Государь не только снова заявил, что он готов отречься, но и написал собственноручно две официальные телеграммы — одну Родзянко, другую Алексееву, — что он отрекается от Престола в пользу Сына ²⁴). Первую из них он отдал для отправления ген. Рузскому, и Рузский с нею ушел. Но вслед затем получено было Государем извещение, что из Петрограда выехали в Псков Член Государственного Совета Гучков и

24) Этот собственноручный текст Государя ген. Рузский вернул ему во время беседы с Гучковым и Шульгинным, а Государь отдал его генералу Алексееву по возвращении в Ставку вечером 3-го марта, что явилось поводом к созданию легенды, о чем скажу ниже.

Член Государственной Думы Шульгин. Государь решил задержать отправление своих телеграмм до беседы с ними. Телеграмма не была отправлена и осталась у ген. Рузского.

Повидимому, телеграммы, доложенные Его Величеству во время этого дневного совещания, остались в руках Свиты, и они-то и попали позже к полк. Пронину и вывезены за границу. Таким образом они (а это были, главным образом, тексты «вторичных ответов» с фронтов) не являются «подлинниками», но лишь подлинными текстами, полученными адресатом. Внешний вид их (я мельком их видел у полковника Пронина) именно этому и отвечал. Между прочим (как я уже писал) телеграммы СТАВКИ при подписном номере имели лишь отметку числа и месяца, но не часа и минут. Поэтому на них нельзя ссылаться для установления точного времени отправления (точнее — подписания), как это делают некоторые историки этих событий.

Дальнейшие события в Пскове подробно описаны в книге Мельгунова. Гучков и Шульгин прибыли лишь около 22 часов (10 час. вечера). До этого времени Государь вызывал д-ра мед. Федорова и долго говорил с ним о неизлечимости болезни Наследника-Цесаревича (гемофилии). Гучков и Шульгин были приняты Монархом в присутствии ген. Рузского, Мнистра Двора гр. Фредерикса и нескольких генералов Штаба С/З Фронта и Свиты. После продолжительного обсуждения положения Государь заявил, что еще утром он принял решение отречься в пользу Сына, но потом решил, что, ввиду его болезненности, он должен отречься и за него.

Это заявление поразило всех присутствующих; не только Гучков и Шульгин, но и генерал Рузский, да, повидимому, и чины Свиты ничего не знали о таком решении Государя.

Гучков и Шульгин просили перерыва совещания, чтобы обсудить эту перемену наедине (вдвоем). Поэтому совещание затянулось. Наконец, они высказались за то, что не возражают против этого пожелания Государя. Тогда Государь передал Гучкову уже бывший у него текст Акта об отречении с собственноручной поправкой об отречении за Сына и о передаче Престола Брату и со своей подписью. Было 23 ч. 40 мн., т. е. за 20 минут до полуночи на 3-ье марта.

Все, происходившее в Пскове, изложено мною по материалам С. Мельгунова.

В описании 2-го марта мне остается еще коснуться одного вопроса, не совсем ясного. Приведу три данные.

1) Уверяли тогда, что дня через два ген. Алексеев сказал: «Никогда не прощу себе, что я поверил некоторым людям!». Между прочим, об этом писал ген. Лукомский.

2) Примерно через месяц группа чинов Штаба обсуждала в присутствии ген. Алексева мартовские события. Кто-то сказал: «И все-таки одно положительное обстоятельство можно отметить: тогда никто никого не обманул». Ген. Алексеев быстро возразил: «Да, кроме ген. Рузского в ночь на 2-ое марта!». Разговор на этом оборвался.

3) (Мое личное воспоминание). Много позже, в 20-х числах января 1919 г., в Гражданской войне, Главнокомандующий Вооружен. Силами Юга России ген. Деникин посетил только что освобожденную Белыми «Группу Минеральных Вод» на Кавказе. Как раз в эти дни на кладбище Пятигорска были вскрыты могилы, в которых красные зарыли зарубленных ими при их уходе с Группы «заложников». Было найдено, отпето и погребено и тело зарубленного шашками ген. Рузского. На другой день после этого поезд ген. Деникина отходил обратно в Екатеринодар со станции Кисловодск (наш в мирное время знаменитый курорт, в это время — почти пустынный)... Перед его отходом, ко мне (я сопровождал генерала) обратились три женщины в трауре, появившиеся на перроне. Они оказались супругой, дочерью и прислугой ген. Рузского и просили ходатайства перед Главнокомандующим о вывозе их в его поезде в Екатеринодар, так как пассажирское движение еще, вероятно, долго не будет восстановлено. Не сомневаясь в положительном ответе, я направился в вагон генерала. Там я встретил в коридоре Начальника Штаба, ген. Романовского, которому и доложил о просьбе г-жи Рузской. Он ушел внутрь вагона, чтобы доложить ген. Деникину, через минуту вышел и дал мне такой ответ: «Поведение ген. Рузского в отношении ген. Алексева в ночь на 2-е марта было таково, что Главнокомандующий ВСЮР не может оказывать помощи его семье».

На мой вопрос, прикажет ли он так именно и ответить убитой горем генеральше, он предоставил мне выбрать те выражения, которые я найду подходящими, и даже позволил мне вывезти эту семью в вагоне, бывшем в моем распоряжении, но так, чтобы генерал этого не заметил и чтобы любезность эта исходила лично от меня. Я так и поступил, объяснив г-же Рузской, что будто бы, во избежание сплетен, стро-

жайше запрещено перевозить дам в штабных поездах.

Много лет спустя (в 30-х годах) мне случилось разговаривать с ген. Деникиным в совершенно частной обстановке и с глазу на глаз, и я спросил генерала о причинах его отказа в Кисловодске. Он был явно недоволен моим вопросом и, подумав, сухо ответил, что о случае в Кисловодске он слышит в первый раз.

Этот ответ заставил меня думать, что ген. Романовский не довел до ген. Деникина просьбы г-жи Рузской, а ответил, как я и думал, от себя, используя право Начальника Штаба самому решать мелкие вопросы. С другой стороны, отвечая мне, ген. Деникин не отверг обвинения ген. Рузского по существу.

Лично ген. Рузского я никогда не видел, однако слышал еще в 1914 году от одного офицера, бывавшего в доме генерала запросто, что он был левых убеждений; затем, вместе со многими офицерами генерального штаба я, в том же 1914 году, удивлялся, в какой мере Рузский шел «на поводу» у своего Начальника Штаба, пресловутого ген. Бонча-Бруевича, всеми ненавидимого и кончившего открытой изменой. Должен, однако, сказать, что к большевикам Рузский вслед за Бончем-Бруевичем не пошел и погиб страшной смертью, не совершив конечной измены.

Таким образом все же остается (судя по моим воспоминаниям) факт, что ген. Алексеев остался убежденным в совершении ген. Рузским в ночь на 2-ое марта в докладах своих по аппарату в Ставку чего-то, служебно весьма предосудительного. Что это могло бы быть? Неточная передача слов Родзянки, с уклоном в сторону необходимости отречения? Не было ли большего? Например, утверждения, что Его Величество желает знать мнение Главнокомандующих, а может быть и передача прямого повеления Государя в этом смысле? Если это имело место, то с ген. Алексеева снимается и последняя тень упрека. А если при этом, из личных бесед с отрекшимся Императором после возвращения его в Ставку, Алексеев выяснил, что такого повеления Государь не отдавал, то многое из отмеченных мною наблюдений того времени и позднейших получит полное объяснение.

С другой стороны, если ген. Рузский и действительно **сообщил** ген. Алексееву о бывшем будто бы Высочайшем повелении, то выше мною указанные слова Государя, что к 14 часам «ответы Главнокомандующих будут, вероятно, получены», дают Рузскому некоторое основание считать, что Его

Величество желает их получить, иначе он не назвал бы их «ответами». Но в этих словах Государя не видно, об ответах кому Он говорит: себе или ген. Алексееву. Но в тот же день Монарх записал в свой дневник: «Получил ответы от Главного-командующих». Здесь уже ясно, что «ответы» были Государю, а значит — и вопросы исходили от Него.

Отвечало ли, однако, «Отречение» обстановке, как она тогда представлялась в Ставке? Несомненно, что к великому изумлению многих старших генералов разразившийся в столице бунт не встретил со стороны и старейших там, да и средних и малых начальников, можно сказать, серьезного, то есть **оружием**, сопротивления. Если бы это было иначе, то хоть в отдельных районах бунта, или частях этих районов были бы массовые потери среди восставших. «Жертв же революции», торжественно погребенных победителями, было не более нескольких сот гробов, не говоря уже о том, что и тогда уже (на самых похоронах, на которых мне лично пришлось присутствовать) шла молва о том, что фактически хоронят не погибших революционеров, а с ними и перебитых революционером городовых. А между тем были и группы офицеров, и отдельные воинские команды, и Военные Училища, которые, если в полном составе, то в виде групп «охотников» оказались бы способными действовать оружием в защиту Монархии или, по крайней мере, понимавших необходимость сохранить дисциплину во время войны. Во всяком случае, этого можно и должно было ожидать от прекрасно вооруженной и обученной столичной полиции, имевшей и свои пешие и конные части. Нельзя, конечно, винить в этом несчастных, избитых в одиночку на постах городовых. Надо винить их высшее руководство. Все это относится к периоду до назначения диктатором ген. Иванова, к периоду, когда небольшой по существу, но достаточно грозный по местному результату успех правительственных сил мог дать огромный психологический успех.

Но многотысячные «гвардейские» запасные батальоны, прежде всего не желавшие идти на фронт и сражаться, а затем вконец развращенные крайней левой пропагандой? Не верится мне, чтобы они могли и 5 минут продержаться на Невском проспекте, если бы вдоль него открыла огонь 4-орудийная обычная скорострельная батарея (а таковая была, и даже не юнкерская). Но, конечно, к этим батальонам надо было относиться как к врагам, еще более опасным, чем германцы

на фронте. А этого не было. И естественно, что и высшие генералы, и сам Государь Император могли считать, что в районе столицы нет никого, на кого они могли бы опереться. В особенности, если прибавить, что все Императорское Правительство самовольно и вопреки Царского указа сложило свои полномочия и ждало революционного ареста на своих квартирах. Да мало и этого: если член Императорской Фамилии, один из ближайших по наследованию Престола, шел с вверенными ему войсками под красным флагом клясться в верности Революционному Центру, а совершенно от него независимо, один из старейших Великих Князей (последний из братьев Императора Александра II) составил Манифест (без ведома и согласия Императора) и собирал под ним подписи Членов Императорского Дома, добивался и подписи Императрицы Александры Феодоровны, а она письмом от 2-го марта уведомляла своего Супруга, что она под этим «идиотским манифестом» не подписалась и не подпишется... Все это было до того, как Ставка заговорила об «отречении» (т. е. Императора уже устранили не только революционеры, но и Правительство, и сам Царствующий Дом!!!).

Перед Ставкой оставались надежды только на силы извне Петрограда — на ген. Иванова и на подвозящиеся 7 полков. Но то, что узнала Ставка в течение ночи на 2-е марта, было, собственно говоря, потрясающие: ген. Иванов достиг Царского Села и являлся Государыне Императрице, а после этого — увел свои эшелоны на 20 км. назад, к Вырице. Дальнейшая его деятельность прекращена телеграммой ему Государя. Первый из перевозившихся полков, Тарутинский, уже сутки стоит на подступах к Петрограду и... никому не подчинен и ничего не делает. Второй из перевозившихся полков, Бородинский, ночью сдался восставшим в Луге ²⁵). Вся остальная перевозка остановлена по Высочайшему повелению из Пскова. Попытка Его Величества дать Ответственное Министерство и передать уже по конституционному порядку Правительственную Власть Родзянко (т. е. Государственной Думе) отвергнута Родзянкой. Правительства уже 3-й день не существует... Но хуже и страшнее всего — в Петрограде фактически уже существует «Совет рабочих и солдатских депутатов», т. е. антинациональная власть... Восстание перенеслось уже в Мос-

25) Подробности этого дела совсем удивительны: Головной эшелон идет под начальством всего на всего батальонного командира (командир полка — в последнем эшелоне). Мер охранения — никаких. Все офицеры спят в своем вагоне.

кву и другие города. Непокосимый адмирал Балтийского флота Непенин, чтобы спасти жизнь офицерам своего флота, убийства которых матросами уже начались на ряде судов, вынужден (за несколько часов до своей гибели) обратиться к помощи и защите «самого» Керенского!!!

Вот та обстановка, которая вынудила ген. Алексеева заговорить об отречении. «Пусть так, — говорят обвиняющие его в измене, — но что вышло из совета его и старших генералов?» — Но разве они советовали то, что произошло? Они хотели сохранить Монархию в лице большого ребенка, но при мудром регенте при нем! А вышло — ни Царя, ни Регента, ни даже Президента... Генералы этого не хотели и об этом не просили.

И позволю себе поставить еще один вопрос, которого, как это ни странно, никто еще не ставил: **Что же нужно было сделать генералу Алексееву?**

Он мог бы решиться еще на одно (и при этом юридически остаться совершенно правым) — ничего не делать и только ожидать, что будет...

То есть ждать, пока офицеры флота будут истреблены, взбунтовавшиеся батальоны и петроградская заводская чернь (по новому — пролетариат) не двинется на русский «Версаль», т. е. Царское Село, и, помимо стихийного грабежа, расправится с Царской Семейей... А там — анархия и бесславный конец...

VII. 3-ье МАРТА.

Около 1 часа ночи на 3-ье марта получены были из Пскова полные тексты двух Указов Сенату и Акта отречения от Престола. Еще через полчаса — час на службу Связи поступила телеграмма ген. Алексеева Главнокомандующим, содержащая полные копии Указов и Акта с добавлением распоряжения ген. Алексеева об объявлении этих документов войскам и населению театра военных действий и о приведении войск и населения к присяге на верность «Императору Михаилу Александровичу».

Одно — узнавать о, казалось бы, самых невероятных событиях, другое — самому начать действовать, подчиняясь этим событиям. Час тому назад это могло казаться изменой, сейчас — это оказывалось долгом. Где критерий между тем и другим? В моем представлении, по крайней мере в те первые минуты какого-то нового порядка, единственным крите-

рием был Закон. Но кто в ту минуту в Ставке мог сказать, что следует сделать «по Закону»? Приняв в руки принесенную мне для отправления телеграмму, я напряг все свои познания из Законоведения и какое-то смутное воспоминание мне подсказало: я сейчас же отправился в кабинет Генерал-Квартирмейстера и доложил ему, что отказываюсь отправить эту телеграмму, как противоречащую Основным Законам Российской Империи, которые устанавливают, что «ни одно лицо и ни одно учреждение в Государстве не имеет права провозглашать Императора, но Лицо, до коего, в порядке закона о престолонаследии, дойдет очередь, само объявляет Манифестом о своем вступлении на Престол и само повелевает принести присягу на верность ему».

Генерал Лукомский воскликнул:

— Благодарю вас! Благодаря вам, мы избежали огромной **ошибки!**

Телеграмма была взята обратно и вскоре вернулась на службу Связи без последних слов: акты приказывалось объявить войскам и населению, но ничего не говорилось о приведении к присяге.

При передаче этой телеграммы я присутствовал в аппаратной и лично проверял правильность передачи по каждому адресу. Передача шла очень долго, по очереди, на каждом из 6-7 аппаратов. Как сейчас помню, как, в момент окончания последней передачи, я взглянул на большие часы, висевшие в аппаратной: они показывали 4 часа 10 минут (утра 3-го марта). Кончив это дело, я немедленно ушел на квартиру (оставалось 4 часа на отдых).

По возвращении около 9 часов на службу, я узнал, что, как только я ушел, по петроградскому аппарату Председатель Государственной Думы Родзянко умолял ген. Алексеева «именем Родины» подойти к аппарату. Ген. Алексеев встал и спустился в аппаратную. Родзянко умолял его задержать опубликование актов, так как вопрос о вступлении на Престол Вел. Князя Михаила Александровича еще не выяснен.

Около 5 часов утра ген. Алексеев особой, срочной телеграммой приказал Акты не опубликовывать. По сведениям с фронтов оказалось, что до получения этой срочной телеграммы Акты успели быть переданными во все 14 штабов Армий (12 номерных, Кавказскую и Особую), а в одной из Армий — и в Штаб одного из Корпусов.

Таким образом, об отречении Государя знало уже множе-

ство лиц и недоумевало, конечно, о причинах задержки обнародования такого исключительного события.

Лично с меня это последнее событие сняло моральную ответственность за мое единственное вмешательство в течение переворота: некоторые остро меня обвиняли — если бы Армия присягнула новому монарху, то он, может быть, и не отказался бы от Престола. Но оказалось, что Армия все равно не успела бы присягнуть, так как в 5 час. утра во всех штабах действие 1-й редакции телеграммы Алексеева было бы остановлено...

Ночью же на 3-е марта мы узнали и о том, что отрекшийся Император выехал из Пскова в Ставку через Двинск и далее, по малым прифронтовым жел. дорогам, почему время его прибытия не могло быть заранее определено.

Память не сохранила мне никаких событий в течение утра и дня 3-го марта. Вероятно, сказалась реакция после пережитого крупнейшего...

Около 19 часов (7 час. вечера), когда я, вместе с другими чинами Ставки, кончал свой обычный ужин в столовой штаба, туда пришло по телефону распоряжение ген. Алексеева о немедленном прибытии на воинскую платформу станции Могилев всех генералов и штаб-офицеров Штаба для встречи прибывающего в Могилев отрекшегося Государя. Были мобилизованы все легковые машины Штаба, но и за два рейса они не смогли перевезти всех, тем более, что и многие обер-офицеры выехали для этой встречи. Нескольким машинам пришлось делать 3-й рейс. Я оказался в последней из них.

Военная платформа находилась в стороне от вокзала. Она представляла из себя очень длинный и широкий помост, ярко освещенный большими электрическими фонарями. Вход на платформу был с одного из ее концов. У платформы могли остановиться одновременно два поезда справа и слева от нее.

Когда мы (я и два моих случайных спутника) подъехали, то императорский поезд уже стоял на одном из этих путей. Другой путь был свободен. Спинай к нему вытянулась бесконечная, казалось, шеренга штаб-офицеров. Всего во всех Управлениях и Отделах Ставки было около 1000 офицерских чинов. Исключая обер-офицеров и гражданских чиновников, число штаб-офицеров, вероятно, было около 200. Впереди их правого фланга стояли генералы, а впереди их, как я позднее узнал — иностранные Представители при нашей Ставке.

Государь еще не выходил из вагона, в который вошел, как только подошел поезд, ген. Алексеев, встречавший Государя, несмотря на боли и на не спадавшую высокую температуру. Стоял большой мороз (градусов 12 С). Окна вагонов совершенно заледенели.

Я с моими спутниками поспешил бегом, позади шеренги штаб-офицеров, на ее левый фланг. Но как раз, когда мы пробегали мимо вагона Государя, ясно отмеченного тем, что к его двери была поставлена крытая красным сукном *сходня*, по бокам которой стояли, как и всегда при прибытии императорского поезда, два часовых казака Конвоя Его Величества с обнаженными шашками, — дверь вагона открылась, и в ней показался Государь, а за ним — ген. Алексеев. Мы остановились.

Непосредственно перед *сходней* ожидали Государя три великих князя: Сергей Михайлович (Инспектор Артиллерии), Борис Владимирович (Походный Атаман Казачьих Войск) и Александр Михайлович (Инспектор Авиации)²⁶). Государь был в форме Своего Конвоя²⁷). Он выходил из вагона с веселой улыбкой на лице. При этом он как-то неестественно подбрасывал левой рукой за темляк свою кубанскую шашку.

Мне представилось, что он старался показаться беззаботным и веселым. Увидя великих князей, Государь с ними по очереди поцеловался, что-то им со смехом говоря. Они раступились, и он увидел заполненную офицерами платформу. Ясно было видно, что это было для него полной неожиданностью²⁸): улыбка исчезла на его лице. Выпустив из руки темляк шашки, он обеими руками быстро поправил на голове свою папаху и, вытянувшись и приложив к папахе правую руку, быстро пошел к правому флангу встречавших, т. е. к иностранным представителям и генералам.

Воспользовавшись этим моментом, мы трое побежали дальше и стали на левом фланге штаб-офицеров, я — третьим слева. Это было так далеко, что невозможно было рассмотреть, что делается на правом фланге. По шеренге передали: «Снимите перчатку — Государь подает руку». Еще

26) Я, повидимому, ошибся — Александр Михайлович, кажется, прибыл из Киева на следующий день.

27) Как раз перед началом революции Конвой поднес Государю свою форму. Поэтому, как я писал под 26-м февраля, Государь был в тот день в этой форме. В ней он, повидимому, и уехал из Ставки.

28) Через обмерзшие окна вагона не было видно, что делается на платформе, а генерал Алексеев, вероятно, не доложил о необычной встрече Его Величества.

пришлось ждать довольно долго: рука со снятой перчаткой, приложенная к фуражке, стала сильно мерзнуть...

Наконец я увидел Государя: он медленно двигался в нашу сторону, подавая руку каждому офицеру... Вот он передо мной. По его лицу текут слезы... Они намерзли сосульками на усах и бороде... Он подает мне руку и так крепко пожимает мою, что я внезапно ощутил резкую боль. Невольно взглянув вниз, я увидел на пальце его перстень с очень большим продолговатым зеленым камнем... Мне представилось, что именно этот камень и причинил мне боль... Его Величество задерживается в рукопожатии несколько дольше обычного: он взглядывает дальше по шеренге и, увидев, что остается только два офицера, закрывает левой рукой глаз, а правую протягивает в сторону этих двух офицеров. Они подбегают и один за другим пожимают протянутую им царскую руку...

Тогда Государь закрывает лицо обеими руками и быстро идет к своему вагону. Плечи его вздрагивают от рыданий. Не останавливаясь, он входит в вагон. Ген. Алексеев входит за ним, и дверь вагона закрывается.

Мы начинаем разъезжаться.

Минут через 20 после своего возвращения в Штаб я увидел из окна, как к подъезду дворца подошла машина с тремя сильными фонарями — знакомый автомобиль Государя...

Был 10-й час вечера.

Несколько слов о позднейшем рассказе «очевидца». Тот самый престарелый генерал, состоящий на должности «историографа» Ставки и обязанный день за днем описывать жизнь и действия Верховного Главнокомандующего (т. е. Государя Императора), который 26-го февраля дал совет Его Величеству возложить особые полномочия для подавления Смуты на ген. Н. И. Иванова, так описал прибытие отрекшегося Монарха в Ставку (в Парижском издании «Русская Летопись», кн. третья, изд. 1922 г., стр. 66).

«Около 9 часов Государь прибыл в Могилев. Поезд тихо подошел к «военной» — длинной, пустынной, открытой платформе, к которой всегда прибывали Царские поезда. Высокие электрические фонари ярко освещали небольшую группу лиц во главе с ген. Алексеевым, прибывшими встретить Его Величество».

«Небольшой, с седыми усами, солдатской наружности, невзрачный генерал Алексеев вытянулся, отдал честь. К нему подошел Его Величество, протянул руку, поздоровался, что-то спросил его и затем сел в автомобиль с графом Фредериксом и отправился к себе по пустынным тихим улицам Могилева».

Что это? Умышленная ложь? Вероятно, еще хуже: старый рамолик, за неделю до этого сорвавший, по своей глупости, единственную попытку оказать революции серьезное сопротивление, вечером 3-го марта что-то видел, совсем не так понял и не попытался проверить или получить разъяснение, так как, в его представлении, «иначе и быть не могло».

Так пишется история!.. ²⁹⁾.

Этот же день 3-го марта был в Петрограде продолжением (а некоторые полагают, что и завершением) гибели Российской Империи. Если 2-го марта в Пскове отрекся от Престола Император Николай II, и чего никто ни в правом, ни в левом лагере не ожидал, родительскою своею властью отрекся и от прав на Престол за своего несовершеннолетнего и больного сына, то 3-го марта, последовав, как уверяют, хитрым уговорам Керенского, вел. князь Михаил Александрович сделал нечто большее, чем личное отречение: не приняв сам Престола, он закрыл путь к нему и следующим за ним в порядке старшинства престолонаследия членам Императорского Дома: после очень долгого собеседования с «лидерами» революции, несмотря на убеждения принять Российский Престол даже со стороны идеолога «Февральской революции» проф. Милюкова, Михаил Александрович подписал заявление о том, что он не может принять Верховной Власти до того,

29) Мне кажется, что ошибка ген. Дубенского произошла так: он в составе прочей Свиты, сопровождал Государя, следуя во 2-м литерном «Свитском» поезде. Когда мы всем Штабом встречали Государя и он нас обходил, этого свитского поезда еще не было (путь по левую сторону платформы был свободен). Когда Государь, в сопровождении ген. Алексеева, вошел опять в вагон, а мы все разъехались, то свитский поезд подошел, и выглянувший из него «историограф» увидел на платформе только уже вышедшего из вагона ген. Алексеева и, вероятно, адъютанта и двух-трех железнодорожников. Ген. Алексеев из вежливости ожидал окончательного выхода и отъезда Монарха, еще раз, как бы прощаясь, подал ему руку. Впрочем, весьма мало вероятно, чтобы историограф ни в этот вечер, ни позже не говорил ни с кем из встречавших или прибывших в первом поезде об обстоятельствах встречи, но он не нашел нужным внести поправку в свое описание. Нельзя также не отметить, что весь «труд» историографа проникнут ненавистью к ген. Алексееву и он множество раз клеветает на него. Ложность показаний Дубенского отмечает дважды (в примечаниях к этой статье) сама редакция «Русской Летописи».

как имеющее собраться Учредительное Собрание не высказывает своего мнения по этому вопросу.

Многие называют это заявление «Манифестом». Таковым оно, конечно, не было: под Манифестом в России понималось торжественное объявление своей воли Царем его верноподданным. Здесь не было ни Царя, ни верноподданных. Самый смысл этого заявления был тот, что Царя еще нет. А это значит, что нет и царской воли, нет и верноподданных.

Между тем, заявитель и не отрекается от своих прав на Престол. Наоборот, он задерживает за собой эти права до созыва Учредительного Собрания, каковое раньше полугода собраться не может. И еще неожиданное и удивительное: великий князь, заявляя, что он не вступает пока на Престол, тем не менее законодательствует: он не только говорит об «Учредительном Собрании», какового понятия наше законодательство не знало, но и указывает способ, по которому это Собрание должно быть собрано (так называемую «четырёххвостку»).

Не даром, зная волевые качества Михаила Александровича, вел. кн. Сергей Михайлович и ген. Лукомский не смогли удержаться от возгласов удивления, узнав о передаче Престола ему. Впрочем, надо помнить, что и по закону о Престолонаследии, после Наследника Цесаревича Алексея Николаевича, великий князь Михаил Александрович являлся ближайшим Наследником Престола³⁰⁾.

Понятно и то, что отрекшийся Государь воскликнул, как уверяют, узнав о заявлении брата: «Ах, Миша, Миша! Как мог ты это сделать?!»

Заявление это подписано Михаилом Александровичем после полудня 3-го марта. Когда оно получено в Ставке — не знаю. Возможно, что в то время, когда почти все офицеры Штаба были на встрече Государя. Во всяком случае, отрекшийся Государь узнал об этом уже по прибытии в Ставку.

Полк. Пронин³¹⁾ уверяет, что до опубликования этого заявления ген. Алексеев запросил по телеграфу мнение вел. кн. Николая Николаевича, как нового Верховного Главнокомандующего, и получил на это его распоряжение.

30) Некоторые полагают, что вел. кн. Михаил Александрович, как вступивший в мorganaticкий брак (с кн. Брасовой) потерял свое право на Престол. Это имело бы место, если бы он подписал при этом свое соответствующее заявление.

31) Статья его в «Переключке» № 58, стр. 6-7. (Не смешивать с нашим журналом).

Как бы то ни было, но около полуночи на 4-е марта на службу связи Ставки снова, как и за сутки до того, поступила телеграмма ген. Алексева Главнокомандующим с распоряжением сообщить войскам и населению и Акт об отречении Государя и заявление его брата. Телеграмма эта была немедленно передана по всем адресам. В самом Могилеве первое сообщение властей о перевороте ³²⁾ было объявлено утром 4-го марта ³³⁾.

VIII. 4-ое МАРТА.

В этот день я был дежурным офицером генерального штаба по Управлению Генерал-Квартирмейстера. Дежурство было суточное и состояло в присутствии при приеме и передаче важнейших оперативных телеграмм и замещении начальствующих лиц во время их сна или краткого отсутствия. Поэтому оно несло не по строевому, без оружия. Однако утром, когда ожидалось посещение Управления Государем Императором, как Верховным Главнокомандующим, и предстоял рапорт ему, дежурный был при оружии.

В этот день казалось очевидным, что отрекшийся от Престола Монарх не посетит штаба. Поэтому я оставил свое снаряжение в вестибюле и находился, как полагается, в дежурной комнате при службе связи.

В 10 часов 25 мин. зазвонил телефон и лакей из дворца мне передал:

— Его Величество сейчас выходит на доклад.

Я бегом поспешил к ген. Лукомскому и доложил ему об этом. Он с величайшим изумлением схватил свою шашку и бегом побежал по коридору к помещению ген. Алексева, крикнув мне:

— Бегите рядом!

И пока мы бежали по длинному коридору, он мне приказал:

32) Хочется при этом отметить, что три смежных телеграфистов Штаба (33 чел.), верные телеграфной присяге, в течение 6 дней хранили в тайне содержание принимавшихся и передававшихся телеграмм столь исключительного содержания. Отмечу при этом, что при передаче в эти дни телеграмм политического содержания генералом Алексеевым запрещено было применение шифра.

33) Я слышал в тот же день (4 марта), что Акт об отречении Государя и заявление Михаила Александровича были расклеены по городу губернатором озглавленными: «Высочайший Манифест Императора Николая II» и «Высочайший Манифест Государя Императора Михаила Александровича». Последний был спешно снят около 9 часов (утра) и заменен «Заявлением».

— Встретьте Государя рапортом. Постарайтесь, чтобы все было, как всегда...

Я поспешил в вестибюль и едва успел надеть снаряжение и перчатки, как дежурный полевой жандарм мне доложил:

— Его Величество выходит из дворца.

Я, как полагалось по обычаю, вышел в парадную дверь Управления, чтобы встретить Государя рапортом на тротуаре, недалеко от угла здания. Когда я выходил в дверь, которую держал открыто упомянутый полевой жандарм, то увидел Государя выходящим из подъезда Дворца. За ним шел Дворцовый Комендант ген. Воейков и урядник Конвоя. Пройти до встречи приходилось шагов 50. Я заметил, что Его Величество с некоторым беспокойством всматривается в меня: я был для него незнакомым человеком, и у него могла мелькнуть мысль, что личный состав Управления уже сменен новой властью.

Отрапортовав точно по уставу — «Ваше Императорское Величество, в Управлении Генерал-Квартирмейстера при Верховном Главнокомандующем во время дежурства происшествий никаких не случилось», — я сделал шаг в сторону.

Государь повернулся ко мне и спросил: — Как ваша фамилия? Я вас совсем не знаю.

Я отвечал: — Генерального штаба подполковник Сергеевский, Ваше Императорское Величество. Будучи только недавно назначен в Ставку, еще не имел счастья быть представленным Вашему Императорскому Величеству.

Государь очень приветливо улыбнулся и пошел дальше. Входя в двери Управления, он сказал «Здорово» полевому жандарму, а в вестибюле — швейцару-рядовому. Оба, как всегда, громко ответили:

— Здравия желаю, Ваше Императорское Величество.

На нижней ступеньке лестницы Государя встретил Помощник Начальника Штаба ген. Клембовский, на средней площадке — ген. Алексеев, на верхней, при входе в кабинет Верховного Главнокомандующего, — ген. Лукомский. Государь и все три генерала вошли в него. Я остался стоять на верхней площадке, около стоящего здесь полевого жандармского унтер-офицера. Со всех сторон подходили офицеры Штаба и спрашивали, как понимать посещение Государя. Я отвечал незнанием.

Минут через 10 (я подчеркиваю краткость времени, ввиду иных утверждений, на которых строились неверные легенды)

из кабинета вышли ген. Клембовский и ген. Лукомский. Первый ушел в свой кабинет, второй остался на площадке рядом со мной.

— Вы знаете, зачем он приходил? Он спросил Михаила Васильевича, не случилось ли чего-либо серьезного на фронте за дни его отсутствия. И на ответ, что кроме обычных перестрелок и ночных поисков разведчиков ничего значительного не было, он сказал:

«Слава Богу! Я очень беспокоился об этом, ведь ответственность за фронт все еще лежит на мне!»

И далее Государь пожелал формально сдать Алексееву фронт. И на листе бумаги они написали:

«Сдал фронт. Николай».

«Принял фронт. Ген. Алексеев.»

Мы простояли на площадке еще не больше четверти часа. Государь и Алексеев беседовали в это время с глазу на глаз.

Затем Государь вышел. Он с удивлением огляделся: площадка, прилегающий к ней коридор и лестница в 3-й этаж были заполнены офицерами и писарями Штаба...

Государь приветливо улыбнулся, любезно кивнул направо и налево и стал спускаться по лестнице. Я шел за ним. Когда он выходил из здания, то я увидел, что за решеткой, отделявшей часть площади перед нашим Управлением и Дворцом от остального ее пространства, собралась толпа народа. Очевидно, приход Государя в Штаб был замечен, и прохожие стали собираться, чтобы увидеть отрекшегося Царя.

Я предполагал, как всегда делалось, сопровождать Его Величество до угла здания Штаба. Но еще в самых дверях Государь остановился, повернулся ко мне и, приложив руку к папахе, сказал:

— А теперь я вас прошу меня более не сопровождать.

Я ответил: «Слушаю, Ваше Императорское Величество!» — по строевому повернулся «кругом» и ушел в здание Штаба. Государь пошел к подъезду Дворца в сопровождении только одного урядника-конвойца.

Формально сдав Верховное Командование, отрекшийся Монарх, в его представлении, стал уже частным человеком.

Через несколько минут Его Величество выехал из Дворца на вокзал для встречи прибывшей из Киева Вдовствующей Государыни Императрицы. Он ехал один, в открытом авто-

мобиле. Казалось, что он умышленно принял при этом свободную и беззаботную позу «простого офицера». По выезде за ворота в решетке его автомобилю пришлось медленно проходить через густую толпу собравшегося народа. Я это видел издали, из окна Штаба. Случайно оказавшийся в толпе офицер (ген. штаба подпол. Тихобразов) рассказал нам в тот же день, что толпа держала себя, как на погребении знакомого человека: царил полная тишина, все мужчины сняли шапки. Лишь слышались отдельные женские сдержанные рыдания...

Такова была первая реакция рядовых русских людей на уход от власти их Государя.

В городе было полное спокойствие.

Около полудня Государь, вместе с Государыней Императрицей Марией Феодоровной, вернулся во Дворец. Было время Высочайшего завтрака.

В нормальных условиях к такому завтраку в Ставке всегда приглашался дежурный офицер генерального штаба. В описываемый день я не получил такого приглашения. Это было, конечно, совершенно понятно, но, с другой стороны, возможно было предположить, что при таких обстоятельствах приглашение могло быть просто забыто, а в таком случае отсутствие за столом дежурного офицера могло быть истолковано совсем иначе...

Поэтому я решил справиться по телефону у дежурного камер-лакея. Последний ответил: «Сегодня приглашения нет: сегодня завтрак фамильный».

Других событий этого дня память мне не сохранила.

Однако, есть в печати и другое описание этого дня 4-го марта. Мой сослуживец, имя которого я несколько раз, и даже только что упоминал, ген. штаба подполковник Тихобразов, в январском номере журнала (на французском языке) за 1967 г. — «Мируар де л'Истуар» — напечатал отрывок своих воспоминаний за дни 3-8 марта и утверждает, что он в день 4-го марта «снова был дежурным» (нам приходилось дежурить через 11-12 дней, а он несомненно был дежурным в тяжкий день 2-го марта). До-обеденную часть своего дежурства он описывает в общих чертах так, как переживал и описал ее я, в деталях же — многое не совпадает. Например, Государь с приходом в Штаб будто бы сильно опоздал (против обыкновенного), его никто не сопровождал («даже

казак личного конвоя Е. В. отсутствовал»). А я отчетливо помню, что за Государем шли и казак, и Дворцовый Комендант ген. Воейков, и даже, когда я, после своего рапорта, хотел пропустить последнего вперед, то он меня подтолкнул и прошептал: «Дежурный офицер всегда впереди». На докладе (т. е. в Кабинете Верховного Главнокомандующего, с тремя генералами) Государь будто бы пробыл обычное время, выйдя, «как обычно, около полудня», т. е. пробив полтора часа. (По моим воспоминаниям — меньше получаса). Тихобразов подробно описывает свои чувствования при рапорте отрекшемуся Монарху. Он, по его словам, прождал его обратно до угла нашего здания. Он пишет, как и я, об отъезде Государя на вокзал для встречи Вдовствующей Императрицы, но ничего не говорит о толпе народа, через которую Монарх проезжал при выезде за решетку, делившую площадь, о чем, по моим воспоминаниям, именно он при мне рассказывал. Он также, как и я, тщетно ждал приглашения к Высочайшему завтраку... Но далее в его воспоминаниях следует нечто исторически важное, о чем я не имел никакого представления. Он описывает отъезд Государыни в свой поезд после завтрака лишь в сопровождении некоторых указываемых им лиц, но без Государя, который, по его утверждению, отправился в здание нашего Управления к ген. Алексееву. Подполковник Тихобразов, как Дежурный Офицер, поспешил к нему, но не успел: Монарх уже вошел в комнаты, занятые большим генералом, и Тихобразову пришлось его ожидать в небольшом темном коридорчике перед дверью к Алексееву. Вскоре он вышел в сопровождении Алексеева, отклонил рукой попытку Тихобразова ему вторично рапортовать, но последний стал свидетелем конца происходившего между вышедшими разговора. То, что слышал Тихобразов, говорит, что Государь передал ген. Алексееву собственноручно написанную телеграмму для отправки ее новому правительству, в чем Алексеев отказал. Тихобразов слышал слова Алексеева: «Невозможно, Ваше Величество: это только скомпрометирует и вас и меня».

Только через месяц узнал Тихобразов от самого ген. Алексеева, что это была за телеграмма: Государь будто бы изменил свое решение, а именно — он «дает свое согласие на вступление на Престол своего Сына».

Подполковник Тихобразов приводит в кавычках высказанные по этому поводу мысли ген. Алексеева, между прочим,

его удивление, как мог Государь думать, что еще возможно возведение на Престол его Сына, **«тем более, что после отказа вел. князя Михаила Александровича от принятия Власти, Престол перестал существовать».**

Мне кажется, что подобные слова не могли быть высказаны ген. Алексеевым. Ничто в Российском Законодательстве не дает никакого основания для такого суждения. Лиц Императорского Дома, имевших по закону право на вступление на Российский Престол, было, в мужских и женских линиях потомков Императора Павла I, не менее сорока. Да и отказ от вступления на Престол Вел. Князя Михаила Александровича и по форме, и по смыслу его заявления, вовсе не был окончательным. Если и были трудности в определении прав некоторых членов Императорского Дома ввиду неполноты Закона об Императорской Фамилии, то был еще и Правительствующий Сенат, имевший право толкования законов в случае их неясности. Россия в эти дни еще оставалась формально «Империей», и отказ от Престола одного или двух Членов Императорского Дома не обращал ее в «республику». И ген. Алексеев не мог не знать и не понимать этого. Поэтому кажется весьма мало вероятным, чтобы Алексеев высказал эту мысль.

Верно то, что в те дни появилась легенда о наличии подобной телеграммы, написанной рукой Императора Николая II и не отправленной в Петроград. С. Мельгунов посвящает разбору этой легенды стр. 199-201 своих «Мартовских дней» и, как решающую данную, приводит копию, снятую полковником Прониным с записи ген. Алексеева, которая, приводя текст этой телеграммы, оканчивается словами: «Проект телеграммы относится, повидимому, к периоду 3-4 часа 2-го марта 1917 г. Написан в Пскове. Передан ген. Алексееву 3 марта вечером в Могилеве. Ген. Алексеев». (См. примечание 24ое).

То есть, если текст, о котором говорит Тихобразов, существовал, то это был другой, новый текст, написанный при других обстоятельствах 4-го марта и сведение это остается на совести подпол. Тихобразова. Что же касается вопроса о том, кто был Дежурным Офицером в Ставке 4-го марта, то читателю предоставляю самому судить о том, кто из нас — он или я — «фантазируем». Но для меня лично утверждения подполковника Тихобразова перестают быть достоверными.

IX. 5-е, 6-е и 7-е МАРТА.

5-го марта, в воскресенье, отрекшийся Государь с Вдовствующей Императрицей были в церкви за Литургией, находясь, как всегда раньше, на правом клиросе... На Великом Входе поминали уже не «Благочестивейшего Самодержавнейшего...», а «Державу Российскую и Временное Оной Правительство»... Я не был в церкви, но слышал рассказы там бывших. Как раз во время выслушания их, меня потребовали к Генерал-Квартирмейстеру. Он представил мне двух пожилых людей в штатском, корреспондентов Московских газет, и поручил дать им информацию для печати о пребывании в Ставке отрекшегося Императора. Я им продиктовал только что выслушанные мною рассказы, закончив тем, как Государь, выходя боковыми дверями из храма, оказался перед группами нижних чинов, тоже выходивших из храма, но еще не построившихся для возвращения в казармы. Командовавший ими офицер еще не вышел из храма. Первый заметивший Государя солдат скомандовал: «Смирно!». Все исполнили эту команду и на приветствие Царя «Здорово братцы!» — очень громко и отчетливо ответили: «Здравия желаем, Ваше Императорское Величество!»

Корреспонденты меня сердечно благодарили, полученными сведениями, видимо, были довольны и обещали сейчас же мою информацию передать в Москву по телефону. На другой день я действительно прочел ее в московских газетах, но в каком виде!

Она была чрезвычайно сокращена, но вместе с тем и широко разбавлена революционным вздором, вроде: «бывший царь, стоя в церкви, плакал, оборачивался к народу и повторял: «простите меня, простите!» и т. п. Сцена же с солдатами была передана так: «...Николай позволил себе поздороваться с ними. Солдаты отвечали презрительным молчанием...». Если не ошибаюсь, это было напечатано в «Русском Слове».

За дни 5-го - 7-го марта, конечно, произошло множество интересных для истории Русской Революции крупных и малых событий, хотя бы в виде тех или других сношений чинов Ставки с представителями новой власти, но они уже выходят за рамки моей темы: «Отречение от Престола Императора Николая II» — это уже «История Временного Правительства» и другие подвиги «Великой, Бескровной...».

Мне же остается отметить лишь несколько черточек, характеризующих лично отрекшегося Императора в эти тягчайшие

для него дни.

Он продолжал жить как бы прежней жизнью в доме Могилевского Губернатора. К Высочайшему завтраку прибывала Вдовствующая Государыня, к обеду Государь уезжал в ее поезд. Государь послал новому Правительству телеграмму о согласии последнего на его отъезд к Семье в Царское Село, пребывание там до выздоровления его детей, затем — на переезд всей Семьи в Англию, с тем, что по окончании войны он поселится в «лично ему принадлежащем имении Ливадия». Он ожидал ответа.

Он за эти дни много ездил один в открытом автомобиле по городу. По рассказам шоферов (нижних чинов Автомобильной команды Штаба — как это мне представляется) он как бы бесцельно колесил по городу (направо-налево, по малым улицам). Узнававшие его встречные снимали шапки, солдаты — становились во фронт. Выявления враждебности, повидимому, не было.

В один из этих дней Государь с кем-то из лиц свиты выезжал из города на прогулку по шоссе. В нескольких верстах от Могилева он встретил крестьянский обоз из нескольких саней, остановившийся для отдыха. Оставив свою машину в стороне, Государь один прошел к обозу и долго разговаривал с крестьянами-повозчиками, видимо его не узнавшими. О чем был разговор, отрекшийся Монарх будто бы никому не рассказал.

Вечером 7-го марта ко мне на Службу Связи пришел из Дворца флигель-адъютант полковник Мордвинов и сообщил, что пришел по повелению Государя узнать, не получено ли в Штабе новое «Положение» об отношении между нижними чинами и офицерами и генералами. Мы знали, что такое «Положение» вырабатывается комиссией Гучкова и ждали его получения. Я ответил, что еще не получено. При этом Мордвинов мне рассказал, что Его Величество в данную минуту сидит один в своем кабинете, просил ему не мешать и пишет свое «Прощальное Слово Войскам» и что при этом желает употребить те слова в обращении к воинским чинам, которые предписаны новым Правительством. Я перечислил Мордвинову те главные изменения в обращениях, о которых тогда говорили (конечно, лишь предположительно).

«Прощальное Слово» было в ту же ночь напечатано в «Приказе» Начальника Штаба Ставки (ген. Алексеева) за Ном. 371 от 8 марта для рассылки войскам, но срочное распоряжение

Временного Правительства запретило его распространение ³⁴). Мне все же удалось тогда его прочитать. В нем Государь убеждал войска повиноваться новому Правительству и так же верно служить Родине, как и при нем. Я обратил также внимание на то, как Его Величество избежал как старых, так и новых обращений.

Х. 8-ое МАРТА.

Утром 8-го марта последовало телефонное извещение ген. Алексеева, что отрекшийся Император отбывает к Семье в Царское Село и в 10 часов будет прощаться с чинами Ставки ³⁵). Предписывалось всем генералам и офицерам Ставки собраться в большом зале Управления Дежурного Генерала. Военским частям Ставки надлежало командировать туда же по одному нижему чину, по выбору нижних чинов части.

К 10 часам все собрались в указанном зале (через площадь от Дворца и нашего Управления). Офицеры стали плотной массой вдоль обеих длинных и задней короткой стен зала, оставив свободным четырехугольное пространство посреди зала. Нижние чины стали в 2 шеренги вдоль четвертой стенки, у входной двери... Я, в составе нашего Управления, оказался в первом ряду, шагах в 10 от входа. Вокруг меня стояли обер-офицеры Службы Связи.

Ровно в 10 часов раздалась команда: «Господа Офицеры!» — Вошел Государь. Он был по-прежнему в казачьей форме с папачой в руках. Сделав несколько шагов, он остановился лицом в глубину зала, левым плечом ко мне, всего в шаге от меня. Он тяжело дышал. Казалось, что узкая портупея его кубанской шашки давит ему на грудь. Правой рукой он оттягивал портупею от груди. Несколько секунд стояла мертвая абсолютная тишина. Наконец, он заговорил. Я лично так

34) Не исполнять прямого распоряжения нового Правительства ген. Алексеев уже не мог — это повело бы к немедленной его смене. К тому же, 8-го марта Верховным Главнокомандующим был еще вел. кн. Николай Николаевич. Нельзя было ставить и его в конфликт с Правительством.

35) В ближайшие дни в Ставке говорили, что 8-го марта рано утром прибыли в Могилев уполномоченные нового Правительства, привезшие ген. Алексееву указ об аресте отрекшегося Императора и отправлении его в Царское Село (последнее отвечало и желанию Государя). Ген. Алексеев, как тогда утверждали, немедленно доложил Государю об этом указе, на что получил ответ Государя, что надо повиноваться, однако Монарх поставил Алексееву условие, чтобы вплоть до его отъезда никто в Могилеве не знал об этом указе. Это и было выполнено Алексеевым.

волновался и в то же время напрягал все усилия, чтобы стоять неподвижно (это же, повидимому, испытывали и почти все присутствовавшие), что слушал и не слышал или, вернее, далеко не все из слышанного понимал... Ряд лиц передали потом содержание его слов совершенно по разному. Мне запомнилось так:

— Господа! Мне очень тяжело говорить... Это последствие принятого мною решения... Но решение это принято мною окончательно и бесповоротно! Прошлое не может возвратиться...

Мне кажется, что только эти слова и касались политического смысла происходящего. Дальше перед нами говорил только покидающий свою должность Верховный Главнокомандующий. Он благодарил генералов и офицеров своего Штаба за сверх-отлично несшуюся ими службу. Он призывал и впредь, под новым Правительством, добиваться и добиться полной победы над внешним врагом — победы, которая необходима Родине... Сказано им было много больше, до сознания дошли и запомнились только эти мысли...

Затем он начал медленно обходить собравшихся... Говорят, что он каждому подавал руку. Утверждаю, что этого не было, да и быть не могло: мы, как я уже говорил, стояли плотной массой. Я ясно запомнил, что он шел чрезвычайно медленно, как бы стараясь заглянуть каждому в глаза, и впереди стоявшим, и стоявшим за ними, и стоявшим в глубине.

Пока он говорил, было очень тяжело, но теперь, в полной тишине, стало совсем непереносимо... Он уже обошел половину зала, и... вдруг оказавшийся перед Государем огромного роста есаул его Конвоя, как мертвый, упал на пол, произведя своим падением невероятный среди царившей тишины грохот.

Это послужило как бы сигналом. В нескольких местах зала начались припадки истерики. Мой сосед, молодой, бледный и очень слабый после ряда ранений, подпоручик пехоты Бронштейн (какие бывают совпадения!) сел на пол и начал визжать и кричать. Я и мои соседи, чтобы как-нибудь прекратить это, затолкали его под стоявший за нами рояль, где он и затих.

В других местах старались успокоить других заболевших. А Государь, точно ничего не замечая, продолжал медленно делать свой обход.

Окончив его, он повернулся к нижним чинам. Последние стояли совершенно недвижно. Но почти у всех лица были красны от слез, а на груди их солдатских рыжеватых шинелей были большие темные пятна... Я только потом понял, что это был след их слез. Простолудин не падает в обморок, но его чувство выражается в других проявлениях. Государь сказал и им краткое слово того же содержания, в простых, но сердечных словах. Затем снова повернулся к офицерам, отдал им честь отчетливым «строевым поклоном» и повернулся к выходной двери.

Но ген. Алексеев заступил ему дорогу и твердым голосом сказал ему несколько слов благодарности, но подчеркнуто только, как Верховному Главнокомандующему, покидающему свой, глубоко его почитающий Штаб. А затем очень громко и отчетливо произнес:

— СЧАСТЛИВОГО ВАМ ПУТИ, ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО!

— СЧАСТЛИВОЙ ВАМ ЖИЗНИ, ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО!

— и сделал шаг в сторону. Но Государь обнял его, крепко прижал к себе и трижды облобызал. Этот последний, по смыслу — еще царственный жест я видел в одном шаге от себя, и мне с необычайной яркостью запомнилось, что каждый из этих Царских поцелуев длился по многу секунд...

Затем, молча и не оборачиваясь, он пошел к выходу. Я смотрел вслед и отчетливо видел совершенно неожиданную картину: дверь была закрыта, ее распахнули перед самым Государем, он сделал шаг через порог и... вдруг быстро шагнул назад: вся площадка лестницы и сама очень широкая лестница вверх и вниз (зал был во 2-м этаже) были битком забиты солдатской массой. Но в следующий момент Государь решительно шагнул вперед, и послышался его очень громкий голос: «Здорово, братцы!» И загрохотал такой ответ, какого я, кажется, никогда не слышал — все окна дребезжали:

— Здравия желаем, Ваше Императорское Величество!

— Прощайте, братцы!

— Счастливого пути, Ваше Императорское Величество! — и вслед за этим — много-сот-голосый рев рыданий...

Ничего подобного я никогда не слышал. Мы стояли на своих местах, повернувшись к дверям. Фигура Императора Николая II постепенно исчезала, спускаясь по лестнице среди с трудом расступавшихся и стихийно рыдавших солдат... На-

конец, скрылась и голова Монарха... Стихли и рыдания...

— И ЭТО НАЗЫВАЕТСЯ РЕВОЛЮЦИЕЙ?!. — раздался чей-то голос около меня.

Но это была революция: через несколько минут я видел из окна Штаба, как увозивший в последний раз Монарха автомобиль сворачивал с площади в соседнюю улицу, а с углового здания (Земской Управы) свисали два огромных красных флага.

Б. Н. Сергеевский, ген. шт. полковник
бывший в 1917 г. Начальник Службы Связи
Ставки.

РУССКАЯ МОНАРХИЯ И НАРОД.

Можно с уверенностью утверждать что все Российские кадеты по политическим убеждениям — монархисты прошлого. То-есть мы знаем, что Русская монархия создала могучее государство и, несмотря на временные ошибки, — а у кого их нет, — вела нашу родину к лучшему будущему для всех граждан. Поэтому мы все считаем Февральскую революцию большим несчастьем, разрушившим все то, что с таким трудом создавалось многими веками. Но когда мы начинаем задумываться о будущем, то у большинства из нас нет четкой идеи о желательной и возможной структуре будущей Российской империи. Исторический процесс развития нашего государства резко оборвался в 1917-ом году. С тех пор прошли многие годы — пройдут и еще, — и новая Русь уже не сможет быть продолжением старого строя. Не сможет потому, что уничтожены все прежние основы и прежние слои населения. Не сможет быть и потому, что весь мир и все окружающие нас бытовые условия в корне переменились. А раз нет преемственности то, невольно, встает вопрос, что же мы возьмем за желательный образец. Во все прошлые века у нас менялось представление о сущности верховной власти, менялись народная психология и структура. Так к чему же субъективно желанному и объективно возможному мы должны стремиться и на каком фундаменте помогать строить будущее национальное Российское государство. Что мы должны взять за наш идеал? Московскую Русь, Императорский период или западные образцы.

Идея самодержавного монархизма пришла к нам из Византии вместе с христианством. Однако прошло почти двести лет прежде чем она окрепла и стала побеждать родовой порядок. Впервые в 12-ом веке провозгласил и стал проводить

в жизнь единой державы князь Андрей Боголюбский, внук Владимира Мономаха. Он был одарен большими способностями и получил по тому времени широкое образование. Поэтому он прекрасно понимал все бедствия удельного многовластия. Как говорит летопись: «Князь Андрей смущался о нестроении братии своей и братанников, и сродников, и всего племени своего, яко всегда в мятеже и волнении все бяху и мнози крови лияше». Будучи очень религиозным, он не взлюбил удельные беспорядки и когда настала возможность начал ломать все старые устои. Такая возможность явилась после смерти его отца Юрия Долгорукого, когда он начал круто забирать в свои руки всю власть в Суздальской земле. Как говорит летопись: «се же сотвори желая быти самовладельцем в Суздальской и Ростовской земле». В это же время стал ослабевать родовой обычай старшинства и князь Андрей, как более достойный, вскоре был выбран Великим князем в обход старших князей. Он ясно видел что притязания княжеской владетельной аристократии угрожают нежным росткам монархического начала и, став Великим князем, сразу же повел радикальную ломку старого строя во имя единой державы. Он стал самовластно распоряжаться удельной Русью, назначая, перемещая и выгоняя по своему усмотрению удельных князей. Князь Андрей впервые давал преимущество «мизинным» людям перед родовитыми боярами и князьями. Но еще силен был старый обычай и в 1174-ом году Андрей Боголюбский был убит заговорщиками высшей знати. И, как говорит историк, «память Боголюбского осталась пред ближайшим потомством идеалом в ореоле святости, а противники его были осуждены, как люди не ведающие политической правды». Поэтому-то Православная Церковь причислила его к лику святых.

После его смерти еще долго продолжался удельный порядок, хотя и уступал все время свои позиции наследственной единой державы. Особенно усилился этот процесс за время татарского ига, так как народ понимал, что только православию и твердая власть спасали Русь от полного исчезновения. Постепенно терял свое значение принцип старшинства и первенствующее место стала занимать младшая ветвь Владимира Мономаха. В Москве же набирала силу младшая линия Александра Невского. Там стал утверждаться порядок наследия по нисходящей линии, хотя и по выбору Великого князя. И можно считать, что со времени Иоанна 3-го, уни-

чтожившего татарское иго и женившегося на Софии Палеолог, и тем принявшего наследие Византии, в Москве, наконец, воплотилось самодержавие. Но было оно еще очень хрупкое и Иоанну приходилось держать по тюрьмам всех «подозрительных» старших родственников. А когда его просили освободить брата Андрея, то Иоанн отвечал: «Жаль мне брата, но освободить его не могу, потому что не раз он замышлял на меня зло. Да это бы еще ничего, но когда я умру, он будет искать великого княжения под внуком моим, и если сам не добудет, то смутит детей моих и станут они воевать друг с другом, а татары будут Русскую землю губить, жечь и пленять, и дань опять наложат, и кровь христианская будет опять литься, и все мои труды останутся напрасны и вы будете рабами татар». Таким образом Иоанн во имя безопасности государства постепенно укреплял свою власть все время урезывая своеволие удельных князей. Он оставлял за ними лишь право собственности и вотчинного суда. И хотя митрополит иногда уже называл его Царем и Самодержцем, сам Иоанн 3-ий писал себя: «Иоанн, Божией милостию Государь и Великий князь всея Руси». Лишь при его внуке окончательно окрепло самодержавие, не только фактически, но и идеологически. 17-ти лет в 1547-ом году Иоанн 4-ый захотел сесть на Великое Княжение «как наши прародители Цари и Великие князья», и было совершено Царское венчание с миропомзанием. С этих пор был окончательно принят титул Царя, как официальное наименование его сана.

В своей переписке с князем Курбским, Грозный ясно и точно объясняет свое мировоззрение. По его верованию всем земным и небесным «обладает Христос и все состоит Его хотеньем, советом Отчим и благословением Святого Духа». Эта Высшая Власть налагает свою волю на государственное «строение» и устанавливает царскую власть. Государство должно представлять собой стройную систему и личные доблести лучших людей не помогут если нет правильного «строения», если в государстве власть и учреждения не будут расположены в надлежащем порядке. Царская власть является высшей ступенью на земле. И не от народа, а от Божией милости к народу идет царское самодержавие. Оно было дано сначала Константину «первому во благочестии». И через ряд государей «дойде и до нас смиренных скипетродержавие Русского царства». А другие страны нам не указ, «о безбожных человецех что и глаголати». Поэтому Иоанн с презрением от-

носился к иностранным монархам и никого не считал себе равным. Послам Стефана Батория так и сказал: «Государю вашему Стефану в равном братстве с нами быть не пригоже». Также и в Русском государстве никого нет равного Царю и судиться с ним можно только пред престолом Христа. И ноша его тяжелее всех прочих, так как Самодержавный Царь ответит не только за свои грехи, но и за грехи своих подданных сделанных его попусшением. Его власть на земле ограничена только вопросами веры. Такое понятие о царской власти в основном разделяли и все Русские люди той эпохи. Поэтому, несмотря на все последующие жестокости Иоанна, он не прозван «Жестоким», а «Грозным», в чем чувствуется трепет и уважение. О том же говорит часто произносимая фраза опальных бояр: «бесчестия не приму, а в животе моем ты волен». Такой взгляд на царскую власть сохранялся во весь последующий период и боярские ограничения власти Царя Михаила Феодоровича были очень скоро уничтожены Земскими Соборами. Первый удар по этому цельному мировоззрению был нанесен церковной реформой патриарха Никона и Царя Алексея. Она затронула как раз то, что исключал из власти царя Иоанн Грозный, то-есть вопросы веры. Движение раскольников морально считало себя вправе не подчиняться этой реформе, а в остальном народе заколебался авторитет Церкви. Несмотря на все преследования в последующие века, раскол пережил революцию 17-го года и зачастую включал в числе своих последователей более крепкую часть православного населения.

При Петре Первом пришла эпоха великих реформ и в основное мировоззрение было внесено существенное дополнение. Царь по-прежнему оставался в своих глазах и по вере всех остальных Самодержцем и неограниченным монархом ответственным за свои поступки только перед Богом. Такую веру в священную особу Царя вполне выразил некий стрелец подымаясь на эшафот: «отойди Царь, а то забрызгаю тебя своей кровью». Но с этих пор на земле появилось еще другое юридическое лицо, ставшее ценнее царской жизни. Так провозгласил сам Петр перед Полтавской битвой, «а о Петре ведайте, что ему жизнь не дорога. Жила бы только Россия во славе и благоденствии». Таким образом Россия, как сумма власти, народа и территории в иерархии ценностей становится выше личности монарха. Русские князья и рапские не щадили свою жзнь, но, в основном, это было за веру, которая в древ-

ности тесно переплеталась с национальным сознанием. Этот новый подход, когда вера лишь призывалась на помощь при защите своего отечества, стал характерен для всего императорского периода. Быть может поэтому в последующие столетия погибли два императора от руки тех, кто считал интересы России (как они их понимали) выше жизни помазанника Божия.

Совершенно последовательно Петр Великий провозгласил принцип служения этой новой высшей ценности. Для этого он перестроил все общество на новых началах. В Московской Руси все население образовывало некий вид пирамиды без резких разрывов между отдельными личностями и группами. Лица, стоящие близко друг от друга на этой лестнице, часто ссорились из за мест и отказывались служить под началом тех кого считали более худородными. Они зачастую готовы были принять смерть, скорее чем бесчестие. Этими делами ведал особый приказ, где иногда дело доходило до рукоприкладства. Петровские реформы, для облегчения принципа служения, разделили все население на резко очерченные сословия, каждое со своими правами и обязанностями. Все члены своего сословия перед законом были равны между собой. И не была закрыта возможность лучшим по заслугам переходить из одного сословия в другое. Однако, за короткое царствование Петра 3-го, чуждого Русской культуре, резко нарушилась эта гармония из-за указа о вольности дворянства. При Екатерине Второй, вначале непрочно чувствовавшей себя на троне, еще более увеличилась пропасть между всеми сословиями. В то время как крестьянство на сто лет было заморожено экономически и духовно, дворяне стали первыми свободными гражданами Российской империи. Как показала дальнейшая история, дворянство очень неразумно воспользовалось этой свободой. Начав с учебы и «политесса» оно очень быстро оттолкнулось от родной почвы и пошло за западной философской мыслью, говоря по-русски только с прислугой. К сожалению, космополитизм, с легкой руки Петра Первого, затронул и верховную власть. Этому помогал и новый обычай женитьбы членов императорской фамилии на иностранных принцессах.

После Екатерининского века, славного своими внешними успехами наступил 19-ый век. Пришла очередь занять прадедовский престол внукам Екатерины Великой. Она не отличалась цельным мировоззрением и духовно была ближе Вольтеру,

чем древним религиозным мыслителям, почему и не смогла воспитать своих внуков на идеях основанных московскими царями. Император Александр Первый, воспитанный швейцарским республиканцем, все свое царствование метался в духовном бесплодии между мистицизмом и православием, между Бонапартом и Бурбонами, между монархией и республикой. И в конце концов, если не фактически, то психологически отрекся от короны, возложенной на него Провидением. Но народ в лице всех сословий еще был верен чувству долга, что и доказал в тяжелый 1812-ый год. Лишь Великий князь Константин не понял своего долга перед отечеством и отказался от престола предназначенного ему Божиим Промыслом, — пожалуй первый такой случай в истории Российского государства. Сумма таких факторов сделала возможным восстание Декабристов, ответственность за которое несет, как монарх, так и дворянство, уже во многом оторвавшееся от древних корней. Хотя в восстании активно приняла участие только небольшая кучка военной молодежи, они и их жены вызвали поклонение и восхищение последующих поколений. Но что еще важнее, они явились как бы прообразом будущих направлений политической мысли. Северная группа безвольных фантазеров, мечтавших о парламентарной конституции, но боявшихся решительных мер, стала предтечей Февральской революции. А Южная требовала земельного передела, отмены частной собственности, полной государственной ломки и уничтожения всего царского рода. И тем она вела по прямой линии через террористов 19-го и 20-го веков к Октябрю 17-го года.

Император Николай Первый, наведя порядок не решался его потревожить, хотя и чувствовал необходимость реформ. Эт видно из его предсмертных слов сыну: «передаю тебе царство не в том порядке в каком бы хотелось». По своему мировоззрению он также как и братья был далек от древних идеалов. Во внутренней политике он, по его словам, был «первым дворянином Российской империи», что сильно отличается от взглядов московских царей и Петра Великого. Грозный был одинаково безразличен ко всем западным правителям, Петр Великий выше всего ставил интересы России, а Николай Первый во внешней политике был другом и защитником европейских монархов в их ссорах со своими подданными. Такая политика обычно шла во вред русским национальным интересам, как, например, было с Австрией, которая

в Крымскую войну удивила весь мир своей неблагодарностью. Однако, Николай Первый понимал ценность русских корней и русской культуры и воспитание своего сына отдал в руки лучших русских людей. Его усилия упали на добрую почву и Император Александр II стал достойным потомком Петра Первого. Вступив на престол он сразу же стал проводить назревшие реформы. Освобождение крестьян, ослабление замкнутости духовного сословия, земская, судебная и военная реформы в корне изменили всю социальную структуру. Влияние такой перестройки на всю дальнейшую судьбу России можно сравнить лишь с эпохой Петра Великого. И также как тогда все это было проведено заслугами самого Императора. Он сумел подобрать блестящих помощников и вел их по этому пути несмотря на пассивное сопротивление справа и разрушительный террор слева. Его бесстрашию и непреклонной воле Россия обязана тем, что реформы были проведены в жизнь, за что Царь Освободитель заплатил своей мученической смертью.

Проведение этих запоздалых мероприятий с полной ломкой прежнего быта, повлекли за собой и опасные последствия. Быстро разоряясь мелкое и среднее дворянство отрывалось от земли и становилось служилым классом — рыцарями двадцатого числа. Теряя свои сословные особенности часть дворянства вместе с разночинцами, евреями и другими инородцами стали образовывать новый класс — класс Русской интеллигенции. Только основная масса населения — крестьяне, до столыпинских реформ пребывавшие духовно и экономически в Московской Руси, оставались за бортом новой жизни. И так получилось что к 20-му веку почти весь русский народ уже можно было разделить на две чуждые друг другу группы: «БАРИНА» и «МУЖИКА». Этот процесс шел ускоренным темпом во время правления Александра III. Его спокойное царствование было особенно благоприятно для усиления и развития нового класса интеллигенции. Предыдущие реформы, а затем сильный рост промышленности быстро увеличивали спрос на культурный слой империи. В своем мировоззрении Император Александр III повернулся вновь к прежним истокам, пробуя объединить всю Русь на трех основаниях: самодержавие, православие и русская народность. Во внешней политике он поставил выше всего интересы России. Поэтому, считая необходимым союз с Францией, он стоял смирно при звуках марсельезы, что было кар-

динальным отступлением от взглядов его ближайших предков. Однако, слишком большая пропасть уже образовалась между монархией, высоко культурной интеллигенцией и малограмотным народом. За его короткое царствование Императору удалось лишь поднять престиж Российской Империи и Европа действительно ждала «когда Русский Царь ловил рыбу». С такой расстановкой сил Россия вступила в бурный 20-ый век.

Император Николай II-Мученик по своему характеру был недостаточно вооружен для предстоящей борьбы. При всех своих прекрасных качествах, как человек, он не обладал ни сильной волей, ни административными способностями своего державного отца. А его примерное качество семьянина, в государственном плане, принесло много вреда ему и России. Из всех императоров он ближе всех стоял духовно к идеалам Московской Руси. Недаром Государь назвал своего сына в честь Царя Алексея Михайловича, а на знаменитом балу-маскараде 1903-го года выбрал для себя одежды первого Царя династии Романовых. Но, как он, так и все его окружение понимали, что нельзя было вычеркнуть весь императорский период и затормозить Россию на старых установках. Многие учитывали серьезность положения, но, пожалуй, только Столыпин правильно представлял себе общую обстановку и разгадал стремления двух главных классов: интеллигенции (барина) и крестьянина (мужика). Первая рвалась к управлению государством, хотя и не была к тому подготовлена, а другая хотела земли и лучшего экономического положения. К сожалению, с трагической смертью Столыпина, быстро заглож его девиз: «покровительство эволюции и отпор революции», и очень скоро зашатался руль в слабых руках правительства. Несмотря на все усилия Престола, Россия не выдержала тяжести Первой Мировой войны и рухнул монархический строй. В своем отречении Император Николай II, вопреки всем своим прежним убеждениям, заповедует брату: «править делами государственными в полном и ненарушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях, на тех началах, кои будут ими установлены, принеся в том ненарушимую присягу». Таким образом по его завещанию должен был бы быть в России некий вид парламентарной монархии. Но после отречения Вел. князя Михаила Александровича, хотя большинство Русских людей включая членов Думы (за исключением социалистов) были монархи-

стам, в Российской Империи не стало даже парламентарной монархии. Интеллигенция получив власть очень быстро показала свою несостоятельность и очень скоро сдала свои позиции «мужику», в котором к этому времени социалистические демагоги успели разжечь дремавшую ненависть, жажду мести и земли. За это удовлетворение своих инстинктов класс «мужиков» очень скоро дорого заплатил.

Идут года и за это время исчезли все боровшиеся силы: монархия, интеллигенция и крестьянство. Сильно подорвана православная вера и трудно учесть на каком фундаменте будет строиться будущее национальное государство. И все же для нашей многонациональной России, где личные честолюбия и иностранный капитал разжигают сепаратизм, лучшим образом правления была бы монархия. По общему неверию, монархия уже не по милости Божией, а о воле народной. Она желательна, как символ единства и главный арбитр противоположных интересов различных групп и национальностей. Пример такой монархии мы видели в Югославии времен короля Александра. Но для всякого национального образа правления, после многих лет безнравственного коммунизма, необходимо духовное оздоровление. Любое правовое государство, а особенно монархию, нельзя строить на лжи и обмане и потому на нашей родине должно произойти нравственное и моральное очищение. Лучший путь для этого, конечно, религия, так как все религии учат добру и борьбе со злом. И уже налицо большие сдвиги в этом направлении. Все больше и больше рождается смелых людей готовых страдать за свои убеждения. Они говорят о Боге, о правде, и о высших духовных ценностях. Напрасно чекисты, встав сейчас во главе Советского Союза, усиливают репрессии и увеличивают лагерные сроки. Им не потушить этот огонь, новых истинных праведников добровольно вставших на крестный путь новомучеников. Все равно многие руки подхватят этот факел веры и любви и он не угаснет. Не меняется сущность советской власти, но у населения многие души озаряются новым светом и они готовы на страдания как в первые века христианства. Они не ждут награды, а лишь просят молиться за них и весь страждущий Русский народ. В этом новом явлении ключ к светлому будущему России. И мы должны по мере сил помочь этим людям. Чем сильнее и скорее разгорится это пламя духовного оздоровления, тем ближе будет возрождение новой России на основах правды, духовной свободы и справедливости.

Сергей Третьяков.

Пав. Пагануци

Чайковская - Анна Андерсон - Манаган: царская дочь или самозванка.

Историко-критический очерк

Посвящается:

*Н. М. Пагануци-Милоградской, быв. инструктору Сербско-Хорватского языка в Вермонтском Университете, верной сотруднице всех моих исследовательских работ,
с благодарностью,*

автор.

Под давлением своих недалёковидных советников 3/16 марта 1917 года отрекся от престола **Император Николай II Александрович**, и Россия была повергнута в хаос безвластия, а затем в кровавые беззакония революции.

66 лет тому назад большевики совершили одно из самых мрачных своих преступлений: в ночь на 17 июля 1918 года, в Екатеринбурге, на Урале, была убита вся Царская Семья, причем преступление носило характер жестокости. Пролитая красными изуверами кровь в доме Ипатьева, по словам одного русско-советского интеллигента, приславшего в Зарубежье последний снимок «дома особого назначения», стала истоком рек, морей и океанов, в изобилии натопивших горькую русскую землю.

17 февраля 1920 года девушка или молодая женщина лет 20-ти бросилась в воды Ландверского канала, в Берлине, но была спасена полицией. Так родилась легенда о избавлении великой княжны Анастасии Николаевны, из Екатеринбургского застенка.

В этом очерке будет излишне подробно заниматься биографией претендентки, которая и так хорошо известна широкой публике по многочисленным книгам и другим публикациям. Поэтому, совсем коротко, проследим ее жизненный путь. А затем, на основании свидетельских показаний, рассекреченных ныне Протоколов Сибирского Следствия и логических заключений, сделаем соответствующие выводы и поставим вопрос: существует ли какая-то, хотя бы микроскопическая возможность поверить, что в лице Чайковской-Анны Андерсон-Манаган, мы на самом деле видели младшую дочь императора Николая II?

Спасенную женщину отправили в госпиталь, где доктора пытались установить причину ее поступка, но она упорно молчала. Тогда ее отправили в госпиталь для душевно-больных.

В марте 1922 года, немка, по имени Клара Петерт, жившая до революции в Петрограде, и выпущенная из того же госпиталя, явилась в русскую церковь в Берлине и произвела переполох: она сообщила, что вместе с ней в госпитале находилась царская дочь. Вызвали баронессу С. К. Букгевден, бывшую фрейлину Государыни, но больная продолжала молчать.

Нужно сказать, что в начале появления претендентки ее принимали за великую княжну Татьяну Николаевну. Но вскоре на сцене появился балтийский барон Артур фон Клейст, в прошлом полицейский чиновник в Царстве Польском. Вместе с женой он посетил больную. После свидания Клейст рассказал, что пациентка довольно решительно заявила им, что она является на самом деле великой княжной Анастасией Николаевной. Далее она рассказала сверх фантастическую историю своего избавления. Ее, тяжело раненную, якобы, спас какой-то солдат охраны дома Ипатьева. И, с его семьей, ей удалось пробраться через Урал и всю европейскую Россию, перейти румынскую границу и достичь Бухареста. С этим солдатом претендентка прижила ребенка, который умер, а солдат погиб, при таинственных обстоятельствах в Бухаресте. Из Румынии, в одиночку она достигла своей конечной цели Берлина. Больная назвала имя своего таинственного избавителя: **Александр Чайковский**. Так она получила свое первое имя **Чайковской**.

Наконец здоровье больной улучшилось до такой степени, что ее выпустили из больницы и она несколько лет подряд перебиралась с места на место, нигде долго не задерживаясь. А молва о спасении великой княжны Анастасии Николаевны или, во всяком случае, одной из дочерей императора Николая Второго, распространяется по всей Западной Европе, и повидать ее, чтобы лично убедиться, что она из себя представляет, приезжают люди, знавшие великих княжен, или думавшие, что они их знали. Среди них были: сестра Государыни, принцесса Прусская; Александр Волков, камердинер Царицы; Пьер Жильяр; А. А. Теглева, няня Царских детей; вел. кн. Андрей Владимирович; быв. вел. княжна, Ольга Александровна Куликовская, сестра Государя; Т. Е. Боткина, дочь

царского лейбмедика др. Боткина, погибшего с Царской Семей; герцог Георгий Лейхтенбергский; Сидней Гиббс и многие другие. Во время войны, под одним кровом с претенденткой, в доме своего двоюродного брата, герцога Саксен-Альтенбургского, проводит несколько дней ныне здравствующая княжна Вера Константиновна, дочь поэта великого князя Константина Константиновича.

В 1926 году Чайковская живет в Швейцарии, а летом возвращается в Германию, где проводит некоторое время в лечебнице, в Баварских Альпах. Тут ее посещает Т. Боткина. В это время сторонники претендентки, признавшие в ней царскую дочь, распускают слухи о том, что ей грозит опасность от лиц, которые отказались признать в ней вел. княжну Анастасию. Все эти слухи, подхваченные незадачливыми исследователями, не имели никакого основания и подтверждения. Уж не от вдовствующей ли императрицы Марии Федоровны, Ольги Александровны Куликовской, великого герцога ¹⁾ Гессенского, княжны Веры Константиновны, Пьера Жильяра, Сиднея Гиббса, грозила опасность Чайковской??? Нужно было быть слишком наивным, чтобы поверить этим слухам, которые распускались, вероятно, со злым намерением.

Осенью 1927 года Чайковскую приглашает пожить у себя в замке герцог Г. Лейхтенбергский, и сторонники претендентки истолковали это приглашение как признание в ней великой княжны. Жена и дети герцога относились неприязненно к Чайковской между ними постоянно происходили ссоры. Претендентка иногда довольно решительно предупреждала своих хозяев, чтобы они не забывали об ее царском происхождении. В конце концов столкновения в замке достигли таких размеров, что ей пришлось его покинуть.

Приблизительно в это время Американская пресса направила в Германию Глеба Боткина ²⁾, чтобы проинтервьюировать «Анастасию». Эта встреча во многом повлияла на будущую жизнь Чайковской. Боткин передал ей приглашение княгини Ксении Георгиевны, дочери вел. кн. Георгия Михайловича (а тогда замужем за В. Лидсом) провести у нее некоторое время. В начале 1928 года выхлопотали временную визу и Чайковская прибыла в Нью Йорк, где была встречена миллионершей Анной Дженнингс, в роскошном доме которой она провела около трех недель, пока не вернулась из путешествия Ксения Георгиевна. В доме своей новой хозяйки Чайковская долго не ужилась, начались ссоры. Причин на

это было достаточно, а причины для ссор претендентка находила быстро. Ксения Георгиевна обещала устроить ей свидание со вдовствующей Императрицей, но этого не удалось осуществить, т. к. Мария Федоровна не пожелала видеть самозванку.

В августе 1928 года с целью «избавиться от назойливых журналистов», Чайковская зарегистрировалась под именем **Анны Андерсон**, и, таким образом получила второе имя, которое долго за ней задержалось. Провозгласив себя царской дочерью, Анна Андерсон решает добиваться получения фантастических денежных вкладов которые, якобы, император Николай II сделал до начала I Мировой войны в европейские банки. Многим западным исследователям и авторам книг не дает покоя «фантастическое богатство» последнего русского царя, которое некоторые произвольно расценивали в 20-25 миллиардов долларов. Конечно, состояние принадлежавшее Государю и Его Семье было значительным. Но до сих пор никто не постарался выяснить: куда и на какие нужды тратился приход с этого богатства? Кроме содержания Царской Семьи, Двора и царских родственников (великих князей), исключительно на царские средства содержались Императорские театры оперы и драмы, несравненные балеты Мариинского и Большого театров, Императорская Академия Художеств, Народные дома. Кроме того существовала «Собственная Его Величества Канцелярия», которая выдавала денежную помощь неимущим и, по традиции, просящим никогда не отказывали. Но это еще не все. Даже большевики в лице перешедшего на их сторону быв. Председателя Петербургского Окружного Суда А. Ф. Кони, признавали, что «Царица занималась попечительством» (т. е. благотворительностью). В Крыму она выстроила несколько лечебниц для легочных больных, ряд школ для больничных сестер (милосердия), ремесленный дом для военных инвалидов. Во время I Мировой войны Императрица, исключительно на царские деньги, создала целую сеть военных госпиталей, содержала военные санитарные поезда. Вот куда тратились деньги из царской казны.

С самого начала революции в Западной Европе упорно распространялись слухи, что Николай II заблаговременно перевел огромные суммы денег в английские и немецкие банки. И вот Анна Андерсон нанимает адвокатскую контору, которая должна была, сначала, добиться признания Андерсон как

царской дочери, а после этого вероятно, завладеть царскими вкладами. Они создали что-то на подобие акционерного общества под названием Grandanor Corporation — “Grand Duchess Anastasia Nikolaevna of Russia”, с Боткиным во главе, как директором.

Император Николай II, будучи большим патриотом своей страны, никогда не держал в заграничных банках больше денег, чем Он, Его Семья и Двор могли потратить в своих заграничных поездках. В Германию ездили чаще и поэтому там были вклады на несколько миллионов марок. Катастрофическая инфляция после войны все это съела. В английских банках, к началу войны, оставалось около миллиона фунтов стерлингов. Но Государыня потратила почти все эти деньги на нужные медикаменты и хирургические инструменты для своих военных госпиталей.

От княгини Ксении Георгиевны Андерсон опять перебралась к Анне Дженнингс, но и тут довольно быстро рассорилась со своей хозяйкой. Летом 1931 года претендентка возвращается в Германию, где ее «американские друзья» обеспечивают ей пребывание в психитрической лечебнице около Ганновера. А выписавшись из госпиталя она проводит 12-13 лет сравнительно спокойно, поддерживаемая материально, главным образом, уверовавшей в нее германской аристократией.

Война застала Андерсон на востоке Германии и, после капитуляции, она очутилась в советской зоне. С немалым трудом, вызволил ее оттуда ее горячий поклонник принц Фредерик Альтенбургский, пока большевики не сообразили, кто находится в их когтях. Вскоре, в Голливуде, создается фильм «Анастасия» с Ингрид Бергман и Ю. Бринером. Противно фактам, в фильме Мария Федоровна признает в претендентке свою внучку. Анна Андерсон получает за это несколько десятков тысяч, хотя фильм этот принес его создателям 5 миллионов долларов. На эти деньги она строит себе что-то на подобие дачи, огораживается проволочным забором, разводит десятки кошек и живет под защитой свирепых волкодавов, мало заботясь о своих животных и санитарных условиях своего участка.

И тут на сцене появляется новый персонаж, еще более запутавший фантастическую историю спасения царской дочери, расстроивший надолго планы Анны Андерсон. В 1977 году русский журнал «Согласие» (Калифорния) издал брошюру «Как погибла Царская Семья». В ней австрийский во-

еннопленный Йоганн Майер, представлявший себя как видный член большевистской партии в Екатеринбурге, утверждал, что он имел непосредственное отношение к царевубийству.

Приходится удивляться как многие «советологи», а главное, русские, не разгадали грубого подлога. На одном из документов брошюры, убийца Шая Голощекин неправильно подписывает свою фамилию: Голоचेкин. Так она написана и на машинке писарем. В документе «Список команды особого назначения» стоит «Начальник Чрезвычай. Ком. (Юровский)». У большевиков в ЧЕКА не было должности «начальник», а только «председатель». Кроме того во время убийства Царской Семьи «Председателем Чрезвычайной Следственной Комиссии» (Чрезвычайки) был не Юровский, а Лукоянов. Юровский был только т. наз. «Комендантом дома особого назначения» и членом «чрезвычайной семерки» (чекистов в Екатеринбурге).

При изучении Протоколов Сибирского Следствия нами обнаружен очень интересный документ: полный список всех лиц, прямым или косвенным способом замешанных в убийстве Царской Семьи, как и список всех большевистских главварей Екатеринбурга и окрестностей. Список этот был составлен Военным Контролем по приказанию генерала Домантовича, немедленно после вступления Белых и Чехов в Екатеринбург. Имени Майера в нем не оказалось.

Далее, без особого труда, удалось установить подробности из жизни Йоганна Майера. Был он действительно в русском плену, научившись хорошо говорить по русски. В период царевубийства он находился в Екатеринбурге, но не имел никакого отношения к злодеянию. Освободившись из плена и попав в Берлин он, на всякий случай, подделал ряд документов. Выдал его приятель, сидевший с ним в плену — Отто Стефан. Узнав, что идет борьба между сторонниками и противниками Чайковской-Анны Андерсон и намечается судебный процесс, Майер пришел к заключению, что можно заработать и настало время действовать. Он вступил в контакт с адвокатом претендентки, предлагая за высокую мзду свидетельствовать, что вел. княжна не была убита и спаслась из дома Ипатьева. Но запросил Майер слишком много и сделка не состоялась.

Не прошло и года как он явился в редакцию немецкого популярного журнала «7 Tage» («Зибен Tage») и предложил свою рукопись, в которой описывал совершенно обратное:

теперь Майер утверждал, что в Екатеринбурге погибла вся царская семья включая вел. княжну Анастасию. Соблазн был велик и «7 Tage» напечатал ряд майеровских статей.

На основании свидетельства Майера Анна Андерсон потеряла процесс. Майер умер в том же году, а в 1964 Гамбургский Апелляционный Суд установил, что все сообщенное Майером в «7 Tage» является фальшивкой. Несколько раз суд рассматривал дело Анны Андерсон, не будучи в состоянии вынести какое-либо решение. Да на это и имелись веские основания. Преступление было совершено в другой стране за тысячи миль от места процесса, суд не был в состоянии привлечь достаточного числа нужных свидетелей, не мог использовать Протоколы Сибирского Следствия.

Анна Андерсон тем временем опять перебралась в Соединенные Штаты и, на склоне лет, вышла замуж за богатого профессора Джона Манагана, который был чуть ли не на 20 лет младше Анны Андерсон. Таким образом претендентка получила свое третье и последнее имя: **Манаган**.

В 1981 году в местной газете Шарлотесвилля, Вирджиния, появилась любопытная статья с фотографией г-жи Манаган в медицинском кресле, с описанием торжества по поводу «восьмидесятилетия великой княжны Анастасии». На торжественном приеме было много гостей и среди них Ирина Швейцер-Боткина.

Постепенно «Анастасия» Манаган привела свое новое роскошное имение в полное запустение. Прекрасную виллу огородила проволкой, окна забила картоном, а дужайки засорила пнями, мусором и развела опять кошек. В последующие два года она не меняла образа жизни, подчинив своим прихотям слабовольного и преданного ей мужа. Здоровье ее постепенно ухудшалось. На жалобы соседей городские власти неоднократно призывали Манаганов к ответственности за несанитарные условия на их участке и в роскошной вилле. В доме развелись паразиты и профессор Манаган, искусанный клещами, заболел with Rocky Mountain spotted fever, из-за чего был спешно отправлен в госпиталь. Его жену нашли в доме в совершенно истощенном виде. После этих событий опекунский суд нашел, что профессор Манаган в состоянии заботиться только о себе и отправил его жену в госпиталь для престарелых. Это было большим ударом для Манаганов, которые успели крепко привязаться друг к другу. Через месяца полтора после случившегося, пришедший в отчаяние про-

фессор, выкрал собственную жену, с которой его разлучили силой. В газетах появились сенсационные статьи об исчезновении претендентки в царские дочери. Организована была погоня и беглецов вскоре настигли, водворив жену профессора на прежнее место.

Это было последним испытанием, которого «Анастасия» Манаган не смогла пережить и вскоре наступил конец. Февральские газеты принесли печальное известие о том, что она скончалась 12 февраля 1984 года в Шарлотесвилле.

Надо думать, что горячие поклонники г-жи Манаган, уверовавшие в нее как царскую дочь, начали искать достойное место для ее вечного упокоения, пока его не нашли. Среди живописной природы Баварских Альп возвышается старинный замок Сеон, принадлежавший роду герцогов Лейхтенбергских. В нем, в 1927 году, Чайковская, будущая Анна Андерсон и Манаган, провела год, как гостья гостеприимной семьи герцога Георгия Николаевича. Сразу же за замком находится старинное крохотное кладбище герцогов, с небольшой церковью XV века. На нем, кроме остальных, похоронены Николай Николаевич и Георгий Николаевич Лейхтенбергские, как и сын последнего, Димитрий Георгиевич даровавший, в 1969 году, кладбище местному муниципалитету, с условием, хоронить на нем только Лейхтенбергских и их быв. служащих.

Весной 1984 года муниципалитет дал разрешение похоронить на нем г-жу Манаган, вопреки протестам герцогини Е. А. Лейхтенбергской, вдовы Димитрия Николаевича (Канада). В конце июня, урна с прахом претендентки прибыла в Германию и состоялись похороны в присутствии мужа покойной, герцога Фридриха Альтенбургского и многочисленных журанлистов.

Так закрылась последняя страница жизни женщины, которая, при поддержке явных и тайных последователей, на протяжении шестидесяти лет упорно и упрямо добивалась, чтобы мир признал ее за царскую дочь.

Кто же все-таки признал и признает в Чайковской-Анне Андерсон-Манаган вел. княжну Анастасию, а кто отвергает ее как ловкую самозванку? Для того чтобы ответить на этот вопрос, вернее осветить его беспристрастно, не следует забывать, что Царская Семья, в годы, когда царские дети росли, жила весьма замкнуто и редкие из Романовых, как и приближенные вообще, знали великих княжен. А все те, ко-

торые уверовали в претендентку как царскую дочь, имели возможность встречать великих княжен редко, мельком, вряд ли обращая на них внимание, а то и вообще их не видели. Исключением является Боткина.

Сторонники «Анастасии» не дают нам логичного и приемлемого объяснения: как же, все-таки, вел. княжна Анастасия Николаевна осталась живой, после бойни в доме Ипатьева. Какая сверхестественная сила ее, израненную, вырвала из чекистских когтей, а затем перенесла через Урал, всю Европейскую Россию, охваченную революцией и огнем гражданской войны, часть Восточной Европы, чтобы выбросить на поверхность в Берлине. Сторонники самозванки этот, очень важный вопрос, просто избегают: спаслась, да и только!

Главной свидетельницей в пользу Чайковской-Андерсон-Манган является Т. Е. Боткина, живущая теперь под Парижем. Вот что писала она мне в одном из писем:

«Если бы вы на минутку смогли вообразить себя на моем месте, т. е. на месте человека, который признал Анастасию Николаевну не по фотографиям, не по одному свиданию, а также по разговорам, которые кроме нее никто не мог знать».

В другом письме, на отдельном листке, Боткина описала мне свои встречи с вел. княжной Анастасией, озаглавив их «Годы и месяцы свиданий Татьяны Боткиной с великими княжнами Марией и Анастасией Николаевной». Внимания заслуживают встречи летом 1916 года: Боткина работала на складе медикаментов в Царско-Сельском дворце и, изо-дня в день, в течение трех месяцев, сидела около трех часов за столом против Анастасии. Но, не следует забывать, что Боткиной было тогда всего 15 лет, а в этом возрасте чувство наблюдательности вряд ли достаточно развито.

Сторонники самозванки зачисляют в свой лагерь также герцога Г. В. Лейхтенбергского, только потому, что он пригласил пожить ее у себя в замке. На самом деле герцог никогда и нигде не высказывался в пользу Чайковской.

Великий князь Андрей Владимирович был действительно горячим сторонником претендентки, хлопотал за нее, старался убедить других Романовых, особенно Ольгу Александровну Куликовскую, сестру Государя. Под конец и он в этом покаялся. Известно, что отношения Царской Семьи с «Владимировичами» были весьма натянуты и сомневаемся, чтобы Андрей Владимирович вообще встречал великих княжен.

Все остальные, как члены дома Гогенцолернов, принцы не-

мецкой крови, флигель адъютанты и другие лица, царских детей вообще не встречали, а если и видели их мельком, то черты их лица не могли запомнить.

В лагере противников Чайковской-Андерсон, отвергших ее решительно как царскую дочь и считавших ее ловкой самозванкой, были люди хорошо знавшие великих княжен, проводившие в их обществе продолжительное время, вплоть до сибирской ссылки. В октябре 1928 года 12 членов Императорской Фамилии подписали документ полностью осуждающий Чайковскую-Андерсон, как самозванку. Среди подписавшихся находились и Ольга Александровна Куликовская и вел. княгиня Ксения Александровна — сестры Государя.

Главными противниками-свидетелями против самозванки были два педагога: Сидней Гиббс и Пьер Жильяр, занимавшиеся изо дня в день с царскими детьми много лет подряд, почти до самой их насильственной смерти. Никто кроме них не мог так точно запомнить черты лица, манеры держаться, голос и особенности своих воспитанниц. Сидней Гиббс провел 10 лет при дворе в качестве репетитора царских дочерей и лучше всех других свидетелей знал великих княжен, а особенно Анастасию Николаевну. Его впечатление от встречи с Анной Андерсон настолько важно и уничтожающе для самозванки, как он ее назвал, что мы приводим его почти целиком:

«В 1908 году я был назначен учителем английского языка к детям Его Императорского Величества Николая II и жил при Царской Семье в России 10 лет. Ввиду моего положения я знал хорошо царских детей и видел их ежедневно. При моих дневных контактах я был особенно хорошо знаком с чертами лица вел. княжны Анастасии, с цветом ее волос.

30 ноября 1954 года я отправился в Париж для встречи с особой, которая теперь называет себя вел. княжной Анастасией. После обеда был позван в комнату т. наз. вел. княжны Анастасии и ее немецкой компаньонки. Так наз. вел. княжна Анастасия смотрела на меня с подозрением поверх газеты, которую она держала все время перед своим лицом так, что только ее глаза и волосы были видны. Эту тактику она употребляла каждый раз не давая мне разглядеть ее лицо. Из под газеты она протянула мне ладонь и дала пожать концы пальцев. Ее черты, которые я все-таки мог рассмотреть, ни в коей мере не отвечали чертам лица настоящей великой княжны, даже если принять во внимание прошедшее от 1918 года до 1954 время. Великая княжна Анастасия никак не могла

превратиться в женщину, которая теперь называла себя великой княжной.

Т. наз. великая княжна не показала никакого интереса ко мне, меня не узнала, вопросов мне не задавала и едва отвечала на мои. Было ясным, что она не знала ни русского ни английского языков, на котором говорила Царская Семья, но говорила по немецки, на котором вел. княжна Анастасия не говорила. Я узнал, что она возит с собой 2000 фотографий и почтовых карточек. При последней нашей встрече я имел возможность приблизиться к ней и рассмотреть все ее лицо и, особенно, правое ухо. Ее правое ухо ни в коей мере не отвечает форме правого уха настоящей вел. княжны Анастасии, как оно выглядело на принадлежащей мне фотографии. Она никак не похожа на настоящую великую княжну Анастасию, которую я знал, и я удовлетворен признать в ней самозванку».

Пьер Жильяр уже с 1905 года начал учить великих княжен французскому языку, а с 1912 и наследника. С Царской Семьей верный Жильяр, как и Гиббс, не расставался до конца, до того дня, когда их заключили в дом Ипатьева. Жильяр, без колебания назвал Чайковскую-Андерсон самозванкой. Не признала в ней царскую дочь и ее няня А. А. Теглева, впоследствии жена Жильяра. Сестра Государя, Ольга Александровна Куликовская, которую мне пришлось встретить в Торонто, в 1953 году, была любимой тетей царевен. Она их знала с детства и даже приезжала во дворец, чтобы купать. Великие княжны из заточения писали ей трогательные письма, справляясь о недавно родившемся сыне — Тихоне. Некоторые незадачливые авторы пытались инкриминировать Ольге Александровне 4 письма, написанные ей Чайковской, в которых, якобы, есть намек на признание. Мы знаем как Ольга Александровна отказала вел. князю Андрею Владимировичу в повторном свидании с Чайковской и неоднократно, долгие годы, называла эту женщину самозванкой.

Княжна Вера Константиновна Романова, дочь вел. князя, поэта Константина Константиновича, встречала не раз царских детей в Александровском дворце. Она подробно описала мне свою встречу с Анной Андерсон в доме своего двоюродного брата, последнего герцога Фридриха Альтенбургского. Было это в 1943 году, в Тюрингии. Однажды приехал к ней брат с госпожой Милтиц, которую сопровождала подруга его невестки — шведка — и пригласил к себе. «На ве-

черней молитве, перед сном, меня вдруг осенила мысль, что «шведка» и есть самозванка. Быстро посмотрела на фотографию царских дочерей, сидящих у стола: что-то есть общее. Говорят, что у каждого человека имеется двойник. Мысль о «грехе» не знаю откуда явилась; и чей он — романовский или гессенский».

Затем, как это часто бывало и раньше в других местах, Андерсон неожиданно убежала, спряталась в большом парке замка и ее насилу отыскали. И Вера Константиновна с облегчением вздохнула, когда рассталась со «шведкой». О всех других, более мелких свидетелях, говорить не приходится.

Теперь перенесемся в Екатеринбург на Урале и рассмотрим: существовала ли какая-то реальная возможность вел. княжне Анастасии избежать смерти во время убийства в доме Ипатьева и бежать из Советской России. Те, которые берутся утверждать, или предполагать, что кто-то из членов Царской Семьи мог спастись, делают это злонамеренно или не уясняют себе сущности, характера, структуры и методов власти совершившей это страшное злодеяние. Нельзя было больше пролить человеческой крови, чем это сделали большевики под водительством Свердлова, Ленина, Троцкого, Зиновьева и красного сверх-палача Дзержинского, в первые годы революции. И мы поделимся с читателем жуткой статистикой, сделав подходящее сравнение. В то время как при царском режиме за последние 100 лет, т. е. от 1817 до 1917 было казнено 977 лиц, главным образом убийц, большевики умудрились за первые пять лет своего кровавого режима ликвидировать 1.861.568 человек ³⁾. Естественно, что при такой бесчеловечной власти никто из членов Царской Семьи не мог ожидать пощады. В центре, т. е. в Москве, было решено ликвидировать всех Романовых, где бы они не находились и какую бы роль до революции не играли. Был расстрелян, несмотря на заступничество Максима Горького, хороший историк, левый либерал и оппозиционер престолу вел. князь Николай Михайлович. Позднее большевики явно признали, что каждый живой Романов мог стать очагом сопротивления советской власти. И в Екатеринбург полетело приказание, под страхом смерти, уничтожить всю Царскую Семью.

Белые войска адмирала Колчака и Чехи пришли в Екатеринбург буквально по следам большевиков, которые бежали в панике, побросав много следов своего преступления. Сразу же началось следствие, которое возглавил Наметкин,

затем судья Сергеев и, наконец, эксперт своего дела, неутомимый и энергичный следователь по особо важным делам Николай Алексеевич Соколов. Он получил от адмирала Колчака специальные полномочия и в его работу никто не имел права вмешиваться. Следствию оказал большую помощь один из выдающихся военачальников 1-ой Мировой войны, а теперь командующий Западным сектором антибольшевистских сил, генерал М. К. Дитерихс. Помогал Соколову и английский журналист, полковник Вилтон, живший вместе со следователем в тайге на месте розыска, где в шахту были брошены уничтоженные тела.

Следственные Протоколы (допросы виновных, свидетелей и разные другие информации, которые были собраны в дело под названием **предварительное следствие об убийстве б. Императора Николая Второго...**) писались на машинке в двух экземплярах. Несколько позднее, когда Соколов с **Делом** был принят генералом Дитерихсом в его поезд, 6 декабря 1919 года, была сделана еще одна копия для генерала.

При отходе Белой Армии с Урала решено было одну копию, или оригинал, доверить полковнику Роберту Вилтону, так как он имел дипломатический паспорт, а следователь Соколов не очень надеялся, что ему удастся благополучно добраться до Владивостока и выехать в Европу. Вилтон без препятствий прибыл в Лондон и, уже в 1920 году, вышла его книга об убийстве Царской Семьи. Однако Соколову, при помощи генерала Дитерихса, главнокомандующего французскими силами, ген. Жанена, и других лиц удалось преодолеть длинный путь через Сибирь и, после многих мытарств, достичь Парижа. Его книга вышла уже после его смерти, последовавшей в 1924 году. Копия Роберта Вилтона, его вдовой, была продана на аукционе и, наконец, попала в собрание редких рукописей библиотеки Гарвардского университета. Дочь Соколова, попав в затруднительное материальное положение, продала копию своего отца, совсем недавно, одному известному русскому музыканту. А копия ген. Дитерихса была дарована специальному архиву одной национальной русской институции.

За последние пол века на Западе появилось много книг, посвященных судьбе Царской Семьи, в которых, как по стандарту, описывались, в разных вариантах, фантастические истории спасения отдельных членов Царской Семьи, а, иногда, и самого Государя. Но самой популярной была версия спасения Царской дочери.

А чтобы легче убедить читателей в своей правоте, нужно было как-то дискредитировать следственную работу Соколова, даже очернить его, не только как бесчестного следователя, но и как человека ⁴). Не предполагая, что найдутся лица, которые попытаются свести к нолю всю его титаническую работу, которую он вел на глазах свободного мира в Сибири и закончил в Париже, Соколов выпустил некоторые показания ключевых свидетелей, так как его книга была рассчитана на рядового читателя. Этим он дал повод некоторым авторам обвинить его в недобросовестности и подделке материалов следствия. По приказанию антибольшевистского начальства он, якобы, должен был во что бы то ни стало, «вопреки фактам», доказать гибель всех членов Царской Семьи.

Ни один из этих авторов не имел и понятия, где находится материал предварительного следствия, из которого объективный следователь мог получить, ясное представление о совершенном в Екатеринбурге преступлении. Наконец место хранения копии Р. Вилтона стало известным и туда отправились два английских журналиста, которые написали нашумевшую книгу "The File on the Tsar", пестрящую неточностями и лживыми обвинениями против Соколова и Белых. Вся беда этих журналистов заключалась в том, что они не знали русского языка, на котором Предварительное Следствие было написано. Когда пишущий эти строки попал туда по их следам, то узнал, что они пригласили для перевода текста не эксперта, который мог бы разобраться в русском юридическом языке, да еще печатанном по старой орфографии, а лицо посредственно знающее русский язык. И каков был переводчик, таков и перевод.

Главным материальным свидетелем, которого следствию удалось арестовать был один из шайки убийц, Павел Медведев, второй помощник т. наз. «коменданта дома особого назначения» и члена чрезвычайной чекистской «семерки», закоренелого преступника Янкеля Юровского.

Medvedev became Star witness Соколова, писали авторы "The File on the Tsar", in his book Sokolov converted Medvedev's statement into the first person singular, the original version was written down as reported speech by the arresting officer ⁵).

На самом деле эти утверждения не соответствуют действительности. Сделаны ли они по незнанию русского языка переводчиком или злонамеренно, неизвестно. Но по одному

эпизоду, о котором мне сообщила Т. Боткина, об одном из двух авторов "The File on the Tsar" («Досье на Царя»), нужно думать, что второе предположение более вероятное:

«Сейчас я пишу другую книгу, в кот. собираюсь поместить все (или почти все) ложные и вздорные показания двух англичан, упоминаемых Вами: Саммерс и Мэнгольд. Один из них приходил ко мне два раза и пытался получить ложные показания от меня. (Подчеркнуто нами).

А теперь, на основании **Протоколов Предварительного следствия**, постараемся восстановить, в главных чертах, картину преступления и указать на важные факты, подтверждающие, что в доме Ипатьева погибла вся Царская Семья. Судье Сергееву, к которому авторы «Досье на Царя» питают большую симпатию и доверие, стало известным, что один из Царевубийц, Павел Медведев, задержан. Однако, по ходу событий, Сергеев первой допросил его жену Марию, после чего она была освобождена, несмотря на то, что у нее обнаружили часть Царского имущества, украденного в доме Ипатьева, после совершенного преступления. Приводим ниже важнейшие места из ее показания, данного судье Сергееву 9-10 декабря 1918 года:

«Оставшись наедине со мной, муж объяснил мне, что несколько дней тому назад Царь, Царица, Наследник, все княжны и слуги Царской Семьи, всего 12 человек убиты... Стрелял и мой муж: он говорил, что из Сисертских принимал участие в расстреле только один он».

Павел Медведев был допрошен И. А. Сергеевым 21-22 февраля 1919 года.

Протокол допроса начинается следующим образом:

Член Екатеринбургского Окружного Суда И. А. Сергеев допрашивал нижепоименованного в качестве обвиняемого, с соблюдением 403-405 ст. Уг. СУД., предъявив ему обвинение в преступлении, предусм. 13 и 1453 ст. Ул. о Нак. формулированное в постановлении моем от сего февраля, причем допрашиваемый показал: Я Павел Спиридонович Медведев, 31... «Таким образом в оригинальном документе говорит сам обвиняемый а не as reported speech by the arresting officer.

Далее Медведев описал Судье Сергееву убийство Царской Семьи:

«Вечером 16 июля я вступил в дежурство и комендант Юровский часу в восьмом того же вечера приказал мне отобрать

в команде и принести ему револьверы... Тогда Юровский объявил мне «сегодня придется всех расстрелять; предупреди команду, чтобы не тревожились, если услышат выстрелы».

В нижнем этаже дома Ипатьева находились латыши из латышской комунны, поселившиеся тут после вступления Юровского в должность коменданта; было их человек 10...

Часов в 10 вечера я предупредил команду, согласно распоряжению Юровского. О том, что предстоит расстрел Царской Семьи я сказал Ивану Старкову. Часов в 12 ночи Юровский разбудил Царскую Семью. Утверждаю, что в комнаты, где находилась Царская Семья, заходил именно Юровский. Приблизительно через час вся Царская Семья, доктор, служанка и двое слуг встали, умылись и оделись. Еще прежде, чем Юровский пошел будить Царскую Семью, в дом Ипатьева приехали из Чрезвычайной Комиссии два члена: один Петр Ермаков, а другой неизвестный...

Часу во втором ночи вышли из своих комнат Царь, Царица, четыре Царских дочери, служанка, доктор, повар, лакей; Наследника Царь нес на руках. Государь и Наследник были одеты в гимнастерки; на головах фуражки; Государыня и дочери были в платьях. Впереди шел Государь с наследником. Сопровождали их Юровский, его помощник и указанные мною два члена чрезвычайной комиссии, я также находился тут. При мне никто из членов Царской Семьи никаких вопросов никому не предлагал; не было также ни слез ни рыданий... Привели в угловую комнату нижнего этажа... Видимо все догадывались о предстоящей им участи, но никто не издавал ни одного звука. Одновременно в ту же комнату вошли 11 человек; Юровский, его помощник, два члена Чрезвычайной Комиссии и семь человек латышей. Юровский выслал меня, сказав «сходи на улицу, нет ли там кого и не будут ли слышны выстрелы». Я вышел в огороженный большим забором двор, и не выходя на улицу, услышал звуки выстрелов. Тот час же вернулся в дом (прошло всего две-три минуты времени) и, зайдя в комнату, где были произведены расстрелы, увидел, что все члены Царской Семьи: Царь, Царица, четыре дочери и Наследник уже лежат на полу с многочисленными ранами на телах; кровь текла потоками. Были также убиты доктор, служанка и двое слуг; при моем появлении Наследник еще был жив — стонал; к нему подошел Юровский и два, три раза выстрелил в него в упор. Картина убийства, запах и вид крови вызвали во мне тошноту. Перед убийством

Юровский роздал всем наганы, дал револьвер и мне, но я повторяю, в расстреле не участвовал. По окончании убийства Юровский послал в команду за людьми. Приведенные мною люди сначала занялись переноскою трупов убитых на поданный к парадному подъезду грузовой автомобиль. Трупы выносили на носилках сделанных из простынь... Сложенные в автомобиль трупы завернули в кусок солдатского сукна. На грузовик сели Петр Ермаков и другой член Чрезвычайной Комиссии и увезли трупы...».

На основании этого допроса, не Соколов, а член Екатеринбургского окружного суда И. А. Сергеев постановил:

1. Что по собранным следствием данным событие преступления представляется доказанным. 2. Что б. Император Николай II, б. Императрица Александра Федоровна, Наследник-Цесаревич, В. Княжны Ольга, Татьяна, Мария и Анастасия Николаевны убиты одновременно, в одном помещении, многократными выстрелами из револьверов; 3. Что тогда же и при тех же обстоятельствах убиты состоявший при Царской Семье Лейб-медик Евгений Сергеевич Боткин, комнатная служанка Анна Демидова и слуги Харитонов и Трупп. 4. Что убийство задумано заранее и исполнено по выработанному плану, что сопровождалось оно такими действиями, которые носили характер жестокости и особенных мучений для жертв преступления, причем убийцы завладели имуществом убитых. 5. Что соучастие Павла Спиридонова Медведева в совершении означенного преступления по уговору и сообща с другими лицами представляется доказанным. Член Окружного Суда Ив. Сергеев».

В другом постановлении Сергеева говорится, что в приписываемом Медведеву преступлении «он изобличается собственным признанием и показаниями Марии Медведевой и Михаила Летемина». Ставя под вопрос самое существование Медведева авторы «Досье на Царя» пишут:

New evidence, most of it unpublished, now reveals a suspect background to the whole Medvedev episode, and suggests his account was either tampered with by White officials, or perhaps completely invented⁶⁾.

По понятным причинам авторы упомянутой книги не сообщают вообще об обширном, в 31 страницу, Протоколе допроса свидетеля, Прокурора Пермского Окружного Суда П. Я. Шамарина, как и его другое заявление. В нем сообщая о задержании сыщиком Алексеевым, убийцы Павла Медведе-

ва, Шамарин говорит следующее:

«Я не решился доверять никому наблюдение за допросом Медведева и принял его на себя. Я старался представить ему полную свободу в объяснениях, не допуская ему наводящих вопросов... Медведев старался свалить часть вины на других и затушевать собственное участие. Слушая Медведева, я был убежден, что убивала, конечно, и его рука».

Показание, данное Медведевым Алексееву, в присутствии и под надзором Прокурора Шамарина и его помощника Тихомирова идентично с признанием, сделанным преступником, позднее, Сергееву.

На основании приведенных фактов, нет никаких сомнений, что Медведев являлся лицом реальным, был участником убийства всей Царской Семьи, подтвердив следственным властям, что, кроме остальных, и вел. княжна Анастасия была зверски убита в ночь на 17 июля 1918 года. Отвергнуть Медведева, как лицо мифическое, значило и отвергнуть его жену Марию, а до этого авторы «Досье на Царя» не додумались ⁷⁾.

Тот же прокурор Шамарин вел наблюдение при допросе другого участника преступления Анатолия Якимова, старшего разводящего дома Ипатьева. Несмотря на то, что обвиняемый упорно утверждал, что он не присутствовал при убийстве, следствие ему не поверило и решило обратиться к его сестре Капитолине Агафоновой-Якимовой, живущей в Екатеринбурге, и она выдала брата. Ее допросил Сергеев 6 декабря 1918 года. Агафонова показала, что жила с братом очень дружно, хотя Агафоновы у большевиков служить не желали, и Анатолий часто приходил к сестре. «Не помню теперь, какого именно числа в июле месяце, брат Анатолий в часу 11-м утра пришел ко мне и сообщил, что уедет на вокзал, а оттуда в Пермь. Вид у брата был измученный и он очень волновался. Заметив это я спросила: «Что ты волнуешься, что с тобой, может быть Николая отправили?» В ответ на это брат попросил закрыть дверь в кухню и, волнуясь, сообщил мне, что минувшей ночью Николай Романов, вся его семья, доктор, фрейлина и лакей убиты. По словам брата присутствовавшего при казни, злодеяние было выполнено таким образом... И тут идет рассказ подобный показанию Медведева.

Про вел. княжну Анастасию, Якимов сказал сестре, что сразу она не была убита: «Княжна Анастасия притворилась мертвой и ее также добились штыками и прикладами. Сцены расстрела были так ужасны, что брат, по его словам, несколько

раз выходил на улицу. После убийства тела убитых перенесли в автомобиль и увезли в лес. Весь описанный разговор с братом происходил за несколько дней до того, как большевики опубликовали сведения об убийстве Николая Романова», закончила свое показание Капитолина Агафонова.

Следствию удалось арестовать и третье лицо, замешанное в царевубийстве — охранника Михаила Летемина. В ночь убийства, по его рассказам, он был свободен от дежурства, а когда наутро пришел в дом Ипатьева, то его встретил другой тюремщик Стрекотин. Он стоял в ночь на 17 июля на пулеметном посту в большой комнате нижнего этажа, откуда была видна вся трагедия, разыгравшаяся в ту ночь. Стрекотин описал Летемину картину убийства, подтвердив, что стрелял и Медведев. Рассказывал это все Летемин свободно, без страха, т. к. считал, что в преступлении он, лично, участия не принимал, пошел в тюремщики, чтобы как-то заработать на жизнь и с большевиками не ушел.

Кроме перечисленных Медведева, Якимова, Летемина, М. Медведевой и Проскурякова перед следственными властями прошло большое количество обвиняемых и свидетелей, тем или иным способом подтверждающих убийство Царя и всей его Семьи с их верными слугами. Этими показаниями исключается всякая искра надежды, что вел. княжна избежала судьбу Семьи и появилась на Западе под именем Чайковской.

Но допустим, что фантастическая версия о том, что великую княжну, в тяжелом состоянии спасли, была реальной. Но кто и как? Боткина мне писала: «Ее спас солдат из внешней охраны». Хотя она не имела возможности просмотреть Протоколы Следствия, но ей следовало знать, что в «охране» дома Ипатьева не было солдат, по советски красноармейцев. В процессе подготовки злодеяния Чека сменила старую охрану и во внутреннюю назначила латышей-палачей, а во внешнюю рабочих уральских заводов, большевиков, или людей с уголовным прошлым. Самозванка в 1920 году, как мы уже упоминали, назвала своего избавителя Чайковским. Такого имени во всей охране дома Ипатьева не встречалось. Кто же из этих преступников и убийц мог спасти вел. княжну Анастасию? После расстрела, тела убитых грузили на автомобиль под контролем Юровского, Ермакова и другого представителя Чрезвычайки. В грузовике поехали те же убийцы: Ермаков и его товарищ. Весь город, а особенно окружение Ипатьевского дома находились под контролем отряда чеки-

стов и красноармейцев, жители заранее запуганы и, под страхом смерти, в ту ночь не смели покидать свои дома. Уж не Юровский ли, или Ермаков, два самых кровожадных убийцы, превратились в милосердных самарян? Чтобы спасение тяжело раненой Анастасии удалось должен был существовать хорошо организованный заговор. А такого не существовало. Таким образом этот вариант спасения царской дочери отпадает как вздорный и абсолютно нереальный.

Будем последовательны и допустим, что кто-то из «сердобольных» чекистов-убийц (а таких за 66 лет существования советской власти мы не знаем), спрятал где-то в городе умирающую от тяжелых ран Анастасию. Через несколько дней приходят запоздавшие спасители Белые и Чехи, начинаются розыски, все переворачивается верх дном. А спасенная, требующая самой интенсивной медицинской помощи, превращается в какой-то призрак. Таинственный избавитель прячет вел. княжну, теперь, от ее верноподданных, которые бы его озолотили, если бы он явился к ним со спасенной. А затем начинается долгое и далекое путешествие через Урал. После этого беглецы переходят на большевистскую территорию, путешествуют тысячу километров по советской территории, переходят опять линию фронта, попадают в области под контролем Вооруженных Сил Юга России, затем Румыния, Восточная Европа и, наконец, Берлин. Нужно обладать слишком буйным воображением, чтобы допустить возможность израненной особе проделать такой путь, да еще прижить ребенка. Но все сторонники самозванки этим вопросом, как мы уже сказали, просто не интересуются.

Кроме многочисленных вещественных доказательств на месте уничтожения тел было найдено в кострище 6 стальных каркасов от женских корсажей, шесть застёжек и от них крючки для шнурков. Хорошо известно, что Государыня не позволяла своим дочерям и женскому персоналу ходить без корсетов и, конечно, сама всегда его надевала. Кому же принадлежали эти остатки как не Царице, чейрем княжнам и Демидовой!

Вопрос знания русского и, даже английского языков, является важным фактором в установлении личности Чайковской Андерсон. Мы уже упоминали, что об этом писал Сидней Гиббс. Кроме него существуют многочисленные свидетели, подтверждающие его утверждение. Вел. княжна Анастасия хорошо знала русский язык, весьма грамотно писала,

что видно из ее корреспонденции из заточения. Претендентка, хотя и плохо знала немецкий, но думала на нем до конца и мужа Джона называла «Ханс».

Т. Боткина писала мне, что Анна Андерсон возненавидела русский язык из-за того, что убийцы Царской Семьи говорили по русски и, что русские люди на Западе не признали ее за Царскую дочь. Это заявление мы не считаем добросовестным и добронамеренным по отношению своих соотечественников, т. к. оно не соответствует фактам. Царская семья отлично знала, кто были их тюремщики и мучители. В своем подавляющем большинстве они не были русскими. Это прекрасно формулировала Государыня в письмах из заточения. И тем русским мучителям, которых было так мало, она прощала, говоря: «Не ведают, что творят, они не виноваты...» Когда «комендантом дома особого назначения» был русский Авдеев, а внутренняя стража состояла из русских, отношение к Царской Семье было более гуманное. Авдеев разрешил приносить из монастыря продукты, даже сам раз заказал «Государю» (так и сказал) табаку. «Не сомневаюсь: общение с царем и его семьей, что-то пробудило в пьяной душе Авдеева и его товарищей», писал следователь Соколов. Сменивший Авдеева и его команду Юровский и латыши оказались грубыми и бесчеловечными мучителями. Об этом подробно, на допросе, говорил тюремщик Проскуряков. В ком из убийц, во время расстрела, вел. княжна могла признать русского? Только в Медведеве и тот стоял сзади, а Ермакова она не могла знать.

Что же касается русских приверженцев то было их достаточно. И среди них такие преданные, как Глеб Боткин, желавший жениться на Андерсон, затем Т. Боткина, вел. князь Андрей Владимирович, княжна Ксения Георгиевна и другие.

Кажется очень странным тяготение самозванки к немцам, к принцам и принцессам немецкой крови, к экскайзеру. Царские дети от своих родителей хорошо знали кто их враги. А Государь и Государыня считали Вильгельма и Германию виновниками бедствий России и их положения. На допросе, в Омске, 27.VIII.1919 года, учительница царевен, Клавдия Битнер, показала: «Я удивляюсь ненависти Государыни к Германии и Вильгельму. Она не могла без сильного вслнения и злобы говорить об этом». В том же духе говорила Александра Федоровна и Жильяру. И эта неприязнь к немцам и Германии не могла не передаться царским детям. Государыня

имела на них большое влияние. Самозванка же наоборот всячески тянулась и льнула к немцам, к экскайзеру.

И наконец важен вопрос веры. Царская Семья была глубоко религиозна. Роберт Вилтон в своей книге «Последние дни Романовых» написал ряд теплых строк о последних страданиях Государя и его Семьи в Екатеринбурге:

«Екатеринбургский период был продолжительным мученичеством для Романовых, все время ухудшавшимся. Тюремщики, по началу русские, с дьявольской изобретательностью, мучили своих беззащитных жертв. Это были грубые, криминального типа пьяницы, подонки, каких только революция могла выбросить на поверхность. Александра была специальным объектом их издевательства. Семья была в страшном положении, особенно страдала Александра. Но их вера в Бога и их любовь друг к другу освещала им кромешную тьму страшной тюрьмы. Над развратными песнями их мучителей плыли звуки Херувимской песни, русского гимна, хвалы небес».

Анна Андерсон-Манаган была совершенно равнодушна к вере. А ведь страдания, обыкновенно, укрепляют веру.

В заключение следовало бы сказать, что все приведенные в этом очерке факты и неумолимые логические выводы не дают нам никакой надежды поверить, что в лице Чайковской-Анны Андерсон-Манаган мы в действительности видим великую княжну Анастасию Николаевну. Вот что, по этому поводу, писал мне профессор Е. Е. Алферьев, б. член Монархической Партии при Высшем Монархическом Совете в Париже, в двадцатые годы:

«Чайковская являлась креатурой наших правых кругов, вначале даже той монархической партии, которая возглавлялась Высшим Монархическим Советом. Ведь в то время было так тяжело примириться с ужасающей действительностью, что люди хватались за любую соломинку. И когда прошел слух, что спаслась царская дочь, ничего не проверив, люди бросились сломя голову ее приветствовать. Случайно оказалось, что Чайковская обладала недюжинным талантом авантюристки и чрезвычайно осторожно и ловко принялась играть ту роль, которую ей старательно навязывали. Во всяком случае план самозванки был задуман давно, не оставлен он и поныне». Санкт Петербург, Флорида, 1984.

Пав. Пагануци.

СНОСКИ.

1. Гессен Дармштадтский, Великий Герцог Эрнест Людвиг, брат Государыни, нанял частного сыщика, который установил, что Чайковская на самом деле является польской работницей Францишкой Шандковской. Этот вопрос никогда не был решен.

Некоторые авторы пытаются связать «Анастасию» с таинственным посещением герцога Россия во время войны, в попытке добиться сепаратного мира. Чайковская хвалилась, что она встречала брата Государыни в Царском Селе во время войны. Не стоит и говорить, что это сплошная выдумка, до которой даже не додумался Ленин и его приспешники, обвиняя Государя в несуществовавших попытках заключить сепаратный мир с немцами. Заключил предательский и похабный мир с Германией Ленин, дав добрую часть России, буквально, на растерзание немцам.

2. Глеб Боткин, сын лейб-медика др. Боткина, погибшего с Царской Семейю в Екатеринбурге. В США он основал «Храм Афродиты», провозгласив себя верховным жрецом.

3. Weekly Review Intelligence Digest, United Kingdom, March 30, 1983.

4. Подробно в книге того же автора «Правда об убийстве Царской Семейи», Джорданвилль, Н. Й., 1981.

5. "The File on the Tsar", pp. 118-119.

6. "The File on the Tsar", p. 124.

7. Смерть Медведева подтверждена удостоверением священника К. А. Глубоковского, в метрической книге Михаила — Архангельской церкви Екатеринбурга, как это обычно делалось до революции: «Павел Спиридонов Медведев, умер от сыпного тифа 12 марта и погребен 14-го 1919 (по старому стилю).

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХ ИМЕН.

А.

Авдеев, Александр. Первый т. наз. «комендант дома особого назначения».
Алферьев, Е. Е. Бывший декан Троицкой Семинарии, в Джорданвилле, Н. Й.
Агафонова, Калитоллина. Сестра тюремщика Якова.

Б.

Бергман, Ингрид. Киноартистка.

Беседовский. Бывший чиновник полпредства в Варшаве, затем исп. должность советского посла в Париже. С этого поста он бежал и стал невозвращенцем.

Битнер, Клавдия. Учительница Царских детей, впоследствии жена полковника Кобылинского.

Боткин, Е. С. Царский лейб-медик. Погиб вместе с Царской Семейю.

Боткин, Глеб, сын др. Боткина.

Боткина-Мельник. Дочь доктора Боткина.

Бринер, Ю. Киноартист.

Буктеден, С. К. Баронесса. Фрейлина Государыни.

В.

Вера Константиновна. Княжна. Дочь великого князя Константина Константиновича, поэта, писавшего под псевдонимом «К. Р.».

Вилтон, Роберт. Корреспондент «Лондон Таймса». За исключительную храбрость на германском фронте получил Георгиевский крест.

Вильгельм II. Кайзер Германии.

Волков, Алексей. Камердинер Государыни.

Войков, Петр (он же Вайнер, Пинхус). Один из организаторов убийства Царской Семейи. Был большевистским полпредом в Варшаве. Был казнен на варшавском вокзале русским юношей Б. С. Кювердой, который застрелил его из револьвера.

Г.

Гессен-Дармштадтский, Вел. Герцог Эрнест-Людвиг, брат Государыни.
Глобс, Чарлс-Сидней. Репетитор Царских детей.
Глубоковский, о. К. А. Священник, похоронивший убийцу Медведева.
Годошекин, Шая. Один из главных организаторов убийства Царской Семьи. Родственник Свердлова.

Д.

Демидова, Анна. Комнатная девушка Государыни. Погибла с Царской Семьей.
Дженнингс, Анна Бурр. Американская миллионерша.
Дзержинский, Феликс. Сверх палач, первый руководитель зловещей Чрезвычайки.
По национальности поляк.
Дитерихс М. К. Генерал. Начальник штаба Брусилова. Командующий Западным Фронтом антибольшевистской армии.

Е.

Ермаков, Петр. Чекист и уголовный преступник. Принимал участие в убийстве Царской Семьи и в уничтожении трупов.

Ж.

Жанен, Морис. Генерал. Командующий Союзными экспедиционными силами в Сибири.
Жильяр, Пьер. Учитель Царских детей.

З.

Зиновьев Григорий (он же Апфельбаум, Овсей-Гершон). Послан из Нью Йорка в Россию расширять революцию. Кровавый диктатор Петрограда, заливший город кровью невинных жертв. Получил заслуженную кару: ликвидирован Сталиным после длительных унижений.

К.

Клейст, Артур. Барон. Бывший полицейский чиновник в русской Польше.
Колчак, А. В. Адмирал. Верховный Правитель Сибири во время гражданской войны.
Кони, А. Ф. Бывший Председатель Петербургского Окружного Суда, под председательством которого суд оправдал террористку Веру Засулич, которая тяжело ранила Петербургского Градоначальника ген. Ф. Ф. Трепова. Перешел служить большевикам.
Ксения Александровна. Великая княгиня, сестра Государя.
Ксения Георгиевна. Княгиня, дочь вел. кн. Георгия Михайловича.
Куликовский, Тихон, Капитан, сын сестры Государя, Ольги Александровны.
Курт Петр. Быв. студент Вермонтского университета. Претендует на авторство книги «Анастасия».

Л.

Лейтенбергский, Георгий Николаевич. Герцог, родственник Государя.
Ленин-Ульянов, Владимир. Красный диктатор, основатель большевистско-советского государства.
Лукоянов. Председатель Чрезвычайки во время Екатеринбургского Злодеяния.
Летемин, Михаил. Охранник дома Ипатьева.

М.

Майер, Йоганн. Бывший военнопленный, автор фальшивки об убийстве Царской Семьи.
Манган, др. Джон. Профессор, муж Чайковской-Анны Андерсон.
Мария Федоровна, вдовствующая Императрица, мать Государя.
Медведев, Павел. Убийца Царской Семьи.
Медведева, Мария, жена Павла Медведева.

Менгольд, Том. Автор книги «Досье на Царя».

Милтиц. Знакомая принца Альтенбургского.

Н.

Наметкин. Первый следователь убийства Царской Семьи.

Николай Михайлович. Великий князь, историк, расстрелянный по приказанию Зиновьева.

О.

Ольга Александровна. сестра Государя, вышедшая замуж за полк. Куликовского.

П.

Петерт. Клара. Немка, жившая в Петрограде.

Проскуряков. Филипп. Тюремщик дома Ипатьева.

С.

Самерс, Антони. Автор Книги «Досье на Царя».

Свердлов Янкель. Председатель ВЦИК-а, красный диктатор России первые два года революции. Главный организатор убийства Царской Семьи.

Сергеев, И. А. Судья. Сменил Наметкина, как следователь в деле убийства Царской Семьи. Был смнен Соколовым, потому что как судья, по Российским законам, он не имел права вести следствия. Авторы «Досье на Царя» и в этом акте усмотрели «антисемитизм» Белых. Сергеев был православным, по происхождению евреем.

Соколов, Н. А. Следователь по особо важным делам в Царский период. Сменил Сергеева и довел следствие до конца.

Старков, Иван. Тюремщик в доме Ипатьева.

Стефан, Отто. Приятель Йоганна Майера, сидевший с ним в плену.

Стрекоткин, Андрей. Тюремщик в доме Ипатьева.

Т.

Теллева-Жильяр. А. А. Няня Царских детей.

Тихомиров. Помощник Прокурора Пермского Окружного Суда.

Троцкий, Лев. (Он же Бронштейн, Лейба). Большевикский главарь, соратник Ленина, прославившийся массовыми зверствами в Крыму, после ухода Врангеля и на Дону, где он уничтожил около 2-х миллионов казаков (Солженицын). Трупн. Алексей. Царский лакей.

Ф.

Фредерик-Эрнест, герцог Саксен-Альтенбургский. Ярый поклонник Самозванки, твердо верящий, что она «настоящая Анастасия». Вел. княжну, царскую дочь, он никогда не встречал.

Х.

Харитонов. Иван. Царский повар, погибший с Царской Семьей.

Ч.

Чайковский Александр. Человек, по рассказам претендентки ее спасший. Невозможно установить, существовало ли такое лицо в действительности.

Ш.

Шамарин. П. Я. Прокурор Окружного Суда.

Швейцер-Боткина, Марина. Внучка лейб-медика Боткина.

Ю.

Юровский, Янкель, Второй «комендант» т. наз. «дома особого назначения», главный убийца Царской Семьи. Получил заслуженную кару за свои сверх преступления. Был ликвидирован в застенке Сталиным как троцкист.

Я.

Якимов, Анатолий. Тюремщик и разводящий в доме Ипатьева.

АЛЬБОМ.

Свой старенький альбом я часто открываю
В нем карточки поблекшие и манят и зовут,
И почему, зачем, я до сих пор не знаю
В моей душе, они по прежнему живут.
Все те, далекие, ушедшие моменты,
И лица тех, кого уж нет со мной,
Проходят вновь, как кино-фильма ленты
И лишь аккорд звенит с оборванной струной.
Струна оборвана — судьба так захотела
Пора уже не думать больше ни о чем
О том, что от души частица отлетела
Остался только старенький альбом.
В нем все ушедшее — все милое родное
С поблекших карточек все смотрит на меня,
В них мое прошлое, далекое такое
В них счастье, радость, горе и тоска.
Пусть все ушло, пусть все навек умчалось,
Пусть все другое, новое кругом
Я сохраню, что в памяти осталось
Пока со мной, мой старенький альбом.

Бразилия, 22-ХІ-78 г.

К. А. Бертъе-де-ля-Гард.

П. Гаттенбергер

Военные гимназии.

Прежде чем писать о Военных Гимназиях, следует просмолтреть историю средних военно-учебных заведений до создания Военных Гимназий.

Петр Великий мощной рукой прорубил окно в Европу, создал хорошую Армию того времени и стремился к улучшению наук в Государстве, собрав около себя способных помощников.

В Царствование Императрицы Анны Иоанновны был основан Шляхетский Кадетский Корпус, который начал свое существование в бедной обстановке с большой нехваткой денег.

В Царствование Императрицы Елисаветы Петровны были сделаны шаги к открытию учебных заведений и улучшению их быта. Современник Императрицы граф Шувалов был пред-

ставителем Петровской эпохи. Стремясь всегда к распространению серьезных наук, он говорил, что в России мало людей, которые трактовали бы военную науку, между тем она, нужна Армии как разумная душа телу. «Нам недостает теории и для этого необходимо учредить училище для военных наук, которому пристойнее в Шляхетском Кадетском Корпусе быть». Граф Шувалов следил за военными училищами и совершал преобразования. Это было в 1700 годах, когда в России наблюдался расцвет военных наук.

В Царствование Императрицы Екатерины II, под Ее руководством, было много сделано для улучшения программы и жизни в кадетских корпусах. Екатерина Великая стремилась создать новую породу людей в кадетских корпусах с новыми веяниями, проникавшими из Европы.

В Царствование Императора Павла I особого продвижения в военно-учебных заведениях не замечалось, и начался упадок в жизни кадетских корпусов, а к началу Царствования Императора Александра I — 1800 годы упадок этот дошел до предела. Учебно-воспитательное дело в кадетских корпусах находилось далеко не в блестящем состоянии.

Определенной системы не существовало, не было даже и определенного курса; состав курса наук в каждом корпусе устанавливался по-своему. Кадеты редко видели не только директора корпуса, но даже ротного командира и дежурных офицеров. В основу воспитания было положено крайне суровое и даже жестокое отношение к кадетам. Телесные наказания имели самое широкое применение: в воспоминаниях того времени, напечатанных в «Военном сборнике» за 1861 год, приводится, например, такой взгляд одного батальонного командира: «Стыдно гренадеру (кадету) дать менее ста розог». Этот минимум нередко удваивался и даже утраивался и учетверялся. Самолюбие кадета в эту эпоху было притуплено до того, что когда какой-нибудь воспитатель начинал увещевать кадета, то тот, насупясь, говорил: «Нечего рассоливать. Мы не институтки, порите и все тут». В это время выработался тип закаленного кадета, ложившегося с улыбкой под розги. Изучая историю наших кадетских корпусов, поражаешься как могли, воспитанные в таком режиме, кадеты, став через 20-30 лет воспитателями и ротными командирами в том же **Шляхетском Корпусе**, сами драть своих питомцев как сидорову козу, без всякой кротости и учтивости, всыпая «благородному дворянству» до сотен розог.

В кадетских корпусах кадеты размещались в тесных помещениях. Так, например, во 2-м кадетском корпусе при недостатке мест в дортуарах, клали детей «вповалку», помещая их по трое на двух сдвинутых кроватях. Кадеты носили постоянно мундиры, которые строились (шились) вновь ежегодно: казенных шинелей не давали вовсе. Продовольствие также было не достаточно: «Нас хоть голодом не морили, но до сыта не кормили», говорится в кадетских воспоминаниях. Понятно, что при отсутствии правильного обучения и доброго влияния старших, при господстве розог, нравы кадет были крайне грубы. Они жили под влиянием случайно слагавшихся традиций, часто не имеющих в основе никаких нравственных или разумных начал.

Со вступлением на престол императора Александра II, в русском обществе быстро распространилась и получила популярность талантливо выраженная в статье Н. И. Пирогова «Вопросы жизни» (Морской Сборник, 1856 г.) мысль об отделении специального образования от общего». Прежде чем сделаться специалистом, надо развить в себе человеческие свойства и понять обязанности гражданина. Специальное образование, сосредотачивая внимание молодежи на вопросах специальности, не дает времени для внутренней работы над самим собою. Дайте время человеку выработаться и развиться внутренне, дайте ему время и средства подчинить себе внешнее, и у вас будут люди и граждане».

Необходимость отделения общего образования от специального признавалась правительством. В начале 1860 г. главным начальником военно-учебных заведений был назначен В. К. Михаил Николаевич. Ознакомившись с состоянием воспитательной и учебной части в кадетских корпусах, он счел необходимым внести существенные изменения в устройство этих учебных заведений. К работе по преобразованию кадетских корпусов были призваны известные деятели не только из состава военного министерства, но и из других ведомств, и всем привлеченным к работе предоставлялась полная свобода высказывать свои взгляды с надлежащей искренностью и откровенностью. Подготовленные работы начались в 1861 году, когда от всех заведений военно-учебного ведомства были затребованы отзывы о необходимых изменениях в составе учебного курса пяти общих и двух специальных классов. Представленные мнения были рассмотрены в комиссии, под председательством Великого Князя, состоявшей из главных

наблюдателей за преподаванием, и инспекторов классов и преподавателей, а также и некоторых специалистов из других ведомств.

В основу работ были приняты положения строго педагогические. В них говорилось: «Общее образование должно быть твердой основой для занятий науками специальными; необходимо иметь в виду развитие умственное и развитие душевных сил учащихся, другими словами, не упускать из вида дисциплинирующего значения обучения; необходимо проводить с возможной строгостью различие в характере обучения воспитанников разных возрастов». Работы комиссии имели весьма серьезное значение и для всего последующего коренного преобразования военноучебных заведений.

В октябре 1862 года, по представлению Великого Князя, учрежден особый комитет, под председательством Его Высочества, из представителей военного министерства, военноучебного ведомства и министерства народного просвещения, для всестороннего обсуждения необходимых изменений. В состав комитета вошли: генерал-адъютанты А. А. Баранцев, Гр. Ф. Л. Гейден и Н. А. Крыжановский, ген. лейтенанты В. П. Желтухин и А. С. Воронов, ген. майоры К. П. Кауфман, Н. В. Корсаков, П. П. Кинович, М. П. Кауфман и П. С. Вановский, полковники Г. Г. Данилов, И. А. Брилев и С. А. Слуцкий и надворные советники Э. Ф. Эвальд и И. Ф. Андреевский. Мнения, которые подлежали рассмотрению комитета (ген.-адъютанта Гр. Строганова, ген.-адъютанта Крыжановского, штаба военно-учебных заведений, Ген.-лейтенанта Сутгофа, ген.-майора Ванновского, флигель-адъютанта Черткова и др.), выясняли не только существовавшие недостатки воспитания кадет и общей организации кадетских корпусов, но и те далеко неудовлетворительные результаты деятельности этих заведений, которые особенно резко стали замечаться во второй половине 50-х годов. «Странно было бы», говорится в одном из представленных мнений, «видеть артиллериста или инженера, не знающих, что такое артиллерия или инженерное искусство; но воспитатель, не знающий, что такое педагогика, не прочитавший ни одного педагогического сочинения, — явление обыкновенное. Воспитателями в кадетские корпуса назначаются фронтовые офицеры». В другом мнении та же мысль выражается еще резче: «Замечательно, что в лакеи, в повара, в кучера не берут людей не подготовленных к этим должностям, а в воспитатели назначают людей без всякого

выбора, забывая, что им поручают до 8-ми тысяч детей, из которых они готовят будущих деятелей России лет на пятьдесят». Относительно офицеров, выпускавшихся из кадетских корпусов, встречаются заявления, что «молодые офицеры нередко обнаруживали на деле далеко недостаточное знакомство с условиями военного быта и с основными требованиями воинской дисциплины»; «многие из них», говорится в одном из мнений, «относясь к своим прямым обязанностям без необходимой серьезности и энергии, не могли быть надежными руководителями порученных им нижних чинов, что и побуждало тогда большую часть войсковых начальников искать для своих частей офицеров из юнкеров, хотя и менее образованных, чем кадеты, но зато более полезных для службы своим непосредственным знакомством с главными требованиями военно-служебной практики». При обсуждении изложенных соображений, наиболее существенными недостатками организации кадетских корпусов были признаны: соединение в них **общего образования** со специальным, при большой разнице в возрасте обучающихся; преждевременное обучение детей военным упражнениям, с применением к ним воинской дисциплины; **невыгоды служебного положения** кадетских наставников и крайние трудности в нахождении надежных людей, которые соединяли бы в себе способности и подготовку педагога с необходимыми качествами строевого офицера, а также излишняя обширность учебных программ и резкое отделение учебной части от воспитательной. Меры для устранения этих недостатков были проектированы в специальных комиссиях и затем, после обсуждения их в организационном комитете и после заключения Августейшего председателя, основные начала преобразования кадетских корпусов были Высочайше утверждены в декабре 1862 года.

Вскоре после этого В. К. Михаил Николаевич был назначен наместником на Кавказ, а в конце января 1863 года ведомство военно-учебных заведений введено в состав **военного министерства**. Прежний штаб военно-учебных заведений был переименован в главное управление военно-учебных заведений; начальником же этих последних был назначен попечитель Московского учебного округа, ген.-майор Н. В. Исаков, который под руководством военного министра Д. А. Милютина, принялся за коренную реформу этих заведений.

Основные начала, сводились к общеобразовательной подготовке молодежи, получавшей, достаточное для будущих

офицеров, общее образование для поступления в специальные военные училища; к 2) отделению общеобразовательных классов от специальных, устроенных впервые на началах, соответствующих возрасту учащихся и характеру учебного курса, к 3) устройству общеобразовательных военно-учебных заведений под названием Военных гимназий, согласно с современными требованиями педагогики, воспитания и обучения, и к допущению на должности воспитателей как военных так и гражданских чинов, имеющих надлежащее образование, улучшая, по возможности, служебное их положение. Для выработки способа осуществления указанных предположений была учреждена в начале 1863 года, под председательством Н. В. Исакова, организационная комиссия, по заключению которой, стал проводиться 6-летний курс общеобразовательного реального училища при наименьшем комплекте Военных гимназий в 2700 человек, т. е. полагая в каждой гимназии по 300 ч., — 9 гимназий. Впоследствии число их, и штатный комплект, пришлось значительно увеличить. Решено было начать преобразование со 2-го кадетского корпуса в Санкт-Петербурге, под руководством директора его, полковника Г. Г. Даниловича. В августе 1863 г. упразднили строевой состав корпуса; вместо прежних рот, воспитанников разделили на группы по возрастам, с устройством отдельных помещений для каждой группы, подразделявшейся в свою очередь на воспитательные отделения в 25-30 чел. Каждое отделение представляло собою и классное отделение в учебном отношении, благодаря чему уничтожилось то резкое размежевание воспитательской и учебной части, существование которого в кадетских корпусах было признано одним из существенных недостатков. Все вопросы, выдвигавшиеся жизнью заведения, обсуждались в местном педагогическом комитете, составленном, под председательством директора, из всех чинов учебно-воспитательского состава. В число преподавателей были приглашены известные в то время педагоги: К. К. Сент-Илер, В. А. Евтушевский, Д. Д. Семенов, И. Ф. Рашевский и др. Заседание комитета происходили не реже чем еженедельно, и иногда обращались в крайне интересные педагогические беседы директора со своими сотрудниками. В мае 1864 года было объявлено Высочайшее повеление о преобразовании, по примеру 2-го корпуса, еще 4-х корпусов: 1-го в Санкт-Петербурге, 1-го и 2-го Московского и Орловского. В 1865 г. в апреле

было приступлено к преобразованию в Военные гимназии Полтавского, Киевского, Воронежского и Полоцкого корпусов. В 1866 году состоялся перевод Новгородского гр. Аракчеева корпуса в Нижний-Новгород, с преобразованием его в Военную гимназию. Наконец, в этом же году преобразованы в Военные гимназии общие классы Оренбургского, Неплюевского и Сибирского корпусов. Одновременно подверглись изменению и общие классы Пажеского Е.И.В. корпуса, Финляндского и Николаевского кавалерийского училища. Упразднены были для отделения малолетних 1-го Кадетского Корпуса и Тамбовского корпуса. С течением времени, когда с изменением курса гражданских гимназий и расширением многих высших специальных заведений оказалось, что военно-учебные заведения для своего комплектования не могли рассчитывать на кандидатов, окончивших курс гражданской гимназии, главное управление военно-учебных заведений, желая избежать отягощения государственного казначейства расходами на устройство новых Военных гимназий-интернатов, остановилось на мысли устроить Военные гимназии исключительно для приходящих учеников. Такие гимназии были открыты в 1873 году в С.-Петербурге и Симбирске, а в 1874 г. — в Москве, с допущением в них к приему, по примеру гражданских гимназий, малолетних всех сословий, с платою за обучение по 40 р. в год.

В 1875 и 1876 годах были открыты: новая Военная гимназия в Тифлисе, Московская, Псковская и Ярославская прогимназии преобразованы в Военные гимназии. Рядом с устройством Военных гимназий для приходящих в тех же целях были приняты еще следующие меры: 1) в Военных гимназиях-интернатах допущено иметь 416 своекоштных пансионеров, с платою за каждого по 250 руб. в год; 2) во всех Военных гимназиях, за исключением Симбирской и Оренбургской, разрешено иметь по три приходящих ученика на каждое классное отделение, при четырех же гимназиях — еще по одному классному отделению с 30-ю приходящими учениками и 3) для пополнения Военных гимназий более подготовленными учениками, разрешено принимать в них с 1874 года малолетних по конкурсному экзамену. Такое увеличение числа Военных гимназий указывает, что вновь созданный тип общеобразовательных военно-учебных заведений признавался вполне целесообразным. Общий строй Военных гимназий в главных чертах своих окончательно сложился к началу

1873 года. В основу воспитательного устройства положены были еще и нижеследующие руководящие начала: в порядке службы отделенные воспитатели подчинялись непосредственно директору; каждый воспитатель, как ближайший руководитель воспитанников, должен был хорошо ознакомиться с их индивидуальными особенностями, нуждами, понятиями и убеждениями. Во время приготовления уроков воспитатель организовывал занятия воспитанников и оказывал им сильную помощь. Никакие воспитательные меры, касающиеся его воспитанников, по возможности, помимо отделенного воспитателя не принимались.

Воспитатель наблюдал за опрятностью и исправностью одежды, помещения и продовольствия, за всеми физическими упражнениями, как в заведении, так, по возможности, и вне его.

Впервые появились воспитатели в Военных Гимназиях из офицеров и гражданских лиц, окончивших университет или Московскую учительскую Семинарию. До 1873-74 года учебный курс был 6-тилетним, причем обучению в 3-х младших классах был придан характер преимущественно подготовительный. С 1873 года, с целью более правильного распределения учебных предметов между гимназиями, всем Военным гимназиям был присвоен общеобразовательный реальный курс, продолжавшийся 7 лет, по одному году в каждом классе. Классы подразделялись на параллельные отделения с таким расчетом, чтобы ни в одном из них не было более 35-ти человек. Классные учебные занятия, а равно и физические упражнения назначались обыкновенно от 8-ми ч. утра до 3-х часов дня; на внеклассные приготовления уроков назначался час утром и 2 часа вечером. Годичный учебный курс начинался 16-го августа и продолжался до 5-го июня, считая в том числе и годичные испытания. Ученики подвергались экзаменам только по окончании ими полного курса; во всех же остальных классах экзамены производились лишь по тем учебным предметам, изучение которых в них заканчивалось; по всем же прочим назначались репетиции, имевшие целью повторение под руководством учителя, пройденного в течение года. Таким образом, число еженедельных уроков (210) по всем предметам общеобразовательного курса Военных гимназий при 7-ми летнем курсе стало более чем вдвое превышать число уроков (100) во всех пяти классах общего курса бывших кадетских корпусов. Во все продолжение курса

воспитанники занимались подготовительными строевыми упражнениями, гимнастикой, плаванием, танцами, пением, музыкой, разными доступными для них ремеслами и другими предметами, полезными в педагогическом отношении. Переходя к оценке Военно-гимназической деятельности, следует воспользоваться имеющимися для этой цели статистическими данными, отношением к Военным гимназиям со стороны общественных учреждений и самого общества и, наконец, отзывами, которые давались об офицерах, выпускавшихся из военных училищ, комплектовавшихся почти исключительно воспитанниками Военных гимназий.

При этом не следует упускать из виду, что Военные гимназии существовали короткий срок, за который они не могли еще выработать той стройной системы воспитания, которая была бы чужда естественным в каждом деле увлечениям и обеспечивала бы комплектование учебно-воспитательного состава людьми, получившими для предстоящей им деятельности необходимую подготовку. По имеющимся статистическим данным, среднее число воспитанников Военных гимназий за десятилетие с 1869 г. по 1879 г. состояло ежегодно из 5.360 человек. Из этого числа по окончании курса выбывало: переводом на военные училищные курсы — 420 человек, переводом в артиллерийские и инженерные училища — 52, выпуском на гражданскую службу — 30; итого — 502. До окончания курсов выбывало: увольнением из заведений по домашним обстоятельствам и по болезни — 200, увольнением из заведений по неуспеху в науках и переводом в военные прогимназии по той же причине — 262, исключением из заведений за проступки и переводом в Вольскую военную прогимназию — 33. Итого 495. Таким образом, число успешно оканчивающих военно-гимназический курс составляло более 50% общего числа воспитанников Военных гимназий. Из воспитанников последней категории, за исключением увольняемых по болезни и, редких случаях, за проступки, почти половина переводилась на менее трудный учебный курс — в военные прогимназии, за дурное же поведение в Вольскую прогимназию, имевшую характер нравственно-исправительного учебного заведения, где: «Драли зады многи лета, предку Вольского кадета». На попечение родителей воспитанники увольнялись только в тех случаях, когда родители высказывали это пожелание. Чтобы оценить значение числа окончивших курс в Военных гимназиях, достаточно вспомнить, что число

учеников, покидавших средне-учебные заведения министерства народного просвещения до полного окончания ими курса, составляло более 70% поступавших. Благодаря сочувствию, каким Военные гимназии пользовались со стороны родителей, число своекоштных пансионеров постепенно увеличивалось, плата за приходящих учеников поднималась (в 3-й Санкт-Петербургской гимназии плата была повышена на 100 рублей в год), и, несмотря на это, приемные экзамены не теряли своего конкурсного характера. В половине же 70-х годов в главное управление военно-учебных заведений начали поступать от земских управ ходатайства об устройстве местных Военных гимназий, с предложениями даже некоторых денежных субсидий на содержание и на постройку необходимых для них зданий. Так, в отчете за 1875 год указывалось, что ходатайства об открытии Военных гимназий **были получены** из Казани, Калуги, Смоленска, Ярославля, Феодосии и Керчи. Остается еще привести отзывы, какие давались войсковым начальством об офицерах, выпускавшихся из военных училищ. Несмотря на то, что в Военных гимназиях строевое обучение практиковалось в очень скромных размерах, военные гимназисты, поступая по окончании курса в военные училища, в большинстве случаев легко осваивались с новыми для них порядками. Комплектуясь молодыми людьми, обладающими известной воспитанностью, военные училища быстро придавали им выправку и внушали любовь к военному делу. Уже в конце 60-х годов из имевшихся в военном министерстве сведений видно было, что выпускаемые на службу офицеры, по отзывам командиров отдельных частей, «смотрят серьезно на свои обязанности, уважают свой долг, сами продолжают начатое в училищах образование и вообще обладают достаточной подготовкой, чтобы быть надежными помощниками своих начальников и разумными руководителями солдат». «Служа постоянно в армии», пишет один из видных представителей ее, «мы имеем возможность заявить, что большинство офицеров, поступивших в последнее время из военных училищ, заняли почтенное место в ее рядах; состоящие в строю согласятся с вами, что большая часть бывших воспитанников военных гимназий по образованию стоят выше прочих своих товарищей и что, действительно, теперь (1868 г.) они являются в войска с несравненно большим запасом практических сведений, чем прежде». Император Александр II на одном из всеподданнейших докла-

дов по управлению военно-учебных заведений в 1878 году собственноручно положил резолюцию: «Дай Бог, чтобы и впредь военно-учебные заведения наши приносили ту пользу, которую они приносят и, о которой свидетельствуют почти все начальники строевой части». Во время войны с Турцией (1877-78), по отзывам начальников, выпущенные из военных училищ офицеры, «отлично служа в рядах армии, свято и с пониманием дела исполняют свои обязанности». Только что приведенные отзывы несомненно свидетельствуют, с одной стороны, об успешности работ Военных училищ, а с другой — о той подготовленности к восприятию специального военного образования, какую приносили с собой в эти училища воспитанники Военных гимназий. Таким образом Военные гимназии достаточно удовлетворяли своему назначению. В заключение нельзя не упомянуть, что в военных гимназиях главное управление военно-учебных заведений создало центр русского педагогического движения. При 2-й Санкт-Петербургской гимназии с 1865 г. были открыты педагогические курсы для подготовки кандидатов на учительские и воспитательские должности. В большей части Военных гимназий, директорами которых состояли люди энергичные и широко образованные, шла неустанная педагогическая работа, побуждением к которой служила чистая любовь к делу, сознание важности его и глубокая вера в его силу. И главный начальник военно-учебных заведений Н. В. Исаков, оставляя в 1881 году ведомство, имел полное право сказать в своем прощальном приказе, что Военные гимназии, как и вообще военно-учебные заведения, жили своей будничной, рабочей жизнью, не скрывая своих недостатков; они работали над лучшей постановкой дела воспитания, внимательно прислушиваясь, как к хвалебным, так и к неблагоприятным о них отзывам. Само собою разумеется, что Военные гимназии были не чужды некоторым недостаткам, которые более ярко обрисовались к началу 80-х годов. На видное место среди них следует поставить понижение общего образовательного уровня воспитательского состава. Привлечение в воспитатели более образованных офицеров в конце 70-х годов сделалось значительно труднее, что объясняется частично войной 1877-78 годов, отвлекших офицеров на театр военных действий, частично причинами либерального характера, не соответствующими требованиями военной службы.

Во всеподданнейшем докладе Военного министра Генерала

Вановского от 30 мая 1882 года указывалось, что Военные Гимназии, «Удовлетворяя требованиям среднего реального образования и педагогическим целям воспитания, не вполне отвечают задачам профессионального военного заведения».

14 февраля 1886 года высочайше было утверждено «Положение о Кадетских Корпусах», при составлении которого были приняты следующие основы:

1. На должность воспитателей в Кадетские Корпуса назначать исключительно офицеров, удовлетворяющих необходимым для этого требованиям, как нравственным качествам и образованию, так и по служебной опытности;

2. Сохранив в корпусах деление воспитанников на возрасты, присвоить им наименование рот и назначить в каждую роту ротного командира;

3. Подготовительное строевое образование кадет возложить на отделенных офицеров-воспитателей, под руководством ротного командира;

4. В летний период кадет 2-х старших классов, в составе строевой роты, отправлять в лагерь, где и занимать их преимущественно подготовительными упражнениями;

5. В видах правильного военного воспитания вообще усилить физические упражнения кадет и принимать все меры к постепенному утверждению в них основных начал воинской дисциплины и нравственных качеств, необходимых будущему офицеру;

6. Для замещения унтер-офицерских мест в ротном строю и для исполнения обязанностей старших кадет, назначать лучших воспитанников 7-го класса в должности Вице-фельдфебеля и унтер-офицеров строевой роты.

7. Сохранить в кадетских корпусах общеобразовательный курс в прежнем его (Военных Гимназий) объеме.

«Милютинские» военные гимназии, по единодушному убеждению общества, превосходившие во многом гражданские реальные гимназии, оказали, конечно, громадную услугу делу общего образования в России, а потому не удивительно, что вся лучшая часть нашей тогдашней периодической прессы за редким исключением встала на защиту этих учебных заведений и горячо поддержала реформу, приветствуя нарождающиеся кадетские корпуса, и только один голос внес «диссонанс» в этот стройный хор, а именно «Московская Ведомость» (№ 235, 1882 г.)

П. Гаттенбергер.

ОБО ВСЕМ ПОНЕМНОГУ

Последнее прощание

Главнокомандующий ген. Врангель рано утром 3-го ноября 1920 г. принял последний парад на родной земле. В Севастополе на площади перед гостиницей построились: конвой генерала, Атаманское Новочеркасское училище и оставшиеся вне наряда юнкера Сергиевского училища. Ген. Врангель вышел из дверей гостиницы одетый в серую офицерскую шинель с отличиями Корниловского полка. За ним его штаб и штаб крепости с генералом Стоговым.

Обходя фронт генерал Врангель остановился перед атаманцами и обратился к ним со, ставшими теперь, историческими словами:

«Орлы! Оставив последними Новочеркасск, последними оставляете и русскую землю. Произошла катастрофа, в которой всегда ищут виновного. Но не я, и тем более, не вы виновники этой катастрофы; виноваты в ней только они, наши союзники» и генерал прямо указал рукой на группу военных представителей Англии, США, Франции и Италии, стоявших неподалеку от него.

«Если бы они вовремя оказали требуемую от них помощь, мы уже освободили бы русскую землю от красной нечисти. Если они не сделали этого теперь, что стоило бы им не очень больших усилий, то в будущем, может быть, все усилия мира не спасут ее от красного ига. Мы же сделали все что было в наших силах в кровавой борьбе за судьбу нашей родины... Теперь с Богом. Прощай русская земля».

Руссофобия продолжается

8-го января в газете "Daily News" была напечатана статья под заголовком «Существовал ли когда-нибудь хороший русский», насыщенная выписками из книг и статей, издававшихся в разное время в западной Европе, вполне в духе пресловутого маркиза де-Кюстина.

На эту статью ответила письмом в редакцию той же газеты г-жа Мария Федорова. Приводим в нашем переводе содержание ее письма:

«Ваша статья от 8-го января является постыдным злоупотреблением свободой печати. Русским не нужно извиняться за их богатую и своеобразную культуру. Имена русских известных всему миру в области искусства и науки знакомы

даже школьникам. Русские также внесли свою лепту и в создание американского образа жизни. Ваша статья лживо указывает, что коммунизм есть продолжение русских исторических стремлений. Такая клевета на весь народ и его культуру непростительны».

Нам нечего добавить к этому прекрасному ответу, разве только задать один недоуменный вопрос: почему западный мир, горячо протестуя против антисемитизма, не находит даже обычных слов осуждения антирусизма. Борьба с коммунизмом должна исключить борьбу с русским народом. Протянутая к нему через головы узурпаторов дружеская рука поможет избавить мир от надвигающейся катастрофы.

В помощь нуждающимся

Объединение Кадет Российских Кадетских Корпусов в Нью Йорке пожертвовало 2.000.— долларов в Фонд Спасения военнопленных, находящихся в Афганистане и 1000 долларов в Фонд стипендий малоимущим ученикам Свято-Сергиевской гимназии в Нью Йорке.

КОЕ О ЧЕМ.

И в этот раз в нашей «Перекличке» в № 35 не обманул меня Володя Бодиско. Как-то уже вошло в привычку, что получая новый номер журнала первым делом я просматриваю имена пополняющие наш кадетский СИНОДИК. К сожалению с грустью всегда нахожу новые имена. Правда о некоторых напечатанных в журнале было уже известно из писем друзей. Но о некоторых впервые узнаю из каждого нового номера. Так и в этот раз: Александр Карасенко «Карась» — коренной кадет Одесского Корпуса, обладатель прекрасного тенора, неразлучный друг, тоже отошедшего в другой мир Викентия Гумы — однокашника Одессита и также обладателя тенора приятного тембра. Помню, что ни один концерт в нашем Корпусе в Сараеве не обходился без них. Затем оба были офицерами Королевской Югославской армии...

И другой Вице-фельдфебель 4-го выпуска Димитрий Генбачев, инженер, который по окончанию Университета поступил в Королевскую армию. С обоими свела меня судьба в плену в Германии в городке Кольдитц, куда были доставлены офицеры русского происхождения из всех воевавших с Германией армий... На немецкую пропаганду они не отозвались и

вернулись в свои офицерские лагеря для военнопленных. В надежде, что в политическом отношении в Югославии не будет перемен, по окончании войны вернулись туда. Верю, что до конца своих дней они остались кадетами. Да упокоит Господь воинов Александра и Димитрия!

После ознакомления с Синодиком, как всегда с радостью нахожу в оглавлении авторское имя Владимира Бодиско.

И в этот раз с интересом принялся за его Насредина Ходжу. Удивило только дублирование буквы «Д» в имени этого легендарного ходжи. Если он его «приписал» к Боснии и Травнику, то должен был знать, что в югосл.-сербской грамматике двойные буквы исключены.

Но не в буквах дело, а в прекрасном и занимательном изложении статьи.

К тому же и ее содержание более близко Переключке, чем содержания других авторов в прошлых номерах нашего журнала.

Обладатель ясного и прекрасного стиля Володе всегда удастся изложить четко свои мысли. Не всегда и не во всем я бываю согласен с его мнением, но дорожу им, принимая его во внимание для своих собственных размышлений. Не мудрует лукаво Володя. Подкупает его искренность, бесхитрость, правдивость и смелость его высказываний. Нет спора, что В. Бодиско является одним из ценнейших авторов журнала, а потому беспокойство, что его произведение может оказаться в редакторской корзинке, носит в себе частицу юмора и написано им для красного словца. В «Насредине Ходже» удивило меня то, что Володя не оспаривает и как будто соглашается с мнением Л. Кафановой, что «характеристика десятилетий, предшествовавших Первой мировой войне», как бы явилась «противовесом истории созданной усилиями советских партийных историков». По моему мнению не может быть речи о каком-либо противовесе уже и потому, что зарубежная характеристика истории начала XX века возникла на основании имеющихся данных и фактов не дожидаясь советских фальсификатов и писали ее не новопеченные историки, а уже известные в русских научных кругах, как А. А. Кизеветтер, Вернадский, Пушкарев и т. д. Не соглашусь и с его выражением «в столь раздутым виде» уже потому, что не давая объяснения своим словам он как бы радуется, что защитники этого «столь раздутого вида» все же существуют и в самом СССР.

Я не буду и не хочу разбирать строчку за строчкой написанного Володей, а вынесенный мною пример есть как бы доказательство моим словам, что не во всем я с ним согласен. Мне очень по сердцу его дальнейшие рассуждения почему он «за» неделимую и почему не все так кристально чисто в этих «за». Это нашумевший и большой вопрос не только будущей России, но и многих других культурных государств, как, скажем, Канады, Сев. Ирландии, не упоминая Басков, Сикхов в Индии и т. д.

Но думается мне, что нам лично из-за этих вопросов копыа ломать не следует. Все это обойдется уже без нас и как он правильно упоминает и без наших наследников, почти что 100% ассимилировавшихся в странах их пребывания. Согласен вполне с ним, что от «Третьей» волны эмиграции ожидать восстановления «неделимой» и говорить нечего...

Много упущено времени нашей Первой эмиграцией в поддержке и осуществлении нашей мечты о «неделимой». Да и не только мы упустили время, но и теперь наша зарубежная печать, от которой казалось бы следовало ожидать более широких взглядов на русский национальный вопрос и этим помочь осуществлению того к чему мы стремимся, своими статьями льет воду на мельницы сепаратистов, давая им в руки больше материала для доказательств, что они с Россией не имеют ничего общего. Не раз на страницах нашей зарубежной прессы были печатаны «истины», что русским может себя считать только православный. Нужно ли тут упоминать, что генералы Миллер, Келлер Паскевич-Эриванский и целый ряд других выдающихся военных и администраторов не только считали себя, а были поистине русскими патриотами, хотя совсем не православного вероисповедания, как и тысячи Донских казаков — калмыков (буддистов), вставших, в подавляющем большинстве, добровольно в ряды Добровольческой Армии и проливших свою кровь за «неделимую». А русские патриоты, как Лорис Меликов, ген. Алли Ага Щехлинский и ген. Мехмендаров, первый как армянин, а вторые как мусульмане — кавказские инородцы... И это только несколько имен, которые могут быть знакомы большинству из нас.

Вспоминается предание, но безусловно покоющееся на истине: Как-то на одном из официальных приемов у Императора Николая Первого посол Франции заинтересовался у Государя кого в его Империи можно считать русскими? Указывая на присутствующих на этом приеме Татар, Украинцев,

Великорусов, Армян и др. Николай первый ответил:

«Все они русские».

Нужно ли еще упомянуть А. С. Пушкина, который в своем «Памятнике» перечисляет национальности, воспринявшие русскую культуру:

«Слух обо мне пройдет по всей Руси великой
и назовет меня всяк сущий в ней язык:
и гордый внук славян, и фин, и ныне дикий
тунгуз и друг степей калмык»...

Татарский конный полк беззаветно и преданно охранявший дворец и Царскую семью в Ливадии?

Большое зло делают русские, так называемые, патриоты, сами ведущие политику разъединения, а не объединения.

На этом я бы и закончил, указав на то, что В. Бодиско своей прекрасной статьей «Насрэдин Ходжа» навел меня на мысль выразить собственное мнение на страницах нашего журнала.

Алексей Мальчевский.

НАМ ПИШУТ.

Fl. 2A/186 The Terrace
Wellington I. N. Z.

Дорогие друзья Однокашники,

Живя на «краю света», в Новой Зеландии, часто себя чувствую оторванным от жизни, в особенности от русской жизни, связанной с молодостью. Только восстановлением письменной связи с несколькими моими друзьями-однокашниками по Крымскому кадетскому корпусу смог я снова вернуться в родную среду. По рекомендации одного из друзей, начал получать журнал «Кадетская Переключка», и исторический документ «Кадетские Корпуса за рубежом».

Невозможно не остановиться перед этими духовными творениями моих, в большинстве случаев, младших по выпуску зарубежных однокашников. Как приятно читать и узнавать, что получилось, как результат развития юных кадет, прошедших разные высшие школы и школу жизни. Какие знания, какие стойкие убеждения. какой чистый, богатый и девственный русский язык!

Немного о себе. Родился в гор. Батуме. Первая мировая война заставила удалиться от турецкой границы. Эвакуиро-

вались в Москву. Отец-офицер погиб в октябре 1914 года. В 1915/16 учебном году поступаю в 1 Московский Императрицы Екатерины II кадетский корпус, где пережил обе революции, будучи в 3-ем классе. Во время гражданской войны жили на Кубани. Поступаю во Владикавказский кад. корпус, в 3-й класс, и таким образом отстаю на год от своего выпуска. Марш по Военно-Грузинской дороге. Затем через Кутаис и Батум в Крым, а оттуда в Югославию. Крымский корпус оканчиваю с 5-м выпуском и поступаю в Югославскую Военную Академию, которую кончаю в 1928 году. Через два года (1930) окончив пилотскую школу перевожусь из пехоты в авиацию. Война. Плен. Во время отступления пленных с востока на запад, вследствие слабости и хронической болезни желудка, отстаю от марша и через несколько дней, после «освобождения», репатриация в Югославию. Война еще продолжалась и меня направили в авиацию, которую покинул в 1948 году не участвуя в боях. Югославию с семьей покидаю в 1950 году и уже в 1951 году посчастливилось поселиться в Новой Зеландии, которая в то время считалась «обетованной землей» для всех перемещенных лиц. В 1980 году овдовел и живу вместе с дочерью и сыном в том же городе.

12 февраля 1985.

кадет трех корпусов.

Никифор Андреев,

9 июля 1984. Пало Алто.

Дорогой Николай,
просматривая «Календарь русской славы» нашел на странице 111-ой в 35-ом номере Переключки неточность, которую следует исправить.

Упомянув о Лейпцигской битве, победе союзников и спасении трех императоров наблюдавших непосредственно с одного из холмов около Лейпцига за ходом сражения написано, что «лихой атакой казаков-конвойцев» победа осталась за союзниками и этим была отклонена опасность пленения императоров.

В прекрасно изданной в России «Истории Лейб-Гвардии Казачьего полка» описан подвиг Лейб-Казачков под начальством полковника Ефремова. Там же этот бой описан в стихах.

Начинаются эти стихи словами:

«День Ерофея был конкурром,
Лейб-Казачи забрали приз...»

Я не могу полностью процитировать эти стихи. Только часть я думаю хорошо запомнилась, которую и привожу ниже:

«Сотни лейб-казачков
из-за ближних холмов
смело, вдруг на врага устремились.
Беззаветно лихой веял смертью их строй
в той атаке с воинственным гиком.
И французов ряды, чуя близость беды
пошатнулись в смятении диком.»...

И один из последних куплетов:

«И царь нас щедро награждает:
Он крест герою снял с себя.
«Даю Ефремову — герою!»
И сам надел благодаря...
.....
И на штандарте закрепляет
Он имя ЛЕЙПЦИГ навсегда».

Поэтому приписывать героизм Казакам-Конвойцам ошибочно.

Алексей Мальчевский.

Многоуважаемый Господин Редактор!

В «Кадетской Переключке» № 31 была напечатана моя статья «Из истории русской авиации до большевиков».

Как отклик на эту статью в «Кадетской Переключке» № 36 появилось письмо в редакцию штабс-капитана Стефановского. К сожалению, автор этого письма недостаточно внимательно читал мою статью. В ней я вообще не поднимал вопроса кто первый в мире совершил полет на самолете и не приписывал этого братьям Райт. Я только написал, что «братья Райт были первыми, которые на планер их конструкции поставили двигатель внутреннего сгорания... и 17-го декабря (1903 г.) совершили первый полет». Этот факт всем известен и оспаривать его не приходится.

Виноват я лишь в том, что в моей статье я недостаточно внимания уделил А. Ф. Можайскому, сделавшему большой вклад в развитие не только русской, но и мировой авиации.

Чтобы восполнить это упущение, прилагаю небольшую статью, в которой даю некоторые сведения из жизни этого замечательного человека.

В том же письме штабс-капитан Стефановский пишет, что я «ошибочно сообщаю, что полк. С. К. Шебалин окончил Авиационную школу. Он никакой школы не кончал, а научился летать самоучкой и был очень хороший летчик».

У родственников полк. С. К. Шебалина, от которых я и получил о нем сведения, послужного списка С. К. Шебалина не сохранилось, но сохранилось прошение, им лично написанное, в одно из Государственных Учреждений США. В нем он пишет, что «окончил 2-ой Московский кад. корпус, Константиновское Артиллерийское училище и потом Авиационную школу в Одессе в 15-ом году. В 1916 году был послан во Францию, где окончил специальную школу воздушной акробатики».

С уважением

Борис Павлов.

КОНТР - АДМИРАЛ

АЛЕКСАНДР ФЕОДОРОВИЧ МОЖАЙСКИЙ.

А Ф. Можайский родился 9-го марта 1825 года в семье морского офицера. Окончил Морской Кад. Корпус и по традиции семьи стал морским офицером. Уже в детстве он интересовался птицами и любил подолгу наблюдать их парящий полет. Как все мальчишки, увлекался запуском змеев. Впоследствии это его толкнуло на создание змея-планера, имеющего форму птицы с распростертыми крыльями, обтянутыми шелковой материей. На таком планере, в своем имении, Можайский совершает свои бесстрашные полеты, доказав, что человек может летать. Погонной силой была скачущая тройка лошадей, запряженная в телегу, к которой веревкой был привязан парящий над землей человек-птица.

Однажды при неудачном приземлении Можайский сломал себе ногу. Но это не остановило его. Едва оправившись, он начал конструировать модели своих будущих аэропланов. Чтобы посвятить себя полностью этому делу, он в 1862 году выходит в отставку.

В своей области Можайский был исключительно осведомленным человеком. Был знаком со всей заграничной литературой того времени, касающейся воздухоплавания. В это

время в той же области в Европе тоже велись изыскания (англичане Келли и Хенсон, французы Пенон и братья Темпель). Их попытки в этом направлении окончились неудачей. Большинство специалистов того времени пришло к убеждению, что единственный путь развития аэронавтики — это создание аэростатов, т. е. воздушных шаров и цепелинов.

Но Можайский был упорен и считал, что он на правильном пути. Опыты со змеем-планером помогли ему определить размеры крыльев, способных удержать человека в воздухе. Он изучает конструкцию птиц, взвешивает их на точных аптекарских весах, измеряет длину и ширину их крыльев и устанавливает соотношение между их весом и размером их крыльев. Наблюдая птиц он видел, что они парят в воздухе лишь после того как взмахами крыльев птица сообщает телу необходимую скорость. Он пришел к заключению, что эти взмахи крыльев в будущем аэроплане можно будет заменить мотором, который даст необходимую скорость. Он также установил, что вес будущего аэроплана и его форма должны находиться в точной зависимости от скорости полета.

В 1876 году Можайский создает первую модель своего аэроплана. Проба этой модели происходит в Большом петербургском манеже, при большом стечении публики. Это была по теперешним понятиям большая игрушка, имеющая крылья и пропеллер, работающая на заводной пружине. Грузом был кортик самого Можайского.

Об этом событии член морского технического комитета полк. П. Богуславский писал: «Быстрота полета аппарата изумительная, он не боится ни тяжести, ни ветра и способен летать в любом направлении. Этот опыт доказал, что существование до сего времени препятствия к плаванию в воздухе блистательно побеждены нашим даровитым соотечественником». Этим опытом Можайский доказал возможность **машины тяжелее воздуха** летать.

Можайский обращается в военное министерство за финансовой помощью для постройки им спланированного аэроплана. Комиссия министерства отнеслась скептически и несерьезно к затее Можайского, считая ее «бесполезной и нерациональной» и ассигновала на постройку только 3000 рублей (по самым скромным подсчетам постройка должна была обойтись в 19000 рублей).

Можайский продает свое украинское имение «Вороновице» и в общем на свои средства начинает строить свой аэроплан.

Работы, связанные с этим, несмотря на то, что военное министерство не проявляло к ним большого интереса, были засекречены и по правилам министерства большинство документов по истечении десятилетнего срока были уничтожены. Тем не менее некоторые сведения все-таки сохранились. Так известно, что этот первый в мире самолет имел вес 1071 килограмм, размах крыльев 22 метра, длина крыльев — 14.2 метра, длина фюзеляжа — 23 метра и три четырехлопастных винта из дерева были 4 метра диаметром. Общая мощность двух паровых двигателей — 30 лошадиных сил (дизельные двигатели были только что изобретены).

Аэроплан был готов в 1882 году и в том же году около Красного Села под Петербургом он был испробован. Военная Энциклопедия (изд. Сытина, 1914 г., том 26) пишет: «Аэроплан под управлением механика взлетел, начал крениться и опустился. При спуске было повреждено крыло машины и управляющий аэропланом механик получил увечье». Сохранились рассказы очевидцев, они говорят об этом событии приблизительно то же самое, но более пространно. (Чтобы не затягивать мою статью я их не привожу).

Противники Можайского в этом усмотрели доказательство неосуществимости его мечтаний. Он же, будучи инженером эту неудачу рассматривал с технической стороны как успех и доказательство, что его аэроплан будет летать, только нужно на него поставить более сильные, но более легкие моторы.

Он проектирует новые моторы и заказывает их на Обуховском заводе в Петербурге. Проектировка и постройка этих моторов шла очень медленно, с большими перерывами. Денег не хватало, он влез в долги, уже второе имение Можайского «Котельниково» в Вологодской губ. пошло с торгов. Много нервов и бумаги было потрачено на докладные записки с просьбами о помощи, с неполадками при производстве моторов.

Их производство затянулось до 1890 года. Наконец моторы были готовы и его аэроплан должен был полететь. Но судьба решила иначе — Можайский заболевает крупозным воспалением легких и 19 марта 1890 года умирает. Он не успел эти моторы поставить на свой самолет...

Продолжателем дела А. Ф. Можайского в России, в то время, не нашлось.

Это очень вкратце о нашем русском пионере в области аэронавтики.

Борис Павлов.

СПИСОК ЖЕРТВОВАТЕЛЕЙ В ФОНД ЖУРНАЛА

Объединение кадет в Сан-Франциско 100 дол.; А. Берендс 15; г-жа И. В. Халафова (Австралия) 30 австралийских дол.; А. Новосильцев 5; полк. В. П. Тихомиров (Австралия) 10 ав. д.; Н. Андреев (Новая Зеландия) 2 д.; К. Шереметов 30; А. Московченко в добрую память В. Рогойского 35; Архимандрит Владимир (Джорданвиль, Н. Й.) 81; А. С. Бразоль 10; Нью-Йоркское кадетское объединение 1000; Г. Шидловский 14; Кн. Т. Багратион-Мухранский 25; Д. Горбенко 4; В. Змунчила 20 долларов.

ОТДЕЛ РОЗЫСКОВ

Родственники и друзья убедительно просят знающих что-либо о судьбе

ИННОКЕНТИЯ СТАРОДУБЦЕВА,

вице-фельдфебеля 8-го выпуска, 1928 г. Крымского кад. корпуса сообщить на адрес «Кад. Переключки» или по адресу:

1170 Bruxelles, Belgique.

E. Ivanoff, 178 Av. Ch. Michiels Bte 11

Последнее время Стародубцев проживал в Маракаибо, Венецуэла.

Отъ Редакціи.

Статья Д. Николаева, присланная к 9-му съезду кадет и все некрологи полученные после февраля 1985 г. будут напечатаны в следующем номере журнала.

Вечная

память

ушедшим однокашникам

ПАМЯТИ УШЕДШИХ

В г. Кэмпбел, Нью Йорк, 16-го января 1985 г. скончался
АВТОНОМ ВАЛЕРЬЯНОВИЧ ТОМИЛИН
кадет Воронежского кадетского корпуса.

В Оттаве, Канада, 2-го февраля с. г. скончался
КОНСТАНТИН АЛЕКСАНДРОВИЧ МИРОШНИЧЕНКО
кадет Крымского и I Русского кадетских корпусов.

В Сан Паоло, Бразилия, 13-го февраля с. г. скончался
БОРИС БАО
кадет Крымского кадетского корпуса.

В Чикаго 14-го февраля с. г. скоропостижно скончался
ПЕТР ДИМИТРИЕВИЧ ХУДЯКОВСКИЙ
кадет I-го Сибирского Императора Александра I кадетского корпуса.

В Сант Яго, Чили, 8-го февраля с. г. скончался
ГЕОРГИЙ СЕННИЦКИЙ
кадет I Русского В. Кн. Константина Константиновича кадетского корпуса, XI выпуска.

В г. Сильвер Спринг, 4-го марта с. г. скончалась
КСЕНИЯ НИКОЛАЕВНА ПРЯНИШНИКОВА
о чем с глубоким прискорбием извещает муж Борис Витальевич.

В Германии скончался
АЛЕКСАНДР ДАНИЛОВ
кадет Крымского и I Русского кадетски хкорпусов.

В Бонне, Германия, скончалась

ЛИДИЯ ГРИГОРЬЕВНА РОМАШ

(ур. Волкова)

погребена на кладбище Ново-Дивеевского монастыря в штате Нью Йорк.

Кадеты выражают глубокое соболезнование брату Георгию Волкову, кадету Первого Русского кад. корпуса, проживающему в Каракасе, Венецуэла, и всей семье почившей.

**Памяти однокашника
Константина Петровича Лесникова.**

2 декабря 1984 года в городке Walnut Creek, в 45 минутах езды от Сан Франциско, скоропостижно скончался кадет Крымского Кадетского Корпуса вып. 1928 года К. П. Лесников. Повторный сердечный удар неожиданно сломил его, не дав Косте возможности присутствовать на традиционном празднике Объединения Кадет в Сан Франциско 19 декабря, чего он так хотел...

По окончании корпуса Костя прошел еще годы учебы гражданских и военных наук, получив чин поручика Югославской Королевской Армии, а по гражданской части звание землемера, что дало ему возможность работать по постройке путей сообщения.

Война смяла жизни людей и вот Костя в немецком плену, как югославский офицер. Но и здесь его не покидает присущее ему спокойствие и жизнерадостность. Часто звучит Костина гитара и он поет всем знакомые родные русские песни и романсы. Участвует также и в офицерском хоре.

В конце войны ему пришлось полностью применить свои врожденные качества: расторопность, спокойствие и ум, когда на Костю свалилась неожиданная задача: вывести сотню кадет I Русского Великого князя Константина Константинови-

ча кадетского Корпуса из возможной зоны советской оккупации Австрии в американскую зону, что он с честью и выполнил. (См. «Переключку» № 19).

С юных лет Костя был «при церкви»: в корпусе он прислужник, либо в алтаре, либо, несколько позже, как иподьякон, равно как и в церковном хоре. При рукоположении владыки Иоанна (Шаховского) он также исполнял функции иподьякона; другим иподьяконом был тоже кадет, владыка Иоанн наверно помнит обоих.

По окончании войны многие государства стали «разбирать по рукам» образованных, здоровых людей. Эфиопский царь Хайле Селассие, через инженера Г. Турчанинова, также стал набирать русских инженеров и врачей. Костя уехал в далекую Эфиопию одним из первых и прожил там около 9 лет, работая на постройке дорог. Незадолго до этого он, будучи еще в Германии, женился на своей верной подруге жизни Зое Васильевне, которая также смело, как и он, решилась на поездку в дикую страну, имея на руках маленького сына Юру.

Переселившись в 50-х годах в Америку, Костя продолжал работать по своей специальности, постройке дорог, до выхода на пенсию. Живя сравнительно недалеко от центра кадетской жизни в Сан Франциско, Костя состоял членом Объединения, посещал кадетские встречи и собрания и всегда стоял в строю на празднике Объединения 19-го декабря, участвуя в жизни Объединения и живо интересуясь всем, что касалось кадет.

Костя обладал удивительным свойством располагать к себе сердца людей. Свойство это удивительно потому, что у него оно выражалось в редкой форме комбинации добродушия, спокойствия и заинтересованности в своем собеседнике.

Поездка на 9-ый съезд доставила Косте истинное наслаждение. Там он побывал и повидал своих старых друзей, товарищей и однокашников всего за 4 месяца до своей кончины. Ему также удалось выписать из Югославии свою внучку Таню, приурочив ее приезд к Съезду, на котором она провела все 6 дней и нагруженная подарками вернулась в Югославию. Не думала Таня, не думали друзья Кости и не подозревал сам он, что через 4 месяца его вдруг не станет...

На отпевании, состоявшемся в русской церкви св. Николая в Берклее, у гроба Кости, покрытого русским трехцветным флагом, стояли почетным караулом крымцы А. Шамбо, В. Случевский и К. Синькевич, и сибиряк А. Шестаков. Похо-

роны были на сербском кладбище в городке Колма под Сан Франциско, где похоронены почти все русские. Все время шел дождь. Плакало небо, и кажется, ни у кого из присутствовавших не было сухих глаз...

Царство небесное и вечный покой Тебе, дорогой наш друг Костя, верный товарищ, верный муж и семьянин и верный сын России, чистый душой кадет!

Е. Лазарев/К. Синькевич.

Памяти протодиакона Никиты Феодоровича Фортель.

Отец Никита родился в станице Гривенской, Кубанской области. По окончании гражданской войны эвакуировался в Югославию, где закончил среднее образование в 1929 году в Донском кадетском корпусе и поступил на сельскохозяйственный факультет. Окончив высшее образование со званием инженера-агронома был оставлен ассистентом при кафедре педологии. В 1941 году вступил в ряды Русского корпуса, где в составе Первого полка провел военные годы. В 1949 году вместе с женой Надеждой Николаевной и сыном Георгием переехал в Америку, в штат Калифорния. В 1969 году был рукоположен архиепископом Антонием Южно-Калифорнийским и Лос Анжелесским во диакона, а затем в протодиаконы.

О. Никита скончался 11 декабря 1983 г. после продолжительной болезни. Отпевание совершил архиепископ Антоний в Преображенском соборе. В теплых словах владыка простился с покойным. Хоронили о. Никиту в полном облачении

Ушел от нас верный сын церкви, большой русский патриот на всю жизнь сохранивший девиз «За Веру, Царя и Отечество».

Михаил Михайлович Кашин.

Михаил Михайлович Кашин, скончался после продолжительной болезни, 27 августа 1984 г. в городе Лейквуд, Нью Джерси.

Миша, сын полковника Стародубовского драгунского полка, родился 5 мая 1913 г. в Иркутске. Первая мировая война, февральская революция, октябрьский переворот, граждан-

ская война, эвакуация из Крыма, Галлиполи и наконец Королевство С.Х.С. Вот этапы его детства, как и многих других детей российских офицеров. Семья Кашиных осела в городе Панчево, где существовала русская школа, в которой Миша и его сестра Галя начали свое образование. В 1924 г. Мишу отдают в Крымский кадетский корпус во 2-ой класс (XI выпуск). Из-за недостатка вакансий его вскоре переводят в Русский (Сараевский) кадетский корпус, а при переводе последнего в Белую Церковь, он попадает в 6 кл. Донского кадетского корпуса. Финансовое положение русских было далеко не блестящим, редко у кого хватало месячного заработка до конца месяца. Естественно, что летом, когда дети приезжали в отпуск, было особенно трудно. Дети это понимали и изыскивали собственные пути в виде поденной, физической работы. В Панчево 16-18-летние юноши подрабатывали на строительных работах или брались сдельно за разгрузку вагонов с углем или барж с цементом. Тяжелая была работа, но зато и заработок был таким, что и родителям можно было помочь. Так русские кадеты и гимназисты вступали в суровую эмигрантскую жизнь. По окончании среднего образования, Миша записывается в Белградский университет. Высшее образование было бесплатным, но надо было жить, т. е. совмещать учение с работой, что он делает работая у подрядчика по паровому отоплению. Незаметно подошел 1941 год. В сентябре Миша в рядах 1-ой роты юнкерского батальона Русского Корпуса. Учение и боевая служба. 12 сентября 42 года производство в офицеры и продолжение борьбы с коммунизмом в рядах корпуса и Русской освободительной армии. Конец войны. Сидение в лагерях в ожидании решения Британского королевского правительства, выдают Советскому Союзу или нет. Наконец путешествие через океан и Миша в США. Начинается новая жизнь, в которой все надо заново создавать. За этим созданием прошли годы, незаметно подошел возраст "Senior Citizen" 'а, а вместе с ним и болезнь, унесшая Мишу в могилу. Однокашники Миши молитвенно склоняют головы перед горем осиротевшей семьи. Ушел от нас еще один русский патриот, хороший товарищ, офицер и Кадет с большой буквы.

Вечная память Воину Михаилу.

«Панчевац».

Светлой памяти отца архимандрита Спиридона.

10 октября 1984 г. в сороковой день упокоения Отца Архимандрита Спиридона, в г. Пало Алто в Храме Покрова Пресв. Богородицы, Архиереем Сан-Францисским и Западно-Американским Антонием была отслужена панихида с сонмом духовенства.

Несмотря на будний день храм был заполнен молящимися, чтущими память о. Спиридона. Так как несколько дней перед этим в Лос Анжелесе умер кадет 22-го вып. Р.К.В.К.К. К. Корпуса Михаил Будилов, то одновременно молились и о новопреставленном воине Михаиле.

Ушел от нас наш добрый молитвенник, настоятель Храма и инспектор классов Русской Школы-Гимназии архимандрит О. Спиридон, в миру Никодим Ефимов, воспитанник 4-х Российских Кадетских Корпусов: Тифлисского, Симбирского, Пажеского и 1-го Сибирского-Омского.

Путем нашей «Кадетской Переключки» чтим его светлую память. Одним кадетом на Пенинсуле стало меньше.

Осиротевшие Кадеты Пенинсулы: Александр Скалон, Анатолий Жуковский, Анастасий Израилев, Игорь Карабанович, Георгий Томашевский, Алексей Мальчевский, Николай Маслов, Анатолий Рибас, Игорь Козлов, Александр Кулаков, Александр Лашкарев, Александр Манернов, Святослав Данич, Павел Житлов, Степан Мартинович, О. Владимир Мордвинкин, Алексей Могилев.

В память о. Спиридона.

В субботу 1 сентября/19 августа 1984 года скончался наш дорогой и любимый духовный отец, друг, законоучитель и инспектор классов, наш батюшка Отец Архимандрит Спиридон (Ефимов).

В Школе Отец Спиридон, проработал около двадцати лет. Был он любим за свою доброту, сердечность, скромность, мягкость и любовь, которую он проявлял ко всем, и в особенности, к детям.

Отец Спиридон был глубоко образован и до своих последних дней оставался со светлым умом.

В Школе, его уроки отличались тем, что помимо знаний по Закону Божьему и Русской Истории, он старался передать детям любовь, доброту, скромность, отзывчивость и другие

положительные христианские качества. Это он делал при помощи рассказов из жизни святых и жизни исторических личностей или просто коротких рассказов, которые всегда содержали что-то нравоучительное.

Есть священники строители церквей, есть священники хозяева, есть священники организаторы, есть священники проповедники и есть священники старцы. Отец Спиридон был старцем древней русской традиции. Старцы всегда вели скромный образ жизни. С точки зрения мира они часто ничем особенным не отличались. С духовной точки зрения, старцы были молитвенники, подвижники, советники, учителя и вдохновители многих людей своим словом и делом. Возле них всегда были их почитатели, которые чувствовали их духовную теплоту и которые ею питались. Все мы, знающие отца Спиридона, благодарим Господа Бога за то, что Он нам дал возможность знать Русского старца.

Администрация Школы обращается к Вам, чтобы Вы вместо цветов на могилу отца Спиридона пожертвовали на сооружение памятника.

Пожалуйста, выписывайте чеки на имя Школы:

Holy Protection School
P.O. Box 914, Palo Alto, Ca 94302

На чеке нужно указать:

Father Spiridon Monument

Директор Школы
А. Н. Мирошниченко

Памяти полк. В. К. Федорова.

13 октября 1984 года в г. Санта Барбара, Калифорния, скончался полковник

ВЛАДИМИР КОНСТАНТИНОВИЧ ФЕДОРОВ

правнук Николая Ивановича Лобачевского.

Владимир Константинович кадет 1-го Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса, выпуска 1909 года. Окончил Михайловское артиллерийское училище. В 1914 г. выдержал экзамен в Михайловскую Артиллерийскую Академию, но с началом войны вышел на фронт. Был контужен, дважды отправлен газами и ранен в ногу. Награжден всеми очередными наградами до ордена св. Владимира 4-ой степени с мечами **включительно.**

Революция его застала командиром 12-ти дюймовой батареи. Вскоре ему удалось пробраться на юг. В добровольческой армии он командовал бронепоездом «Иоанн Калита». В канун новороссийской эвакуации заболел сыпным тифом и был вывезен на английском военном судне в салоникский военный госпиталь. Затем Болгария, Египет, Вашингтон и Санта Барбара, где Виктор Константинович похоронен на местном кладбище.

Вдове Елизавете Рейнхольдовне выражаем наше искреннее соболезнование.

С. Третьяков.

Памяти Ю. Тараканова.

Все уже круг. И замкнутой, суровой
Становится земная жизнь моя.
И вот теперь с потерей этой новой
Уже не знаю жив иль нежив я.

Мы времени не чувствуем, не знаем,
Пока не подойдет последний час,
Пока не приоткроется пред нами
Бездонье, поглощающее нас.

И вот тогда, в смертельном исступленьи
Один лишь вопль несется из груди:
О Господи! Услышь мое моление,
Повремени, помилуй , подожди!!!

Но все молчит. И нету нам ответа
Ни с вышины, ни из глубин веков...
И только знаем мы, что в жизни этой
Так было встарь. Так есть. Так будет вновь..

В. Строгов.

В г. Торонто, Канада, 16 февраля 1985 г. скончался старейший член Объединения Капита

БОРИС ЛЕОНИДОВИЧ ОРЕШКЕВИЧ

кадет Владимирского Киевского Кадетского Корпуса.

В г. Питерсбурге, Флорида, 31 марта с. г. скоропостижно скончался

ВЛАДИМИР РОМАНОВ

кадет Донского Императора Александра III кадетского корпуса, 46-го выпуска. Похоронен в г. Торото, Канада, с кадетскими почестями.

Кадеты выражают искреннее соболезнование дочери и сыну с семьями.

В г. Пенсильвании США, 22 апреля с. г. после продолжительной болезни скончался заслуженный профессор Принстонского Университета, ученый с мировым именем хорунжий

ГРИГОРИЙ ПОРФИРЬЕВИЧ ЧЕБОТАРЕВ

адъютант Донского Кадетского корпуса и автор книги на английском языке «Россия моя родная земля».

В г. Си Клифе, США, скоропостижно скончался

КНЯЗЬ АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ КУДАШЕВ

кадет Первого Русского Вел. К. Константина Константиновича кадетского корпуса. Супруге Людмиле Серафимовне и сыну Николаю кадеты выражают глубокое сочувствие.

Волею Божией 14 февраля в гор. Лилль на 87-ом году жизни скончался

ВЛАДИМИР МИХАЙЛОВИЧ ПЕРЕСЛЕНИ

подполковник Дроздовского полка, о чем с глубоким прискорбием извещают жена, дети, внуки и друзья.

В г. Блумингтоне шт. Индиана 20-го октября 1982 г. скончался

АЛЕКСАНДР ДМИТРИЕВИЧ МАРТЬЯНОВ

кадет Хабаровского кадетского корпуса выпуска 1924 года.

В г. Иеррес, Франция, 29 марта с. г. после продолжительной болезни скончался

ГЕОРГИЙ ХОРОШКИН

В. ун.-офицер 8-го выпуска Русского кадетского корпуса.

Семье покойного Об-нение Княже-Константиновцев в Бельгии выражает искреннее соболезнование.

В Сараево, Югославия, 17-го января с. г. скончался

ДМИТРИЙ СУХОДУБОВСКИЙ

кадет Русского кадетского корпуса 5-го вып.

В Париже скончался Донской Артиллерии Войсковой Старшина

ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВИЧ ШЛЯХТИН

кадет Донского Имп. Александра III кадетского корпуса, 26-го выпуска 1915 года.

Кадеты Княже-Константиновцы в северной Калифорнии опечалены кончиной

ТАМАРЫ ВИКТОРОВНЫ ГРИЦАЙ

и выражают искреннее сочувствие Коле и его сестре в постигшем их горе.

7 апреля 1985 года скончался

АЛЕКСАНДР ГЕОРГИЕВИЧ ГИРИЛЛОВИЧ

кадет 17-го выпуска 1921 года Хабаровского Графа Муравьева Амурского кадетского корпуса. По окончании корпуса с эскадрой ген. Старка оставил родные берега.

После его смерти остались вдова Варвара Павловна и дочь Марина Александровна.

В Буэнос Айресе 11 февраля 1985 г. в возрасте 91 года после тяжелой болезни тихо скончался поручик

ЯКОВ АЛЕКСАНДРОВИЧ ЯКИМОВИЧ

воспитанник Константиновского военного училища вып. 1915 года, инвалид, участник Белого Движения, Галлиполиец.

Мир праху Твоему старый императорский солдат.

В Буэнос Айресе 12 января с. г. после тяжелой болезни скончалась

Д-р Мед. ГАЛИНА АЛЕКСАНДРОВНА ВОЙЦИЦКАЯ

(ур. Пограничная). Судьба покойной была тесно связана с Петровским Полтавским и Крымским кад. корпусами, где ее отец был воспитателем, а братья и двоюродные братья учились в этих корпусах. С корпусом Галина Александровна эвакуировалась во Владикавказ и затем через Грузию в Крым и Югославию, где в Загребе окончила медицинский факультет. Замужем была за кадетом 1-го выпуска Русского Кадетского корпуса Георгием Войцицким. Семье покойной кадеты выражают искреннее соболезнование.

В г. Валенсия, Венецуэла, 5-го апреля с. г. скончался п.-поручик Югославской армии и лейтенант Казачьего Корпуса

ВАСИЛИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ТУРЧАНИНОВ

кадет Крымского и Донского кадетских корпусов выпуска 1933 года. С глубоким прискорбием кадеты выражают семье покойного искреннее сочувствие в постигшем их горе.

В г. Маракае, Венецуэла, 7-го апреля с. г. скончался лесной инженер подпоручик

ИВАН ИВАНОВИЧ КАЗНАКОВ

кадет Донского и Первого Русского кадетских корпусов выпуска 1931 года. Низко склоняя головы кадеты просят осиротевшую семью принять выражения глубокого соболезнования.

В Рио де Жанейро 21 апреля скончался

ФЕДОР ПОТАПОВ

кадет Донского Кадетского Корпуса.

ПРЕДСТАВИТЕЛИ «КАДЕТСКОЙ ПЕРЕКЛИЧКИ»

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ :

- NEW YORK : Mr. Eugene Girs
85-59 88th St.
Woodhaven, N.Y. 11421
- SAN FRANCISCO : Mr. Elmursa Mistuloff
554 N. Ardmore Ave.
Los Angeles, Calif. 90004
- LOS ANGELES : Mrs. Maria Telatnikov
1563 - 18th Ave.
San Francisco, Calif. 94122
- PALO ALTO : Mr. Alex Malcevski
853 Homer Ave.
Palo Alto, Calif. 94301
- CHICAGO : Mr. Leonid Hantel
4728 N. Laramie Ave.
Chicago, Ill. 60630
- BOSTON : Mr. Igor Kviatkovsky
103 Farquhar St.
Boston, Mass. 02131

КАНАДА :

- MONTREAL : Mr. Alexander Perekrestov
10205 J. J. Gagnier
Montréal, Que. H2B-2Z9
- TORONTO : Mr. Serge Tyrras
397 Quebec Ave.
Toronto, Ont. M6P-2V5

АВСТРАЛИЯ :

- ALTONA NORTH : Mr. Vladimir Kasperovic
1-A Corrigan Ave.
Altona North, Vic. 3025

- WALKERVILLE :** Mr. Vladimir P. Tikhomiroff
5 Fuller St. (Fl. 12)
Walkerville
S. Australia 5081
- ФРАНЦИЯ :** Mr. André Schmemann
12 Rue Parent de Rosan
75016 Paris
- БЕЛЬГИЯ :** Mr. Eugène Ivanoff
178, Av. Charles Michiels Bte 11
1170 Bruxelles
- ВЕНЕЦУЭЛА :** Sr. Georg Scherbovich
Av. Budapest, Qta. Primavera
La California Norte
Caracas 1070
- БРАЗИЛИЯ :** Sr. Alexander Politansky
Rua Alagoas, 162
Apto. 51
Higienopolis 01242
Sao Paulo
- АРГЕНТИНА :** Sr. Alejandro Alferov
Garcia Del Rio 3550
(1430) Buenos Aires

ОГЛАВЛЕНИЕ

На складе Кадетской Переключки имеются следующие книги:

1. **Кадетские Корпуса за Рубежом** (502 стр.) 10.00 ам. дол.
2. **Донской Императора Александра III Кадетский Корпус** (590 страниц) 10.00 ам. дол.
3. Борис Ганусовский: **«10 лет за железным занавесом»** (399 страниц с фотографиями) 16.00 ам. дол.
4. Также имеются все номера Кадетской Переключки кроме номера 1-го. Цены номеров разные от 2.00 до 5.00 ам. дол.

Пересылку берет на себя Кадетская Переключка.

При заказе чеки просим выписывать на имя:

Association of Russian Cadets Inc.

и направлять, по адресу:

Mr. Eugene Girs

85-59 88th St.

Woodhaven, N. Y. 11421.

U.S.A.

«ПРАВДА

О ЕКАТЕРИНБУРГСКОМ ЗЛОДЕЯНИИ»

книга проф. П. Н. Пагануци,

которая является расширенным изданием статьи «Екатеринбургское Злодеяние» впервые напечатанной в 22-ом номере нашего журнала, вышла из печати. Издание на русском языке можно выписать от

HOLY TRINITY MONASTERY BOOKSTORE

Jordanville, N. Y. 13361. U.S.A:

по цене 10 дол. в мягком переплете или 15 дол. в твердом.

Английская версия выйдет из печати через пол года.

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

RARE BOOK COLLECTION

The André Savine Collection

Savine
DK35 .5
.K33
no.38

